

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Воронежский государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра славянской филологии

На правах рукописи

Страхов Игорь Игоревич

**АВТОБИОГРАФИЗМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Г. Ф. Ковалев

Воронеж – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
1.1. К истории изучения имени собственного.....	9
1.2. К истории литературной топонимики.....	21
1.3. К истории изучения ономастики М. М. Пришвина.....	27
ГЛАВА II. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА	
2.1. Топонимы как объект интереса М. М. Пришвина.....	36
2.2. Общая оценка топонимической лексики в художественных текстах М. М. Пришвина.....	44
2.3. Вопрос о гидроцентричности художественных текстов М. М. Пришвина в аспекте литературной топонимики	50
ГЛАВА III. МАЛАЯ РОДИНА М. М. ПРИШВИНА В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	57
ГЛАВА IV. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ М. М. ПРИШВИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИЗМА ЕГО ТВОРЧЕСТВА	
4.1. <i>Москва, Петербург и Россия</i> как самые частотные топонимы художественных текстов М. М. Пришвина.....	91
4.2. Топонимия Русского Севера в художественных текстах М. М. Пришвина.....	109
4.3. Особенности отражения топонимии Сибири и Дальнего Востока в произведениях М. М. Пришвина разных жанров	173
4.4. Вымышленные и искаженные топонимы в художественных текстах М. М. Пришвина.....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	209

ВВЕДЕНИЕ

Русская литературная ономастика возникла в лоне отечественной науки чуть более полувека назад, однако носить звание молодой науки ей позволяет не только сравнительно короткая история, но и широчайшие перспективы, которые открываются перед ней сегодня – ведь предметом этой науки является имя собственное как единица авторского творчества, имя собственное как неотъемлемая часть художественного текста – то есть ее предмет необъятен, как необъятна вся русская классическая литература, покорившая читателей всего мира.

Однако пока не вполне исследованы произведения даже признанных русских классиков, ядро русской культуры, не принята окончательно терминологическая парадигма, возникают новые методы исследований, специфические подходы, рождаются оригинальные взгляды на проблемы. Литературная ономастика привлекает все больше ученых, благодаря которым увеличивается ее взаимодействие с различными областями лингвистики и литературоведения, а также с науками нефилологическими.

Специализированные журналы, где регулярно печатаются исследования по русской литературной ономастике, также стали появляться совсем недавно: это «Записки з ономастіки» (Одесса, с 1999 г.), «Вопросы ономастики» (Екатеринбург, с 2004 г.), «Λογος όνομαστική» (Донецк, с 2006 г.).

Наиболее общей задачей современных ономастов, на наш взгляд, является поиск адекватных путей подхода к материалу в процессе изучения творчества наиболее самобытных и талантливых писателей всех эпох. Ему должно сопутствовать накопление опыта разноаспектного анализа онимов, который в будущем мог бы стать основой для новых попыток системного осмысления литературной ономастики как важнейшей науки на стыке лингвистики и литературоведения.

Соответствие данной работы вышеуказанной задаче, а также ее **актуальность** обусловлены следующим.

М. М. Пришвин признан одним из тех писателей XX века, чье оригинальное художественное творчество стало неотъемлемой частью русской литературы. Многие ипостаси его писательской личности открываются только теперь – во многом благодаря публикации дневников, которые, в частности, позволяют выявить степень автобиографизма его художественных произведений. До сегодняшнего дня, однако, не проводился системный анализ ономастического материала творчества Пришвина, в то время как выявление особенностей авторского ономастикона способствует более глубокому пониманию языковой личности писателя и авторской картины мира. До сих пор также не проводилось крупных ономастических исследований, в центре внимания которых находилось исключительно топонимическое пространство художественного наследия того или иного автора, несмотря на то, что лингвистами признается особая роль топонимической лексики в составе ономастикона художественного произведения.

Целью диссертационной работы является выявление специфики использования топонимической лексики в творчестве М. М. Пришвина с позиций автобиографичности его ономастики.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) выявление в художественных текстах Пришвина массива топонимов, его описание и классификация;

2) изучение места топонима в авторской картине мира как основания для формирования особенностей использования топонимических единиц в художественных текстах;

3) выделение наиболее репрезентативных топонимов и групп топонимов и анализ их семантики и структуры, роли в тексте;

4) установление источников авторской топонимии; в частности, анализ соотнесенности топонимикона с реальной топонимией и биографией писателя и определение особенностей топонимической системы Пришвина как проявления автобиографизма произведений писателя;

5) рассмотрение мотивации при выборе Пришвиным топонимов, выявление своеобразия их использования как средства реализации идейно-художественного замысла и как маркеров хронотопа, особенностей их употребления в зависимости от жанровой принадлежности произведения.

Объектом исследования является топонимическая лексика художественных произведений М. М. Пришвина.

Предметом является роль в создании художественного образа, пространственно-временных отношений (хронотопа), жанровой принадлежности и структурной организации текста, способы индивидуально-авторского употребления такой лексики в художественных текстах и реализации ее автобиографической составляющей.

Основным источником материала послужили художественные произведения Пришвина, под которыми в практическом смысле нами понимаются произведения, включенные в Полное собрание сочинений М. М. Пришвина (1982-1986), за исключением авторского пересказа книги англо-канадского писателя Арчибальда Стэнфелда Билэйни (Серая Сова) «Странники лесной глуши», опубликованного под заглавием «Серая Сова», и выдержек из дневников. **Дополнительными источниками** послужили опубликованные к 2015 г. дневники писателя (по 1949 г.), включающие собственно дневниковые записи, черновики писем и записи документального характера; изданная в 2004 г. книга «Цвет и крест», содержащая некоторые наброски Пришвина, не вошедшие в советские собрания сочинений произведения, а также ранние публицистические тексты писателя.

Материалом исследования стал массив топонимов, выбранный из Полного собрания сочинений и включивший в себя 1306 единиц (вместе с

вариантами) в 6633 словоупотреблениях, обязательно рассмотренных в контекстах.

Методологическая основа диссертационной работы опирается на базовые положения о языке художественной литературы и комплексный подход к анализу художественного текста как эстетически организованной системы. При исследовании имен собственных нами использовался как системный подход к топонимикону, так и особый – к отдельным топонимическим единицам и группам топонимов – с учетом их частных особенностей. Главным в работе является описательный метод, подразумевающий отбор материала, его этимологический, семантический, контекстуальный и стилистический анализ. В данной работе использовались систематизация, обобщение и классификация топонимических единиц, а также – для отражения наиболее системных особенностей употребления топонимов – статистический анализ.

Основной **теоретической базой** стали труды ученых-ономастов А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. И. Никонова, В. А. Жучкевича и др., а также филологов, так или иначе затрагивавших проблему ономастики художественного текста: А. Л. Бема, В. Н. Михайлова, Э. Б. Магазаника, О. И. Фоняковой, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинин, Г. Ф. Ковалева, Ю. А. Рылова, В. И. Супруна и др. В качестве вспомогательных использовались новейшие гипотезы литературоведов, занимающихся творчеством М. М. Пришвина: Н. В. Борисовой, А. Н. Варламова, З. Я. Холодовой, Е. А. Худенко и др.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые проведен многосторонний анализ топонимикона художественных текстов М. М. Пришвина. Новым является и то, что исходной точкой анализа стала мельчайшая единица объекта исследования – топоним. Именно на основе выводов об использовании каждого из проанализированных топонимов во всех доступных текстах автора и о месте каждого топонима в индивидуально-авторской картине мира сделаны обобщающие выводы об

особенностях употребления топонимической лексики в художественных текстах Пришвина в целом, которые воспринимались в ходе исследования как единый текст. Таким образом, в работе показаны особенности использования одних и тех же топонимов (или их вариантов) в произведениях разных жанров, приемы авторской обработки биографического материала в зависимости от писательской интенции и, соответственно, автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах Пришвина. Особое внимание в ходе исследования уделялось также хронотопности топонимической лексики.

Положения, выносимые на защиту:

1) топонимикон художественных произведений Пришвина состоит в основном из реальной топонимической лексики и предельно биографичен;

2) контекстуальный анализ использования соответствующих топонимов показывает, что малая родина писателя (село Хрущёво-Лёвшино, город Елец и его окрестности, а также район так называемого русского подстепья вообще) занимает важное место в становлении художественного творчества Пришвина;

3) реальная топонимическая лексика, использованная Пришвиным, не только устанавливает хронотопные рамки произведения или отдельных эпизодов, но и служит средством художественной выразительности, благодаря индуцированию коннотативных значений топонима, этимологизации топонима и актуализации «обнаженной» формы имени (как имплицитно, так и эксплицитно), поэтической этимологизации топонимов, актуализации стилистического потенциала отдельных имен (в частности, в целях создания стилистического контраста), мифологизации реальных топонимов и некоторых других приемов;

4) ономастический анализ подтверждает, что топонимикону художественных текстов Пришвина свойственна гидроцентричность.

Теоретическая значимость диссертации заключается в возможности введения в сферу языкового и литературоведческого исследования

творчества М. М. Пришвина данных литературной ономастики. Привлечение ономастического материала позволит глубже изучать язык художественных произведений. Исследование должно обратить внимание на необходимость дальнейшего изучения ономастикона Пришвина и закрепить в исследовательском процессе взаимодействие ономастики, биографизма и хронотопности. Также работа дает ценный материал для ученых, сконцентрировавших свое внимание на других сторонах жизни и творчества писателя.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его материалы можно использовать, во-первых, в курсах, посвященных проблемам литературной ономастики, во-вторых, в курсах, связанных с языком творчества М. М. Пришвина. Диссертационная работа способствует более глубокому пониманию идейно-художественного замысла писателя, индивидуально-авторской картины мира, а отдельные изыскания, связанные с фактами биографии, могут, на наш взгляд, использоваться при комментировании текстов Пришвина в изданиях для широкого читателя, а также при их переводах на иностранные языки. Материалы исследования могут быть использованы для составления Ономастического словаря произведений М. М. Пришвина или Словаря языка творчества М. М. Пришвина. Также они могут быть привлечены во время создания интегрированных уроков в средней школе, показывающих неразрывную связь языка и литературы, уроков краеведения, при организации внеклассных мероприятий.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя «Михаил Пришвин и XXI век» (г. Елец Липецкой области, 14-16 февраля 2013 г.), на IX Международных Святогорских ономастических чтениях (г. Донецк, Украина, 17-20 октября 2014 г.), на форуме «Культурно-историческое наследие Центрального Черноземья» (с. Аргамач-Пальна Елецкого района Липецкой области, 7-9 августа 2015 г.),

на Первых международных ономастических чтениях имени Е. С. Отина (г. Донецк, Украина, 16-18 октября 2015 г.), на IV Международной научно-практической конференции «Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность» (г. Барановичи, Республика Беларусь, 22 октября 2015 г.). Содержание диссертации отражено в 9 научных статьях, 5 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1.1. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Имя собственное существует в языке человеческого общества с тех пор, как человек осознал себя человеком, и тогда оно было вынесено им в особую, сакральную зону бытия. Возможно, отчасти и поэтому как объект изучения имя собственное до второй половины XX века интересовало не столько лингвистов, сколько философов. Начиная короткий экскурс в историю изучения имени, нельзя не отметить, что еще во II веке до нашей эры философы-стоики наряду с именем нарицательным, глаголом, союзом и так называемым членом выделили как часть речи имя собственное. Сейчас мы вынуждены согласиться с тем, что в этом случае «отделение имен собственных от имен нарицательных произведено на основании чисто семантических признаков; с формальной, морфологической точки зрения это разграничение никак не мотивировано» [История лингвистических учений, 1980, с. 191], однако один только факт такого подхода древнегреческих философов к именам собственным говорит об особом месте этих лингвистических единиц в языке и сознании.

Первой, основной и в то же время самой сложной проблемой имени собственного, стоявшей перед учеными, была одновременно и лингвистическая, и логическая проблема определения своеобразия его значения. В течение XIX века исследователи высказывали разные мнения на этот счет. Так, английский логик Д. С. Милль первым предположил, что имена собственные не обладают коннотативным значением, а имеют лишь денотативное. Другой логик из Великобритании, Х. Джозеф, напротив, указывая на несовершенство терминологического аппарата своего предшественника, считал, что собственное имя имеет больше значения, чем нарицательное. Б. Рассел высказывал мысль о том, что имена бессмысленны без объекта, который они обозначают, а датский лингвист П. Кристоферсен

объяснял разницу между именами нарицательными и именами собственными абстрактностью первых и конкретностью последних. Ценно его замечание об особенностях описательного содержания имени собственного по сравнению с именем нарицательным: «описательное содержание играет важную роль в момент присвоения имени. Но, будучи дано, оно превращается в зафиксированное, сохраняющееся даже когда причина более не существует» [цит. по: История лингвистических учений, 1980, с. 77]. Интересен тезис английского лингвиста А. Гардинера о «воплощенных» (т. е. прикрепленных к определенным лицам и местностям) и «развоплощенных» (т. е. рассматриваемых вне связи с какими-либо конкретными объектами и лицами) именах. Дальнейшим осмыслением значения имени собственного занимались В. Брендаль, Э. Бойссенс, Л. Ельмслев, К. Тогебю, О. Есперсен, Е. Курилович, М. Бреаль, П. Трост и многие другие лингвисты. В книге 1973 г. «Общая теория имени собственного» советский ономаст А. В. Суперанская отмечала, что почти все написанные на тот момент работы, посвященные онимам, были построены «на недостаточной фактической базе, вследствие чего оторванный от живого употребления материал приобретал вид “усредненных” собственных имен, каких в действительности мало» [Суперанская, 1973, с. 91].

Заметим, что литературная ономастика, в русле которой протекает наша работа, имеет свой взгляд на проблему значения онима. Как отмечал в своих лекциях Г. Ф. Ковалев, литературный оним имеет только два значения: этимологическое и коннотативное. На их основе формируется стилистический потенциал имени собственного в художественном тексте.

Ономастика изучалась также историками, географами, психологами, этнографами. Топонимика и сейчас служит одним из лучших помощников историков. Фактически ономастика как отдельная наука была утверждена на I Международном ономастическом конгрессе во Франции в 1930 г.

В отечественной лингвистике имени собственному стали уделять внимание в 60-е гг. XX века; тогда, благодаря работам Н. И. Толстого,

А. И. Попова, В. А. Никонова, А. К. Матвеева, А. П. Дульзона, Э. Б. Магазаника, ономастика стала бурно развиваться в разных научных центрах СССР: в Москве, Свердловске, Томске, Донецке, Киеве, Одессе, Ульяновске, Самарканде, Воронеже – и скоро получила статус самостоятельной лингвистической дисциплины. Тогда же началась всесторонняя и разнонаправленная разработка ее проблемного поля. В 70-е гг. наука о собственных именах уже имела свой устойчивый терминологический аппарат и признание лингвистами ее самостоятельности и актуальности, что способствовало дальнейшему формированию дисциплины, которое продолжается и по сей день.

Активное развитие отечественной литературной ономастики (отметим, что для обозначения данной научной дисциплины некоторые ученые используют и другие названия: оноματοпэтика, ономапэтика, пэтика, онима и другие [см.: Калинин, 1999, с. 68-72]; мы, однако, предпочитаем использование в работе термина «литературная ономастика») как науки началось тогда же, когда и развитие ономастики как таковой, однако интерес к именам в литературном произведении сначала возник среди литературоведов, а еще раньше – среди литературных критиков и, конечно, самих писателей. Осознанный выбор имен для персонажей очевиден на примере классицистической литературы, где «говорящие» имена в произведениях Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и А. С. Грибоедова – часть литературного метода.

В. Г. Белинский нередко обращал внимание на имена собственные в анализируемых текстах. Комментируя роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», критик указывал на сходство характеров Печорина и Онегина и видел в имени Печорина отсылку к Онегину: «иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, может быть, и не видимая самим поэтом...» [Белинский, 1953, т. 2, с. 265]. Белинский хорошо понимал, когда имя, данное персонажу, не соответствует жанру произведения: «“Иван Иванович

Недотрога”, переделка какой-то французской комедии, сделанная г-м Полевым, далеко уступает в достоинстве переделке г. Федорова. Во-первых, имена действующих лиц в ней опять напоминают старинные изделия русской классической комедии: Недотрога, Милованов, Надоедалов...» [там же, т. 4, с. 298-299]; этикетным реалиям: «фамилии действующих лиц всегда самые романические: Славины, Гремины, Альмские, Лирины, Звонские, Светины, Лидины и т. д. Это, впрочем, их парадные имена; но в романе автор и они сами называют себя просто по-приятельски: Ипполит, Платон, Валериан, Александр, Владимир и проч. Героини всегда называются не по фамилиям, а по именам, как у иностранцев: Мария, Александрина, Лидия, Елизавета и проч. Так называют их и сочинители романов и представляемые в этих романах интересные молодые люди, даже на балах, даже не будучи с ними хорошо знакомы. А эти господа, т. е. сочинители таких романов, и сами знают, что такое обращение совсем не в нравах русского общества, что у нас дам называют или по фамилии, – с прибавлением французского *madame* и *mademoiselle*, или, и это большею частию, – по имени и по отчеству, что у нас нет имен Мария и Александрина, а есть Марья и Александра, разумеется, Ивановна, Петровна или иначе как-нибудь; но этого уже требует характер романического слога, так же, как вместо щек, лба, глаз, всегда писать ланиты, чело и очи» [там же, т. 6, с. 442-443]. Иногда критик объяснял подоплеку тех или иных литературных онимов, особенно из произведений А. С. Пушкина: «...дочь Кочубея является у него совершенно идеализированною. Он переименовал даже ее имя – с Матроны на Марию» [там же, т. 7, с. 419]; «Пушкин занял у него [Батюшкова] даже любимые имена, и в особенности Хлою и Делию, и манеру пересыпать свои стихотворения мифологическими именами Купидона, Амура, Марса, Аполлона и проч.» [там же, т. 7, с. 281].

Сам Пушкин, как литератор, тоже интересовался особенностями номинации героев произведений коллег по писательскому цеху. Один из примеров мы встречаем в критической статье «Торжество дружбы, или

Оправданный Александр Анфимович Орлов», опубликованной под именем Феофилакта Косичкина: «г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножовым, взяточник – Взяткиным, дурак – Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова – Хлопоухиным, Дмитрия Самозванца – Каторжниковым, а Марину Мнишек – княжною Шлюхиною; зато и лица сии представлены несколько бледно» [Пушкин, 2011, с. 78].

Замечания В. Г. Белинского, А. С. Пушкина, а также других критиков и писателей XIX века – это еще даже не начало пути к литературной ономастике как к науке, а только мысль о возможности этого пути.

Важность и ответственность именованья литературных персонажей признавалась не только многими литераторами, но и философами: П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, А. Ф. Лосевым. Работа П. А. Флоренского «Имена» начинается рассуждением о литературных онимах: «можно было бы привести множество историко-литературных свидетельств о небезразличности писателю имен выводимых им лиц» [Флоренский, 2000, с. 171] – и иллюстрирующей его историей о выпрошенных у Золя Флобером именах *Бувуар* и *Пюкие*. Флоренский формулирует также одну из простых истин литературной ономастики: «объявление всех литературных имен вообще, – имени как такового, – произвольными и случайными, субъективно придумываемыми и условными знаками типов и художественных образов, было бы вопиющим непониманием художественного творчества» [там же, с. 181].

В начале XX века публикуются три небольшие по объему, но знаковые для литературной ономастики работы, посвященные проблеме именованья персонажей. В 1908 г. В. И. Чернышов в статье «Имена действующих лиц в сказках Пушкина о Царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне» объясняет, что имена *Салтан*, *Гвидон* и *Дадон* Пушкин взял из сказки о Бове, которую знал, в том числе, от своей няни Арины Родионовны [Чернышев, 1908]. В. Васильев в публикации 1909 г. анализирует фамилию одного из

героев второго тома «Мертвых душ» Гоголя *Тентетников* и предполагает, что происходит она от украинского слова «тендитный», то есть «нежный, тонкий» [Васильев, 1909]. А. Г. Горнфельд же заостряет внимание на лишь однажды упомянутой в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» фамилии *Халтюпкина*, раскрывая через этимологию ее значение и предполагаемое действие на читателя: «было, несомненно, что-то в русском пра-языке, заставлявшее на ощущение грубого, неотесанного, наглого отзываться эмоциональным слогом *хал*, и эта междометная молекула легла в основу ряда слов, и она в скрытом виде трепещет в подсознательных слоях души русского человека...» [Горнфельд, 1912, с. 259]. Эти работы являются первыми последовательными попытками анализа литературных антропонимов.

Факт, что имя в литературном тексте мотивировано и является сильнейшим средством художественной выразительности, доказывали и известнейшие филологи Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, А. С. Альтман.

Важным этапом на пути к современной литературной ономастике были вопросы, поставленные в одной из статей литературоведом А. Л. Бемом: какова функция личного имени в творчестве и есть ли особая поэтика личного имени? [Бем, 1933, с. 410]. А. Л. Бем увидел, как в литературе оживают «смысловые стороны имен» и их «форма вновь наполняется содержанием» [там же, с. 27]. Теперь любой исследователь литературной ономастики задает себе эти вопросы и отвечает на них применительно к изучаемым текстам.

На материале творчества А. С. Грибоедова литературоведами в 1940-е гг. были написаны несколько работ, касающихся, в том числе, и ономастических наблюдений [Анциферов, 1946; Тынянов, 1946; Штейн, 1946; Черных, 1948]. Однако ключевую роль для развития отечественной литературной ономастики сыграли исследования второй половины 1950-х гг. Именно тогда произошел всплеск интереса к этой молодой науке, который

спровоцировал рост количества публикаций, использующих имена собственные не только как иллюстративный материал, а ставящих их в центр внимания; тогда же утвердилась ценность имени как объекта исследования. В 1956 г. В. Н. Михайловым была защищена первая кандидатская диссертация по литературной ономастике [Михайлов, 1956].

С тех пор неуклонно росло количество публикаций, посвященных проблемам литературной ономастики. В этих работах рассматривались в основном тексты классиков: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького; реже – Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, И. А. Бунина, А. И. Куприна; еще меньше работ было посвящено современным авторам. При этом ономастикон самого изученного в этом отношении автора, А. С. Пушкина (более 60 работ! [см.: Ковалев, 2014_а]), до сих пор требует дополнительного внимания. Так, например, пока не завершена начатая Е. С. Обуховой [Обухова, 2009] лексикографическая обработка материала для «Словаря ономастических единиц А. С. Пушкина», которая осуществляется воронежскими исследователями. Закономерно, что произведения советских и современных российских авторов заинтересовали ученых не так давно – тогда, когда был накоплен опыт работы с классическими текстами. За время активного развития литературной ономастики было создано множество работ, подталкивающих к дальнейшему развитию этой дисциплины, которые актуальны и сейчас.

Р. П. Шагинян и Э. Б. Магазаник предположили, что среди «значащих» имен есть те, которые для понимания читателем требуют контекст, а есть те, что осмысливаются читателем и вне контекста, «на почве ассоциаций родного языка» [Шагинян, Магазаник, 1958, с. 112]. Они предприняли попытку объяснения выбора Л. Н. Толстым фамилий *Друбецкой*, *Болконский* и др.

Академик В. В. Виноградов подтверждал значимость имени собственного в художественном тексте, отмечая, в частности, что «специфика образно-художественного осмысления слова сказывается даже в

функциях собственных имен, выбранных и включенных писателем в состав литературного произведения» [Виноградов, 1959, с. 245], и считал вопрос о подборе имен одной из сложных тем стилистики литературы [Виноградов, 1959, с. 38].

Е. С. Отин считал, что «одним из элементов мастерства писателя является его умение использовать в художественно-изобразительных целях собственные имена» [Отин, 1999, с. 145].

Важным является утверждение В. А. Никонова о необходимости рассмотрения имен персонажей в контексте четырех систем: антропонимической системы периода, изображаемого в произведении, антропонимической системы, современной автору, стиля произведения и литературной традиции [Никонов, 1971, с. 418]. Также исследователь отмечал, что «в подлинно художественном произведении говорящи все имена» [Никонов, 1974, с. 243]. Перед учеными, работающими с конкретным материалом, стоит задача выяснить и объяснить, *о чем* говорят имена и *почему* они могут говорить.

Фундаментален и важен труд О. И. Фоняковой «Имена собственные в художественной литературе» [Фонякова, 1990], где рассматривается организация ономастического пространства текста, типология имен собственных в нем, особенности использования заглавий как ономастических знаков, зависимость принципов имяупотребления от жанра текста. О. И. Фонякова справедливо полагает, что имя собственное, погруженное в художественный текст, сообщает каждому произведению самостоятельность и узнаваемость в культурном контексте [Фонякова, 1990, с. 63]. Важным для нашего исследования является следующее уточнение О. И. Фоняковой о специфике литературной ономастики, исследующей «отражение элементов реальной и вымышленной ономастики <...> на основе их индивидуального преломления и применения в творчестве каждого писателя и отдельного текста» [Фонякова, 1990, с. 7].

Некоторые исследователи, утверждая, что «пришло время поиска общих закономерностей и концептуальных решений, которые касаются сущности использования собственных имен как художественного средства» [Калинкин, 1999_а, с. 19], заостряют внимание на общих вопросах литературной ономастики, таких как теоретическая основа соотношения реальных и литературных онимов и многих других, а также разрабатывают специальную терминологию и методы работы.

Важным является определение функций литературного онима. Известна в этом отношении работа польского исследователя А. Вилкона, который выделил пять таких функций: локализирующую, социологическую, аллюзивную, содержательную, экспрессивную [Wilkon, 1970, с. 82-111]. Советский лингвист В. Д. Бондалетов выделил основные функции литературного онима: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, – и второстепенные: социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую, функцию «введения в ряд», адресную, экспрессивную, эстетическую, стилистическую [Бондалетов, 1983, с. 20-21].

К началу XXI века наметилось, условно, четыре линии изучения литературной онимии: философская, логическая, традиционная литературоведческая и лингвистическая. Наиболее перспективной считается именно лингвистическая, что показывает даже сам характер основных работ, написанных после 1950-х гг., среди которых чисто литературоведческий подход к ономастике демонстрируется только в исследованиях М. С. Альтмана [Альтман, 1975, 1976_а] по ономастике Достоевского.

Появляются все новые и новые аспекты изучения литературной ономастики. Так, важнейшим аспектом признается выявление коннотации имени собственного (*коннотация* – «связь, соотношенность, анафора, метка, способная отсылать к иным контекстам» [Барт, 2001, с. 35]), его способности реализации коннотативных значений в тексте. Е. С. Отин отмечал, что «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и

проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием» [Отин, 2004, с. 5] и указывал на возможность индивидуально-авторского переосмысления онимов как коннотонимов, то есть собственные имена, в которых «денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [Отин, 1997, с. 279]. Говоря о конкретных авторах, Е. С. Отин отмечал, например, что «организация онимного пространства произведений В.М. Гаршина – плод творческого преобразования реальной онимической системы, индивидуально-авторская модель выбора и функционирования онимов в качестве поэтических имен» [Отин, 1999, с. 145]. Важность глубокого изучения коннотативных значений литературных онимов выражено в замечании В. М. Калинкина о том, что такие имена собственные, «кроме узуальных коннотем, всегда обладают коннотативной сферой, сформированной текстом произведения. Она является неотъемлемой частью семантики литературного онима. Поэтому любые попытке изучения поэтонимов вне семантических наслоений, идущих от текста произведения, ведут... к подмене объекта исследования» [Калинкин, 1999, с. 181]. В отечественной науке вопросами коннотации онимов художественных произведений занимались так же Е. Л. Березович, Ю. П. Вышенская, М. В. Кузнецова.

Параллельно с нарастающей активизацией в научной практике термина «картина мира» растет интерес к вопросу влияния на конструирование художественной картины мира картины мира национально-языковой. Ю. А. Рылов справедливо полагал, что имя собственное открывает «доступ к наблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его познания» [Рылов, 2006, с. 32].

В сферу литературной ономастики проникает и понятие хронотопа. Термин, введенный в литературоведение М. М. Бахтиным еще в 1975 г., понимался им как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1986, с. 121]. «Хронотоп, – писал также Бахтин, – определяет

художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [Там же, с. 275]. В лингвистике и литературной ономастике «хронотоп» имеет более конкретное понимание: это показатель времени и пространства, места. Такими показателями могут, например, служить характерные для той или иной эпохи имена, фактически ими являются все топонимы, употребляемые в художественном произведении. Это положение признается ведущими современными ономастами. Так, В. И. Супрун доказал, что «имена собственные являются определяющими показателями, реализаторами хронотопа художественного произведения» [Супрун, 2000, с. 8], а В. М. Калинин отмечал, что каждый оним привносит в текст набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации и поэтому участвует наравне с другими средствами в создании хронотопа литературного произведения [Калинкин, 2002, с. 40-41]. Среди исследований ономастикона с точки зрения хронотопа выделяются работы О. Н. Гронской [Гронская, 1993, с. 56-67], А. А. Фомина [Фомин, 1999, с. 173-177], Г. Ф. Ковалева [Ковалев, 2010, с. 398-407; Ковалев, 2014_б, с. 349-361].

На данный момент основными центрами изучения литературной ономастики в России являются Барнаул, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Смоленск, Тюмень; на Украине – Донецк и Одесса, в Польше – Познань. В каждом из центров разрабатываются в разной степени оригинальные подходы к литературным онимам, заостряется внимание на отдельных аспектах литературной ономастики.

В Воронежском государственном университете существует две ономастические школы. Первая, основанная профессором Ю. А. Рыловым, где исследования проводятся в основном по романским языкам, акцентирует свое внимание на функционировании имен собственных в обществе и культуре, особенностях создания художественного образа посредством ономастической лексики. Другая же во главе со своим основателем и идеологом профессором Г. Ф. Ковалевым занимается исследованием

материалов на русском и других славянских языках и имеет свою специфику. Во-первых, здесь активно ведется работа с документами (в том числе дневниковыми записями; как писал А. Варламов о М. Пришвине, «без его художественной прозы не может быть понят его Дневник, а без Дневника – проза» [Варламов, 2003_б, с. 30]), помогающими выявить особенности употребления онимов в текстах писателей с помощью сопоставления прототипов персонажей и протоонимов; выявляется автобиографичность онимов, а также отношение писателя к Имени как таковому – не только в литературной деятельности, но и в повседневной жизни. Во-вторых, воронежские исследователи осмысливают ономастикон автора или отдельного произведения с точки зрения хромотопности, скрытых в именах указаний на время и место. Г. Ф. Ковалев отмечает, что «главные показатели литературной ономастики отражаются в *хромотопности* и *автобиографизме*», добавляя: «если уж говорить по большому счету, эти показатели являются и основными стимулами самой писательской деятельности» [Ковалев, 2014_б, с. 11]. В-третьих, все ономастические исследования Воронежской ономастической школы направлены на конечный результат в виде лексикографической обработки материала, составление словника или словаря ономастических (иногда уже: антропонимических, топонимических или др.) единиц конкретного произведения или автора. По мнению Г. Ф. Ковалева, выбор имен автором основывается на принципе системности, особенности которого у каждого автора сугубо индивидуальны, и, даже если читателю онимы могут показаться случайными, системность в той или иной мере обеспечивается авторским мышлением и выбором, системностью хромотопа, социальностью системы и системностью по условию их заключения в произведение [Ковалев, 2014_б, с. 10-11].

Подводя итог экскурсу в историю развития отечественной литературной ономастики, скажем, что на данный момент эта наука, вышедшая из лона общей теории имени собственного, активно развивается, опираясь на накопленный за последние 60 лет опыт как в теоретическом, так

и в практическом направлениях. Очевидны расширяющиеся связи литературной ономастики с литературоведением, культурологией, социологией, историей, логикой, семиологией и даже психоанализом. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения то, что имена собственные, погруженные в художественный контекст, становятся «вехами смысловой структуры текста» [Королева, 2010, с. 91], способны через реализацию ассоциативных и энциклопедических связей передавать читателю сложные смыслы, а также помогают исследовать языковую личность писателя, его идиостиль и, «репрезентуя связь художника с культурно-историческим контекстом определенного времени» [Малютенко, 2008, с. 3], авторскую картину мира. Изучение генезиса отдельных литературных онимов или же некой онимной совокупности также представляет большой интерес. Существующие проблемы литературной ономастики (терминологические и методические лакуны, разнонаправленность исследований, недостаточное внимание к отдельным вопросам) решаемы и не ставят под сомнение самостоятельность и ценность науки.

1.2. К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОПОНИМИКИ

А. А. Фомин, исследуя историю развития литературной ономастики в России, отметил, что «собранный и изученный материал представлен очень неравномерно: одним проблемам, писателям, произведениям уделяется значительно больше внимания, чем другим» [Фомин, 2004, с. 115], «неравномерно изучены разряды литературных онимов» [Там же, с. 116]. Заполнение исследовательских лакун, связанных с невниманием к отдельным авторам и произведениям, думается, является делом времени, оно будет происходить плавно, следуя, в том числе, и за возрастанием оцененности некоторых произведений и авторов (как это произошло в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века, когда реабилитация поэтов и писателей эпохи «серебряного века» «потянула» за собой массу исследовательских работ на этом художественном материале); например, уже существуют работы,

посвященные онимам в творчестве В. Пелевина, А. Варламова, Т. Толстой. Подавляющий же интерес к именам персонажей, обусловленный не только «количественным преобладанием и функциональным превалированием антропонимии в художественном тексте» [Фомин, 2004, с. 116], но и некой научной традицией, мешает развитию исследований, связанных с комплексным подходом к ономастике литературного произведения и исследованию других разрядов литературных онимов. Зачастую работы, имеющие заголовки типа «Ономастика...» или «Ономастическое пространство...», рассматривают исключительно или преимущественно антропонимию одного или нескольких текстов, тогда как другие разряды онимов представлены в них ограничено или не представлены вовсе. Конечно, антропоцентричность человеческого мышления обуславливает закрепление центрального места «в ономастическом пространстве... за антропонимами и смежными с ними ономастическими разрядами (теонимами, мифонимами, зоонимами)» [Супрун, 2000, с. 12], но отмечается также, что «топонимы и космонимы в зависимости от местоположения на шкале *язык/речь* могут быть компонентами ядра и периферии» [Там же]. Литературные топонимия, хрематонимия и др. в отдельных произведениях не менее важны для понимания текста и, соответственно, любопытны для исследователя. Их развитию, вероятно, могут способствовать искусственный толчок и специальное заострение внимания на не-антропонимии, которые приведут к уравнению интереса ко всем разрядам онимов в литературном тексте и актуализации равновзвешенного, комплексного подхода к ономастикону произведения.

О недостаточном внимании к литературной топонимии могут сказать цифры. А. А. Фомин свидетельствует, что в библиографическом указателе работ по литературной ономастике за 1971-1975 гг. из 116 представленных работ топонимам посвящено всего 14 [Фомин, 2004, с. 116, сноска]. Согласно «Библиографии ономастики русской литературы по 2010 год» [Ковалев, 2014_а] из 3,5 тысяч работ исключительно литературной топонимии

посвящено чуть более сотни. К счастью, очевиден рост внимания к топонимии в художественном тексте: за первое десятилетие XXI в свет вышло в 4 раза больше работ по литературной топонимии, чем за всю вторую половину XX века. Лучше всего изучена топонимия Пушкина, топонимия Достоевского, над которой начал работать еще М. С. Альтман [Альтман 1975], топонимия поэтов смоленской поэтической школы. Однако все вышедшие на данный момент работы носят или общетеоретический характер, как работа И. И. Марунича [Марунич, 1993], или (в подавляющем большинстве) посвящены отдельным произведениям, группам произведений или даже отдельным топонимам; топонимическая система всего творческого наследия того или иного писателя рассматривалась до сих пор в основном как система второстепенная. Между тем, использование топонимов в художественных текстах имеет свои особенности.

В 1960-70 гг. исследования литературной топонимики имеют эпизодический характер.

Одной из первых работ, заостряющей внимание на литературной топонимике, была трехстраничная статья «Стилистические возможности топонимических названий» украинского исследователя Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1963], в которой были обозначены три стороны стилистического потенциала топонимов: 1) топонимическое значение; 2) этимологическое значение (с обнаженной внутренней формой); 3) звучание. Ю. А. Карпенко и впоследствии во многих своих работах отмечал малую изученность литературной топонимики. Ю. А. Карпенко и Р. П. Мельник стараются восполнить этот пробел в работе «Літературна ономастика Ліни Костенко» и утверждают, в частности, что «важная роль топонимов как названий пространственных объектов заключается... в том, что они способны ускорять или, наоборот, замедлять ход сюжета» [Карпенко, Мельник, 2004, с. 144]. Также они делят топонимы в литературе на сюжетные топонимы, на топонимы из речи и на топонимы из биографий персонажей.

Среди первых крупных и основательных работ, посвященных целенаправленно литературной топонимике, была диссертация К. М. Ирисхановой «Функционирование топонимов в художественной литературе (английский язык)» [Ирисханова, 1978], однако, как это следует из заглавия, посвящена она англоязычной литературе, как и материалы исследователей С. В. Перкас [Перкас, 1978], О. А. Вартановой [Вартанова, 1994] и И. В. Грузновой [Грузнова, 2005]. Безусловно, многие тезисы из этих работ представляются ценными. С. В. Перкас замечает, в частности, что «прибегая к подлинному топониму, автор может (и должен) рассчитывать на то, что в голове читателя с этим топонимом уже могут быть связаны определенные ассоциации. Это позволит избежать длинот в повествовании, обходиться без ненужных комментариев и разъяснений» [Перкас, 1978, с. 186], при этом, «используя топонимы, автор может опираться на те ассоциации, которые связаны у читателя с этими топонимами еще до прочтения произведения, или создавать новые ассоциации по ходу повествования» [Там же, с. 201]. Не вызывает сомнений и то, что «индивидуальный авторский подход к топонимическому материалу выражается как в выборе между подлинной и вымышленной топонимией, так и в различном использовании подлинных топонимов» [Перкас, 1978, с. 201].

О. И. Фоякова также обратила внимание на топонимы как важную стилеобразующую единицу художественного творчества и выявила следующие семантико-стилистические функции географических названий, сохраняющих номинативную функцию как самую общую: 1) реально-географическую; нейтрально-описательную; 2) снижено-бытовую, конкретно-биографическую; 3) просторечно-комическую; юмористическую; 4) возвышенно-лирическую, поэтическую [Фоякова, 1990, с. 88].

Топонимической лексики касался в своей докторской диссертации В. И. Супрун, который так описал место географических названий в ономастическом поле: «топонимия и космонимия дисперсно распределены в поле, завися от экстралингвистических факторов (актуальной или

исторической известности, величины обозначаемого объекта)» [Супрун, 2000, с. 25].

В 2005 г. была издана монография Т. В. Красновой «Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина», включающая словарь-справочник «Топонимия и микротопонимия бунинской России» [Краснова, 2005]. Для нас работа интересна еще и тем, что И. А. Бунин, как и М. М. Пришвин, являлся выходцем из русского Подстепья, так что в текстах этих писателей есть общая топонимия.

В. А. Ражина отмечает, что «топонимы могут становиться важным характеризующим средством и непосредственно воздействовать на воплощение общего художественного замысла» [Ражина, 2007, с. 14].

Сегодня топонимы все чаще оцениваются не только в рамках своей главной функции ориентира в пространстве и указания на место действия [Малютенко, 2008, с. 14], но и с позиции их стилистической роли и функциональных признаков. Ученые-ономасты уже не сомневаются, что художественная топонимия является «ярко индивидуальной и выразительной составляющей идиостиля» [Беляцкая, Пастушенко, 2014, с. 117], а топонимы «содержат неопределимую информацию для интерпретации текста <...>, выполняя при этом существенные текстоконструирующие функции, <...> несут конкретную эмоционально-экспрессивную нагрузку» [Там же]. Важной признается изучение специфики топонима как маркера интертекстуальности и инструмента контекстуального осложнения и варьирования [Вартанова, 1994, с. 5], а также как части художественного хронотопа. Интересны ученым и представляющие индивидуально-авторское восприятие объектов художественные характеристики топонимов [Гукова, Фомина, 2005, с. 76], несомненно, важные для интерпретации текста.

При анализе литературной топонимики и, особенно, при использовании комплексного (совмещающего парадигматический и синтагматический) подхода к проблеме значения топонима, нельзя не учитывать тезисы, затрагивающие особенности семантики топонимов. Важно понимать, что, с

одной стороны, реализация образного значения топонима возможна благодаря наличию у него оттопонимического плана значения [Никонов, 1965], с другой стороны, дотопонимическая сема топонима раскрывает историю названия и имеет стилистический потенциал говорящего имени, что часто используется в литературных произведениях. Кроме того, в рамках художественного мира топоним выполняет свою основную номинативную функцию и, фактически, имеет топонимический план значения. При образном употреблении слова происходит изменение его референциальной соотнесенности и, соответственно, семантический сдвиг, особенности которого в рамках отдельных художественных текстов и изучаются литературной ономастикой. Наибольшее внимание в семантической структуре топонима литературная ономастика уделяет реализации потенциальных сем, а также окказиональному индуцированию, то есть восхождению в семантическую структуру значения имени собственного новых сем под воздействием контекста художественного произведения. Семантическая емкость топонима отмечалась исследователями В. Д. Беленькой, О. А. Вартановой, М. В. Горбаневским. Последний сравнивал топоним со свернутым текстом, «который по-разному, в разном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях и состоит из нескольких логико-информационных модулей. Развертывание такого текста – основа как собственно лингвистической информации о топониме, так и экстралингвистических, фоновых знаний и названии и об объекте, за которым закреплен топоним» [Горбаневский, 1996, с. 6-7].

Наш взгляд на литературную топонимику в контексте изучения автобиографизма топонимического пространства пришвинского наследия схож со взглядом рязанского ученого А. А. Никольского: «изучение топонимов как составной части художественного произведения носит комплексный характер, так как требует учета художественного метода писателя, жанра этого произведения, тематического содержания и эстетической направленности текста, индивидуальных особенностей стиля

писателя и т. д.» [Никольский, 2007, с. 3]. «Включение в художественно-литературный текст реальных топонимов (в том числе и в несколько измененном виде) обычно связано с определенными фактами из биографии автора. Изучение этих связей способствует более полному и всестороннему пониманию творческой истории литературного произведения» [Там же, с. 4], – также отмечает он.

Как видим, позднее возникновение интереса к некоторым разрядам литературной ономастики, в частности, к литературной топонимии, или топопоэтонимам, постепенно восполняется растущим количеством работ, посвященных этой теме.

1.3. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ М. М. ПРИШВИНА

Первые работы, посвященные творчеству М. М. Пришвина, появились еще при жизни писателя. В основном это были рецензии, небольшие обзорные заметки в периодике – многие из них были достаточно далеки от науки и рассматривали творчество Пришвина в идеологическом контексте. Взглянув лишь на заголовки публикаций, сделанных в это время, можно сделать вывод об особенностях восприятия пришвинского творчества: Пришвина позиционируют прежде всего как детского писателя и как писателя-краеведа, и даже К. Г. Паустовский статью, посвященную памяти Пришвина, озаглавливает «Поэт русской природы» [Паустовский, 1954].

Только после выхода первого посмертного собрания сочинений Пришвина [Пришвин, 1956-1957] его творчеством вплотную заинтересовались литературоведы. В 1957 г., помимо первого относительно объемного очерка жизни и творчества писателя, изданного как послесловие к пришвинской «Дороге к другу» [Ершов, 1957], выходит работа, изучающая приемы создания образа главного героя романа «Кашеева цепь» [Зархин, 1957_а], а также защищается диссертация на тему «Творчество М. М. Пришвина (1907-1928)» [Зархин, 1957_б]. С тех пор до 1991 г. было защищено еще 20 диссертаций, касающихся творчества писателя. 1991 г. стал

поворотным для исследователей творчества Пришвина: тогда вышел первый том его дневников [Пришвин, 1991]. Работа над публикацией дневников ведется до сих пор, однако уже увидевшие свет тексты, позволяющие совершенно по-новому взглянуть на жизнь и творчество М. М. Пришвина, послужили стимулом для множества новых работ: по Пришвину в России с тех пор было защищено 39 диссертаций, особенно активно работа ведется на родине писателя, в Елецком государственном университете.

К творчеству М. М. Пришвина с позиции ономастики впервые подошла Т. А. Степанова, еще в 1982 г. подготовившая для выступления на топонимической конференции в Череповце доклад «Топонимы русского Севера в творчестве М. М. Пришвина» [Степанова, 1982]. На материале произведений Пришвина было сделано исследование, рассматривающее функционирование диалектных слов в заглавии художественного произведения [Серова, 1989]. В 1997 г. ташкентский ученый В. В. Плеханов написал диссертацию, одной из целей которой стал «анализ поэтической взаимосвязи символа, мифа, имени в творчестве М. М. Пришвина» [Плеханов, 1997, с. 4]. Здесь мы можем найти множество замечаний об антропонимах, в основном из романа «Кашеева цепь». Касается ташкентский ученый и одного из пришвинских топонимов, названия деревни *Спас во мхах*, итоговой точки пути героя «Кашеевой цепи». «В названии этой деревни, как в фокусе, сходятся мифологические и символические линии романа. В этом топониме гармонично соединились поиски венца спасительной силы, избавляющие от Кашеевой цепи – Спас. В нем же нашел символическое выражение свой, особенный путь героя к избавлению через близость к природе Родины, к ее земным истокам: “во мхах, на яру у реки”» [Плеханов, 2007, с. 12]. Как видно, ономастический анализ имен в творчестве Пришвина был проведен без привлечения этимологии имен и биографии писателя, в чисто литературоведческом ключе, что, конечно, не умаляет его ценности в контексте данной работы и важности как прецедента.

В исследованиях елецких литературоведов, работающих с произведениями М. М. Пришвина, обращение к имени писателя – хоть и эпизодическое – имеет достаточно вдумчивый и основательный характер. Н. В. Борисова заостряет внимание на имени степного проводника Черного Араба, *Исаака*, отсылающее нас к Библии [Борисова, 2002_а, с. 57], а также на топониме *Арка*, который не только созвучен с мифотопонимом *Аркадия*, но и объяснен Пришвиным в одной из дневниковых записей: «Каркаралинский уезд самый лучший для скотоводства, называется «арка», что значит хребет земли – пуп земли» [Пришвин, ПСС, т. 8, с. 51; Борисова, 2002_а, с. 56]. Не остаются без внимания литературные топонимы *Безверск* и *Тяпкина гора* [см.: Борисова, 2012, с. 11-12]. Елецкий исследователь отмечает «ни с чем не сравнимое авторское упорство в выборе имен» [Борисова, 2002_б, с. 18] для героинь, воплощающих архетип мудрой красавицы: *Марья Моревна*, *Маша Уланова*, *Мария Мироновна*, *Маша*, дочь зажиточного помора – и обращается за объяснением к простому биографическому факту: мать Пришвина носила имя *Мария*. Н. В. Борисова подчеркивает особую роль имени в творчестве М. М. Пришвина: «имена собственные в пришвинском дискурсе служат формой и способом выявления авторского замысла, важнейших звеньев “художественной идеологии” писателя» [Борисова, 2004, с. 117] и справедливо замечает, что «Пришвин очень внимателен к собственным именам своих героев, которые часто носят “говорящие” имена или фамилии» [Там же]. «Литературные имена и фамилии в пришвинском тексте никогда не бывают произвольными и случайными условными знаками, они выявляют сущностные черты образа» [Борисова, 2004, с. 118], – пишет Н. В. Борисова. Этот тезис обнажает одну из важнейших направляющих системных исследований ономастического аспекта творчества М. М. Пришвина.

Другой елецкий ученый, Н. А. Трубицина, исследуя петербургский и провинциальный (елецкий) тексты в творчестве М. М. Пришвина, неизбежно обращается к топонимам. Среди прочих интересно предположение о появлении в повести «Славны бубны» топонима *Братовка*: «за этим

топонимом, на наш взгляд, стоит реальный населенный пункт в Чаплыгинском районе ныне Липецкой, а ранее Рязанской области» [Трубицина, 2012_а, с. 87]. В работах Н. А. Трубициной перечислены некоторые активные в пришвинских текстах пресуппозиции, составляющие основы петербургского, елецкого, а также крымского текстов и порождающие «сверхтекст»; они и рассмотренная на материале повести «Жень-шень» дихотомия «Запад – Восток» [Трубицина, 2011] могут стать обоснованием выбора писателем того или иного смыслообразующего топонима.

Нельзя не упомянуть одну из работ А. М. Подоксенова [Подоксенов, 2011], где последовательно, с опорой на дневники и другие документальные источники доказывается, что прототипом огородника Ивана Афанасьевича Крысыкина из повести «Мирская чаша» является Максим Горький, хотя персонаж и носит имя человека, «об общении с которым Пришвин неоднократно пишет в Дневнике на протяжении 1918 – 1919 гг., когда живет в небольшой усадьбе Хрущево под Ельцом» [Подоксенов, 2011, с. 97].

Не менее интересны околоономастические изыскания тюменского краеведа С. Н. Кубочкина о прототипах героев «Кашеевой цепи» [Кубочкин, 2004] и работа Е. М. Ниц о поэтике заголовков Пришвина [Ниц, 2004].

Несмотря на активное развитие отечественной ономастики и живой интерес к именованию творчества М. М. Пришвина со стороны исследователей творчества писателя, «пока, – как отмечает Г. Ф. Ковалев, – нет ни одной полнокровной работы по ономастике М. Пришвина. <...> Не анализировались с позиций ономастики не только имена собственные в его художественных произведениях, но и взгляды самого М. Пришвина на имена» [Ковалев, 2008, с. 145]. Г. Ф. Ковалев одним из первых принимается за обзорное исследование литературной ономастики М. Пришвина, подойдя к ней «со стороны» дневников, так как «многое из художественных произведений М. Пришвина когда-то в зародышевом состоянии жило именно в дневниках» [Ковалев, 2008, с. 145]. В работах «Пришвин и имя» [Ковалев,

2008] и «Имя в дневниках М. М. Пришвина» [Ковалев, 2014_б, с. 306-327] проанализировано отношение писателя к имени, автобиографичность некоторых его персонажей, псевдонимы, самострой его философии имени.

Перечисленные выше немногочисленные работы на данный момент являются основными вехами изучения литературной ономастики творчества М. М. Пришвина, но и они хорошо демонстрируют глубину, богатство и оригинальность пришевинской ономастики, которая, несомненно, играет не последнюю роль в образовании неповторимого авторского стиля, а также становится одним из ключей к познанию индивидуальной картины мира писателя. Исследователи только теперь начинают приступать к последовательному и системному анализу именика этого замечательного и во многом недооцененного как простыми читателями, так и профессиональными лингвистами писателя-философа.

Данная работа, находясь в русле литературной ономастики, опирается не только на положения лингвистики и литературной ономастики, но и на некоторые тезисы литературоведческих работ исследователей творчества М. Пришвина.

Изучение топонимикона Пришвина проводится нами не на отдельных произведениях или группах произведений, а в контексте всего его творчества с привлечением дневниковых записей, благодаря принятию положения о том, что творчество Пришвина может осмысливаться как единый текст. Оно нашло отражение в работах Е. А. Худенко [1997, с. 4] и Е. М. Криволаповой [2012, с. 173], М. С. Штерн [2012, с. 354] и, конечно, Н. В. Борисовой, утверждающей, что «все значительные произведения писателя... представляют собой единое метапространство» [Борисова, 2002_б, с. 9-10]. К данному положению примыкает концепция «творческого поведения» в художественной системе Пришвина, которая разрабатывалась Е. А. Худенко, а также А. Н. Варламовым; осмысление пришевинской жизни как творчества [Варламов, 2003_а]. Факт высокой автобиографичности его произведений признан всеми исследователями творчества Пришвина и объясняется, в числе

прочего, тем, что «действительность расценивается художником как этико-эстетическая потенция» [Худенко 2010, с. 153]. Пришвин и сам открыто трактовал свои произведения как выросшие из личных впечатлений. Он, в частности, писал: «все мои писания есть биография» [Пришвин, 2010_а, с. 677]. Эти концепции и положения позволяют нам рассматривать большинство произведений Пришвина как автобиографические тексты.

При осознании текстов Пришвина как единого текста мы все же проводим черту между дневниковыми записями, как творческой «лабораторией» писателя, и художественным творчеством, как результатом работы в ней. Замечено, что художественные произведения Пришвина, изданные или подготовленные к изданию при жизни, отличаются особой авторской обработкой, они прошли, как выразился сам автор, «шлифовку», в то время как дневниковые записи представляют собой или вовсе «нешлифованные» тексты, или, в некоторых случаях, тексты «отшлифованные» не до конца. Так что мы считаем целесообразным рассмотрение и классификацию топонимической лексики, выбранной именно из художественных произведений Пришвина, в то время как дневниковые записи служат вспомогательным материалом при их анализе.

Не отрицая «абсолютно здравый антропоцентризм» [Ковалев, 2014_б, с. 314] пришвинского творчества, мы обращаемся к другому столпу его творчества: к природе в широчайшем смысле, а также к имени, которым были названы части природного и городского пейзажа (иначе говоря, географические объекты). Хрестоматийное замечание З. Гиппиус о писательской «бесчеловечности» Пришвина, конечно, не совсем справедливо, но даже рядовой читатель заметит обостренное внимание Пришвина и к неживой природе, и к не-человеку вообще. Как отмечала Т. М. Рудашевская, «решая традиционную в литературе проблему человека и природы, М. М. Пришвин во многом пересмотрел свойственное русским классикам антропоцентрическое отношение к действительности. Художник стал на позиции, соответствующие новым отношениям человека и природы,

характерным для XX века. Лозунг сотворчества с природой, исключая отношение к природе как простому средству для удовлетворения нужд человека, выразил современный смысл философских и художественных открытий Пришвина» [Рудашевская, 2005, с. 231].

То, что пространство осознается Пришвиным как важнейшая категория, подтверждается наблюдением З. Я. Холодовой: «мотив дороги, связанный с идеей обретения сказочной свободной страны, “небывалой страны мечты”, проходит через все произведения писателя <...> ...Почти все его произведения – и книги очерков “В краю непуганых птиц”, “За волшебным коловком”, “У стен града невидимого”, и повести “Жень-шень”, “Кладовая солнца”, “Корабельная чаща”, роман “Осударева дорога” и др. – строятся на пространственном перемещении героев, путешествиях» [Холодова, 2000, с. 201-202]. Категория пространства, безусловно, является для Пришвина одной из важнейших категорией мировосприятия, и в использованном в тексте топониме как в маркере пространства соединяется сам факт бытия того или иного элемента пространства (реального или – реже – вымышленного), его положение в этнолингвистической картине мира и отношение писателя к самому объекту и к его имени. Вместе с тем отмечается, что «содержание пришвинских книг – это не столько описание путешествий по определенным географическим пространствам, сколько путешествия во времени – в прошлое и отчасти в будущее» [Мотяшов, 1965, с. 39]. Безусловно, в топониме реализуется не только основная, пространственная категория, но и временная, а значит, он может быть маркером не только пространства, но хронотопа. На наш взгляд, Пришвин относился к писателям, у которых, как писал французский литературовед Ж. Женнет о Бодлере, Прусте и Гельдерлине, «внимание к пространству, точнее, своего рода очарованность пространством составляет одну из важнейших сторон того, что Валери называл *поэтическим состоянием*» [Женнет, 1998, т. 1, с. 279] – и в связи с этим изучение использования в его творчестве имен

собственных, называющих пространственные координаты, особенно актуально.

Представим некоторые ономастические термины, с необходимостью используемые в нашей работе.

Автобиографизм – отражение биографического материала в литературном творчестве.

Оним – имя собственное.

Апеллятив – имя нарицательное.

Коннотация – «связь, соотнесенность, анафора, метка, способная отсылать к иным контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» [Барт, 2001, с. 35].

Контекст – речевое окружение языковой единицы, в котором оно проявляет свое значение.

Топоним – имя собственное, обозначающее географический объект.

Топонимическое пространство (*топонимикон, топонимия*) литературного произведения – совокупность имен собственных, обозначающих как реальные, так и вымышленные географические объекты.

Топонимический класс – сумма названий однотипных географических объектов. В тексте будут встречаться такие топонимические классы, как:

Ороним – название форм рельефа.

Гидроним – название водного объекта.

Потамоним – название реки.

Лимноним – название пруда, озера или водохранилища.

Гелоним – название болота.

Дримоним – названия лесов, рощ, парков и их частей.

Ойконим – название населенного пункта.

Дромоним – название транспортного пути.

Урбаноним – название внутригородского объекта.

Под *хоронимами* мы, вслед за С. Н. Басиком [Басик, 2008, с. 18], понимаем названия любых значительных территорий, регионов, областей (природных, исторических, административных).

К *микротопонимам* мы отнесли все не поддающиеся классификации малоизвестные названия малых по площади мест.

Цифры в скобках, данные после выделенных полужирным курсивом топонимов, обозначают количество словоупотреблений данного топонима во всем художественном творчестве Пришвина (если не указано иное).

ГЛАВА II. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

2.1. ТОПОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСА М. М. ПРИШВИНА

В статье «Имя в дневнике М. М. Пришвина» Г. Ф. Ковалев осветил необычайно живой интерес М. М. Пришвина к именам собственным: антропонимам, зоонимам, астронимам и, конечно, топонимам. Ученый справедливо замечает о Пришвине, что «где возможно, он обязательно, заострял внимание на этимологии того или иного топонима» [Ковалев, 2014_б, с. 323]. Важно отметить, что этимологизация имен свойственна не только личным записям Пришвина, но и его художественным текстам. Пришвин хотел заразить читателя-друга этим живым интересом к имени, и это желание, пожалуй, было не только частью его увлечения краеведением (а его интересовал почти любой край, где он оказывался), но и частью философии «родственного внимания».

Пришвин часто обращается к народной этимологии топонимов, благодаря чему раскрывает связь топонимов с общенародными мифами и с принципами номинации вообще, как это происходит в его сибирских произведениях, и с местными легендами, связанными как с микротопонимами (*Старухина тропа* называется так, «рассказывали», потому что «одна старуха их деревни Скорынино пошла в это Серково за клюквой и не вернулась совсем...») [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 129], *Пьяная дорога* – потому, что «по этой дороге возят вино из казенки» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 564], местность *Татъин куст* – из страха перед кустом на острове, из которого «выходит Тать» [Пришвин 1986, т. 3, с. 236]), так и с известными более широкому кругу названиями; в частности, Пришвин рассказывает о народной этимологии ойконима *Звенигород* («Говорят, в старину в нашем маленьком городе на какой-то колокольне висел сторожевой колокол и в него положено было звонить, только если подходил неприятель» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 323]) и ойконима *Талдом* («Талдом,–

записано у М. Крестникова, – вернее всего, слово татарское и значит стоянка, а может быть, и финское – желтая земля. Есть и простодушная легенда о русском происхождении слова: было местечко Великий Двор, куда съезжались для отбывания общественных работ крестьяне, приписанные к монастырям; однажды этот двор сгорел, и когда выстроили новый, архиерей сказал: «вот и стал дом», – с этого будто бы и начался Талдом» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 448]). Иногда это порождает комический эффект, как в разговоре со старушкой Макарихой, которая объясняет название *Тютенькин лог* тем, что «тут какие-то тютеньки жили <...> одной морковкой кормились» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 679].

Иногда Пришвин высказывает и свои довольно меткие и глубокие предположения о происхождении тех или иных названий. «Не оттого ли, – думалось, – Шутово стало Чертовым, что в борьбе с веселым Ярилой, или шутом, святые отцы поставили невозможную задачу Воскресения, одна невозможность вызвала другую, и бытовой добродушный Ярило перестроился в мистического злого черта» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 175]; «невольно задумаешься о странном названии урочища Туголяны, в котором расположились моховые озера: если считать слово древнерусским, туга значит скорбь, то получается одно предрасположение к этому краю, а если урочищем владел какой-нибудь Тугенляндский барон, то выходит страна добродетели. Мне ближе русское понимание, потому что не наблюдал я никакой особенной добродетели у людей, обреченных зарабатывать себе существование сбором клюквы, ручным дроблением громаднейших пней и перегонкой этой смолистой щепы в деготь и скипидар» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 504]. Интересен своеобразный ономастический детектив, в котором посрамленным (пусть и заочно) оказывается «один чужак ученый, очень похожий на героя Пиквикского клуба», который «по названию Соболевка догадывался, что в этом уезде некогда жили соболя, по Хомякову о хомяках, по Боброву о бобрах, а в Маралове по его работе выходило, что некогда тут жили благородные олени, маралы» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 112-113]. В

«Календаре природы» рассказчик понимает вдруг, что подмосковное *Маралово* не имеет никакого отношения к оленям, когда, случилось, к нему «подошел автор надписи маляр, или, как по удобству произношения в деревнях говорят, марал» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 112-113].

Пришвин в своих очерковых произведениях не преминет, пусть даже и просто деловым тоном, сообщить происхождение того или иного топонима, если оно покажется ему любопытным. Некоторые такие сообщения, пожалуй, ценны даже и для краеведов: «...название устья Урев оказалось не единственным, – так в этом краю вообще называется устье озерных рек. Векса тоже не собственное имя: так называются реки, соединяющие на близком расстоянии два озера, в этом случае Плещеево и Семино» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 231] и др.

В иных случаях ясно видно, насколько велико эстетическое наслаждение Пришвина от названий, нередко он, как и другие важные слова, выделяет топонимы курсивом: «...древняя обитель, где находится наш музей, называется *Пречистая на Горнице*, а сама земля, на которой стоит Пречистая, называется *Вшивая горка*, и на Вшивой – улица *Свистуша*, теперь переименованная в улицу *Володарского*, потом *Соколка...*» и т. д. [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 174]; «две реки, впадающие одна в Оку, другая в Волгу, протекают одна в плодородном *Ополье* – среди *поля*, другая в болотистом Залесье – у *древлян* и почему-то носят одно и то же название *Нерль*» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 349].

Названия мест могут стать поводом для философских размышлений героя-рассказчика. В книге «В краю непуганых птиц» мы встречаем достаточно объемный пассаж о старинных и новых названиях *Онежского* и *Ладожского озер*: «Онежское озеро называется местными жителями просто и красиво “Онего”, точно так же, как и Ладожское в старину называлось “Нево”. Жаль, что эти прекрасные народные названия стираются казенными. Один молодой историк, здешний уроженец, большой патриот, с которым мне удалось познакомиться в Петрозаводске, очень возмущался этим. Он мне

говорил, что администрация таким образом уничтожила массу прекрасных народных названий. И это не пустяки. В особенности это ясно, если познакомиться с местной народной поэзией, с причитаниями, песнями, верованиями. Там, в народной поэзии, постоянно поминается это “страшное Онего страховатое” и иногда даже “Онегушко”... Кто немного ознакомился с народной поэзией, все еще сохраняющейся на берегах этого “славного великого Онего”, тому назвать его Онежским озером, ну... назвать, например, пушкинскую Татьяну, как это нехорошо делал Писарев, по отчеству...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 52], а в книге «Золотой Рог» глубокое размышление о дальневосточных названиях («...человек, постоянно блуждая в постоянных туманах Тихого океана, вполне понятно, тоже хочет на этих твердых более прочных имен, чем в местах безопасных. На море названия менять – не то что на улицах. Тем и объясняется, что и после революции тут везде остались имена все тех же прежних именитых людей: залив Петра Великого, полуостров генерал-губернатора Муравьева-Амурского, залив Посьета, остров Фуругельма и множество других имен адмиралов и генералов, столь счастливо связавших себя с опасной туманной землей» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 536]), отмеченное также Г. Ф. Ковалевым.

Звучание иных имен вызывает у героя-рассказчика Пришвина яркие эмоции, а после вырастает в целые произведения, как это случилось с «Берендеевым царством» (в собрании сочинений – «Календарь природы»), начавшемся, пожалуй, вот когда: «после того в письме был подробно указан путь на лошадях прямо или же кругом, через Москву, по железной дороге до станции *Берендеево*.

Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло в душе *берендить*» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 173].

Акт номинации вызывает у Пришвина радость, и нередко герой-рассказчик дает названия местности: «есть у нас “Ясная поляна” с тремя высокими елями, под которыми всегда зайцы проходят, есть сухое местечко

между двумя большими болотами – “Передышка”, есть “Золотая луговина”, а верст за восемь от нас, среди временами почти непроходимых болот, высится боровое местечко, далеко видимое, местные люди зовут его просто *Вихорек*, а мы окрестили “Алаунская возвышенность”» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 170-171]. В этом списке микротопонимов из рассказа «Глухариный ток», входящего в книгу «Календарь природы», ясно виден автобиографический след: о создании *Золотой луговины* мечтал торфмейстер Алпатов, в *Ясной Поляне* жил бесконечно уважаемый Пришвиным Лев Толстой, по-пришвински иронична примерка к небольшому пригорку исторического оронима *Алаунская возвышенность*, называвшего когда-то почти всю Европейскую часть России. «Канал краеведения» и «Пятачок» – названия, данные героем-рассказчиком, только что созданным собственными усилиям местам. Как видно из этих примеров, Пришвин тонко чувствует и разделяет топонимы по степени искусственности – топонимы, созданные героем-рассказчиком только что, заключены в кавычки, которые, вероятно, могли бы быть «сброшены», если бы именами этими стали активно пользоваться и другие люди.

Живым интересом Пришвина к происхождению реальных топонимов объясняется, с одной стороны, максимально возможное соответствие художественной топонимии Пришвина топонимии реальной, а с другой стороны, редкая, но талантливая практика топонимического творчества – ведь ему были известны и чрезвычайно интересны принципы рождения топонимов. Пришвин, создавая топоним, нередко использует топонимический комментарий. Писатель явно в диалоге с *Растеряевой улицей* Г. Успенского (библионим «Нравы Растеряевой улицы» имеет коннотацию ‘дикая глушь, захолустье, бескультурье’ [Отин, 2004, с. 255]), упомянутой тут же, придумывает для одноименного очерка *Сборную улицу*, сочиняя при этом в дополнение к художественному, аллюзивному объяснению объяснение будто бы внелитературное (улицы с таким названием действительно есть сегодня в Выборге, Пензе, Евпатории, Казани

и других): «вероятно, эта часть города заселялась как-нибудь случайно, без всякого плана, а потом, когда обратили внимание на беспорядок, стали склеивать улочки, переулочки, огороды, пустоши, – так образовалась капризнейшая в мире улица, и название дали ей *Сборная*. Обитатели этой улицы – те самые известные русскому читателю растеряевцы, люди без завтрашнего дня» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 767]. Пришвин создает в «Корабельной чаше» *Звонкую сечу* и тут же объясняет это название: «Сеча, наверно, и названа Звонкой за то, что весной на заре все песни болотных птиц врываются через окошко сюда и в неопределенном урчании разносятся колыбельной песнью по всем лунным увалам. Ты идешь по сухому, хрусткому белому мху, и с тобой идет эта песнь самая древняя и забытая» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 410]. Ярчайшим примером является вымышленный ойконим *Безверск*, которому Пришвин в самом первом абзаце «Крутоярского зверя», представляя его в том числе и с позиции ложной этимологии, дает, по сути, два объяснения и тем самым присваивает сразу два значения: «не от безверия жителей получил город свое название, а от зверя. В старых книгах так и написано: *бе зверь*» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 575].

В контексте данной проблемы обращают на себя внимание заголовочные комплексы Пришвина – ведь название литературного произведения, бесспорно, является важнейшей частью художественного текста, о чем говорит и сама зачастую очень трудная судьба некоторых заглавий, и свидетельства писателей, обреченных на «муки заголовка», и, конечно, литературная критика. В. Г. Белинский так начал одну из критических статей: «“Видна птица по полету”, говорит русская пословица; “а книга по заглавию”, прибавим мы от себя» [Белинский, 1953, т. 2, с. 512]. «Заголовок – это первое слово автора в его заочной беседе с читателями. С названия начинается путь книги к уму и сердцу человеческому», – писал Э. Д. Блисковский [Блисковский, 1972, с. 10]. Название художественного произведения само является именем собственным.

Подавляющее большинство специальных работ о заголовках посвящено заголовкам газетным, названия художественных текстов изучаются меньше, и исключением из «правил» являются диссертационные работы М. Л. Корытной [1996], С. А. Санджиевой [1994] и С. В. Ивановой [2006].

Между тем, «изучение специфики названий художественных произведений и заголовков их частей как ониими особого рода», как отметил В. М. Калинин, можно отнести «к числу интересных и безусловно перспективных исследований как для дескриптивной поэтики онама, так и для ее теории» [Калинкин, 1999_а, с. 375].

Трепетное отношение Пришвина к заглавиям видно уже из того, как много названий сменили некоторые из его произведений в процессе работы. Роман «Осударева дорога» в черновиках имел такие названия: «Канал» [Пришвин, ПСС, т. 8, с. 515], «Царь природы» и «Глазами человека» (««Царь природы» или “Глазами человека”? А может быть “глазами” будет не название, а тема романа или один из планов: природа глазами человека. И отсюда “Царь природы” – это сам человек, вытекающий из глубочайших родников самопознания в том смысле, что самопознание приводит к познанию всего человека, царя природы» [Пришвин, 2013_б, с. 742]), а «Кладовая солнца» имела рабочее заглавие «Солнечный клад» [Пришвин, 2013_а, с. 684]. Пришвин, в отличие от многих других писателей и поэтов, желавших, но не дерзнувших исправить редакторские вольности или собственные ошибки в последующих публикациях, брал на себя смелость менять названия уже опубликованных произведений и после публиковать их под новыми заголовками. Так случилось с «Корнем жизни», ставшим «Женьшенем». Повесть «У стен града невидимого» публиковалась в одном из ранних собраний сочинений под названием «Светлое озеро», изменили свои названия и многие рассказы.

Заголовочный массив художественных произведений (названия всех произведений, включенных в собрание сочинений 1982-1986 гг. (в том числе

многочисленных миниатюр) и их частей) Пришвина включает в себя 2141 единицу и заслуживает отдельного исследования. Мы же, имея перед собой задачу исследования именно топонимической лексики, обратим свое внимание лишь на присутствие в составе заголовков именно таких элементов.

Нельзя согласиться с О. И. Фоняковой, которая отмечала, что Пришвин в художественных номинациях «сознательно избегает имен собственных» [Фонякова, 1990, с. 66], ведь среди 2141 рассматриваемого заголовка 246 заголовков (11,5%) содержат имена собственные или производные от них слова. Из них 114 заголовков (5,3% от всех заголовков и 46,3% от заголовков с онимами) имеют в своем составе топонимы или оттопонимические адъективы, 94 – антропонимы (4,4% / 38,2%), 25 – зоонимы (1,2% / 10,2%), 8 – артионимы (0,4% / 3,3%), 3 – космонимы (0,1% / 1,2%), 2 – другие онимы (0,1% / 0,8%).

Топонимическая лексика в составе заголовков используется в разных формах. 64 заголовка (56,1% от всех заголовков с топонимами) содержат топонимы в именительном падеже, 25 – оттопонимические адъективы (21,9%), 24 – топонимы в косвенном падеже (21,9%).

Заголовки, содержащие топонимы, характерны для частей относительно объемных очерковых произведений, написанных в форме путевых заметок. Так, среди 49 заголовков книги «За волшебным колобком» 20 имеют в своем составе топонимы, а из 78 заголовков произведения, напечатанного под названием «Золотой Рог», – 18. В то же время среди названий 982 миниатюр, собранных в книге «Глаза земли», всего 9 содержат топонимы.

Пришвин достаточно активно использует топонимы в заголовках крупных произведений или сборников. Причем топонимические заголовки имеют произведения разных жанров: документально-очерковые («В краю непуганых птиц (Очерки Выговского края)», «За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)», «Золотой Рог»,

«Берендеева чаща», «Дубовый дол», «Тютенькин лог», «Сборная улица»); пришвинские «сказки» («Осударева дорога», «Корабельная чаща»); произведения, написанные в духе модернистов («Бабья лужа», «Птичье кладбище»).

Топонимы в составе заголовков появляются у Пришвина там, где важно с самого начала обозначить хронотоп произведения или части произведения, а также там, где *место* играет важную или сюжетообразующую роль.

Анализ отдельных контекстов употребления топонимической лексики в текстах Пришвина, а также количественный анализ такой лексики в составе пришвинских заголовков показывает, что топонимы занимают важнейшее место в авторской картине мира – не менее, если не более, важное, чем антропонимы, – и осознаются автором как потенциальное средство художественной выразительности, а также активно используются для воплощения замысла художественного произведения в «сильных» его местах, коими являются заглавия.

2.2. ОБЩАЯ ОЦЕНКА ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. М. ПРИШВИНА

Системный подход к литературной ономастике – один из основных принципов Воронежской ономастической школы при работе с материалом. Безусловно, замечания по поводу отдельных, наиболее интересных, литературных онимов ценны, но для глубокого понимания творчества большинства авторов необходим, прежде всего, общий взгляд на пласт имен собственных в текстах или же обобщения на уровне отдельных классов онимов.

С одной стороны, этапы выборки, классификации и подсчета являются промежуточными при работе с именами в художественных произведениях, с другой стороны, результаты такой работы интересны сами по себе, так как отражают особенности творчества литератора в аспектах, скорее всего,

недоступных ему самому, и являются неочевидным результатом работы автора над своим текстом. Результаты могут подчеркивать особенности поэтики писателя, которые чаще интуитивно выводятся литературоведами. Также рассмотрение таких данных важно для накопления материала в целях сопоставления поэтик разных авторов, выявления трансформации литературных методов отдельного писателя на разных этапах творчества, изучения места имени в текстах одного или нескольких писателей.

Работы по литературной ономастике в основном освещают лишь антропонимику, остальные же классы онимов несправедливо обходят стороной, хотя, как отмечает Г. Ф. Ковалев, «изучать в писательском творчестве необходимо все основные единицы ономастического пространства» [Ковалев, 2014₆, с. 21]. При этом можно предположить, что для многих писателей другие классы, в частности топонимы, играют не меньшую (если не большую!) роль, чем антропонимы. На наш взгляд, именно таким писателем был Михаил Михайлович Пришвин.

Тексты, включенные в Полное собрание сочинений М. М. Пришвина (1982-1986), за исключением авторского пересказа книги англо-канадского автора Серая Сова «Странники лесной глуши», опубликованного под заглавием «Серая Сова», и выдержек из дневников, в общей сложности, содержат, согласно нашим подсчетам, 1306 (включая варианты) топонимов в 6633 словоупотреблениях.

Разбив топонимику произведений Пришвина на классы в соответствии с общей топонимической классификацией, мы получим следующую картину: самыми частотными топонимами являются ойконимы – 390 единиц в 1952 употреблениях (29,9% топонимов и 29,4% употреблений от общего количества топонимов), гидронимы – 286 единиц в 1649 употреблениях (21,9% и 24,9% употреблений) и хоронимы – 193 единицы в 1515 употреблениях (14,8% и 22,8% употреблений). Три перечисленных класса составляют $\frac{2}{3}$ (66,5%) всей топонимической лексики текстов Пришвина. При этом более чем $\frac{3}{4}$ (77,1%) употреблений топонимов составлены из единиц,

принадлежащих именно этим классам. Остальная топонимическая лексика представлена следующими классами (перечисление в порядке уменьшения количества употреблений): оронимы – 112 единиц в 437 употреблениях (8,6% единиц и 6,6% употреблений), инсулонимы – 69 единиц в 317 употреблениях (5,3% единиц в 4,8% употреблений), урбанонимы – 103 единицы в 236 употреблениях (7,9% единиц и 3,6% употреблений), дримонимы – 29 единиц в 235 употреблениях (2,2% единиц и 3,5% употреблений), микропонимы – 103 единицы в 197 употреблениях (7,9% единиц и 2,9% употреблений), и дромонимы – 15 единиц в 63 употреблениях (1,1% единиц и 0,9% употреблений), агронимы – 6 в 32 употреблениях (0,5% единиц в 0,5% употреблений).

Большое количество ойконимов в текстах объясняется тем, что они являются наиболее конкретными локализирующими маркерами – большинство из них (за исключением названий больших городов) несут при этом минимальную, в отличие от хоронимов, энциклопедическую семантическую нагрузку и потому обладают скрытым коннотативным потенциалом; кроме того, действие большинства произведений Пришвина разворачивается вне больших городов, что обуславливает наличие в текстах множества названий мелких населенных пунктов.

Хоронимы, хоть и «отстают» по количественным показателям от гидронимов и ойконимов, употребляются в текстах довольно часто; средняя частотность употреблений каждого хоронима в текстах Пришвина равна 7,8, в то время как средняя частотность употребления одной топонимической единицы в текстах Пришвина составляет 5,2 раза. Это объясняется исключительной ролью хоронимов по сравнению с именами других классов. Появление многих из них (особенно называющих большие области) определяет общие хронотопные отношения и, в соответствии с ними, задает определенный тон всему произведению или отдельному эпизоду. Ведь *Россия, Север, Сибирь, Норвегия, Европа, Азия, Америка, Русь* – это не

просто локализация места действия, но и отдельные, сложные миры, живущие по своим законам.

Надо сказать, состав хоронимов у Пришвина достаточно пестр: мы относим к ним названия континентов (*Америка, Евразия*), частей света (*Европа*), названия стран – как современные (*Россия, Германия*), так и исторические (*Эллада, Даурия*), и вымышленные (*Дриандрия*), регионов (*Сибирь, Поморье, Саксония*), губерний (областей), уездов (районов).

Вопросу гидроцентричности творчества Пришвина посвящен следующий параграф данной работы.

На наш взгляд, немаловажно определить все наиболее частотные топонимы в художественных текстах Пришвина – топонимические доминанты его творчества. Ровно треть всех (2211 – 33,3%) топонимических словоупотреблений обусловлена использованием всего 2,7% топонимических единиц, а именно, следующих 35 топонимов:

Москва (278 словоупотреблений), *Россия* (212), *Петербург* (138), *Север* (109), *Пинега* (85), *Выгозеро* (73), *Волга* (69), *Северная Двина* (69), *Чаща* (68), *Карельский остров* (66), *Норвегия* (62), *Сибирь* (62), *Корабельная Чаща* (61), *Азия* (58), *Выг* (58), *Париж* (55), *Белое море* (53), *Германия* (53), *Дубна* (48), *Америка* (43), *Европа* (39), *Кода* (38), *Переславль-Залесский* (37), *Светлое озеро* (37), *Елец* (34), *Лапландия* (34), *Русь* (33), *Архангельск* (31), *Дальний Восток* (31), *Имандра* (30), *Кавказ* (30), *Повенец* (30), *Поморье* (30), *Берлин* (29), *Туманная гора* (28).

Большинство топонимов, встречающихся в художественных произведениях Пришвина, мы можем найти на карте (современной или исторической) без специального исследования или же приписать к определенной местности по контексту произведения. Соответственно, большую часть топонимов можно классифицировать по местоположению денотатов в реальном пространстве. Топонимия пришвинского мира – это большие и малые «острова» топонимов, объединенные общей геолокацией. Так как произведения Пришвина создавались в разные годы и в разных

политических условиях, нам представляется самой наглядной и адекватной классификация топонимии в соответствии с современным территориальным делением России и мира, но, безусловно, с оглядкой на исторические события.

Более всего в произведениях Пришвина отражена топонимия современной Ярославской области (157 единиц в 616 употреблениях), Карелии (122 единицы в 599 употреблениях), Архангельской области (80 в 537 употреблениях), Дальнего Востока (95 единиц в 405 употреблениях), Московской области (77 в 351 употреблении), Мурманской области (47 в 202 употреблениях), Петербурга/Ленинграда (41 в 253 употреблениях), Москвы (40 в 103 употреблениях). Топонимия зарубежных стран (являвшихся зарубежными для жителей Российской Империи и СССР) отражена в 142 топонимах. Из них самым большим количеством топонимов представлены Германия (23 топонима), Норвегия (22 топонима) и Франция (13 топонимов).

Как мы видим, в произведениях Пришвина нечасто используется топонимика родных писателю Елецкого и соседних уездов: в художественном творчестве Пришвина лишь 24 топонима (93 употребления) принадлежит этим краям. Предпочтение писатель отдает топонимике мест, увиденных в путешествиях на Север и на Дальний Восток, а также мест охоты и прогулок во время пребывания в Переславле-Залесском, Сергиевом Посаде, Дунине.

Нам представляется интересной тема топонимической емкости разных произведений Пришвина.

Средний показатель топонимической емкости текстов Пришвина – 0,6% (т. е. 0,6% всех слов являются топонимами). По количеству топонимических словоупотреблений произведения Пришвина можно условно разделить на несколько групп: произведения с высокой топонимической емкостью (более 0,8% включительно), произведения со средней топонимической емкостью (от 0,4% включительно до 0,8%), произведения с низкой топонимической емкостью (менее 0,4%). К первой

группе относятся следующие произведения: «В краю непуганых птиц», которое является самым топонимоемким из крупных пришвинских текстов: на 44,2 тысячи слов приходится 151 топоним в 559 употреблениях (1,26% лексики этого произведения – топонимы), «За волшебным коlobком» (1,16%), «Из книги “Золотой Рог”» (1,12%), «Башмаки» (1,08%), «Берендеева чаша» (1,08%), «Славны бубны» (0,98%) и «У стен града невидимого» (0,81%). Ко второй – «Корабельная чаша» (0,73%), «Кладовая солнца» (0,67%), «Неодетая весна» (0,64%), «Заворошка» (0,61%), «Старые рассказы» (0,6%), «Журавлиная родина» (0,52%), «Кашеева цепь» (0,51%), «Календарь природы» (0,51%), «Жень-шень» (0,41%), «Осударева дорога» (0,4%). К третьей – «Повесть нашего времени» (0,28%), «Черный Араб» (0,26%), «Мирская чаша» (0,22%), «Лесная капель» (0,15%), «Глаза земли» (0,14%), детские рассказы Пришвина (0,14%). Из приведенных данных видно, что к группе с высокой топонимической емкостью относятся произведения художественно-документального жанра, в основу которых легли путевые впечатления Пришвина. Книги, основанные на том же материале, но превращенные в своеобразные пришвинские «сказки» («Жень-шень» в противопоставление «Золотому Рогу», «Корабельная чаша» в противовес «Берендеевой чаше», «Осударева дорога» как продолжение «Края непуганых птиц»), классический роман «Кашеева цепь» и другие художественные произведения оказались в основном во второй группе произведений. Самой малой топонимической емкостью, как мы видим, обладают малые формы, не объединенные ни хронотопом, ни сюжетной линией: книги миниатюр «Лесная капель» и «Глаза земли», а также детские рассказы, взятые как единица творчества. Все это в какой-то степени подтверждают мнение О. И. Фоняковой о том, что «зависимость выбора и употребления имен собственных от характера жанра и темы произведения видят все исследователи литературной ономастики» [Фонякова, 1990, с. 70].

В целях сравнения показателей топонимической емкости пришвинских произведений с показателями других художественных текстов было

проведено побочное исследование по выявлению уровня топонимической емкости отдельных текстов конца XIX – начала XX века, авторы которых были так или иначе связаны с М. М. Пришвиным. Так, топонимическая емкость повести А. Ремизова «Крестовые сестры» – 1,26%, повести И. Бунина «Суходол» – 0,75%, повести И. Соколова-Микитова «Детство» – 0,67%, повести М. Горького «Мои университеты» – 0,35%, повести А. Чехова «Степь» – 0,15%, повести Л. Толстого «Отец Сергей» – 0,12%. Приведенные данные показывают, что системность в количестве использованной топонимической лексики произведений того или иного жанра может наблюдаться лишь в контексте творчества отдельного писателя, то есть процентный показатель топонимической лексики не является безусловным показателем жанровой принадлежности произведения. Данное положение, на наш взгляд, заслуживает более детального изучения, однако это не входит в задачи данного исследования.

Приведенные в параграфе классификации и статистические показатели, на наш взгляд, хорошо характеризуют поэтику текстов Пришвина с позиции литературной топонимики и наглядно демонстрируют как отношение Пришвина к имени места, так и к конкретным местам через имя. Кроме того, они открывают новые подходы к анализу литературного ономастикона и могут применяться как промежуточный инструмент изучения поэтики текста, литературной ономастики и других аспектов литературного творчества.

2.3. ВОПРОС О ГИДРОЦЕНТРИЧНОСТИ ТВОРЧЕСТВА

М. М. ПРИШВИНА В АСПЕКТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОПОНИМИКИ

В научной литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что водные объекты и, соответственно, гидронимы играют для М. Пришвина особую роль. Н. В. Борисова отметила, что «метапространство у Пришвина по-настоящему заполнено водой, это некая гидроцентрическая система» [Борисова, 2002_б, с. 18], согласилась с этим и Н. А. Трубицина: «Пришвин в своих очерках активно использует гидронимическую ономастику»

[Трубицина, 2013, с. 75]. С. В. Логвиненко называет Выгозеро центром географического топоса Севера для Пришвина [Логвиненко, 2013₆, с. 11]. Не случайно и В. Д. Пришвина писала в одной из своих статей об открывшемся Пришвину значении стихии воды как общего материнского начала на земле, о значимости для него каждой составляющей ее капли [Пришвина, 1973, с. 31].

Важная и даже зачастую сюжетообразующая роль водной стихии в книгах Пришвина видна и без специального исследования. Подсчеты также показывают, что процент гидронимов от общего количества топонимической лексики в художественных произведениях Пришвина действительно довольно-таки высок. Из 1306 топонимов в 6633 употреблениях гидронимами являются 286 в 1648 употреблениях. Таким образом, 21,9% топонимов – это гидронимы, а 24,9% употреблений – гидронимическая лексика. Много ли это? С одной стороны, ойконимы несколько «популярнее»: 29,9% и 29,4% употреблений. Но соотносимы ли эти цифры? Можно, не ссылаясь на специальные исследования, обратиться к обыкновенному опыту общения с географическими картами любого масштаба, чтобы понять, насколько меньший процент занимает в реальной топонимике гидронимия по сравнению с ойконимией.

Проанализируем данные гидронимы в разных аспектах и классифицируем их по разным признакам.

Прежде всего, разобьем литературную гидронимию Пришвина на подклассы согласно общей топонимической классификации [Басик, 2008, с. 15-17]. Самыми большими являются подклассы потамонимов (имена рек, ручьев, ключей, каналов) и лимнонимов (имен озер, прудов, водохранилищ). В текстах Пришвина нами было обнаружено 153 потамонима в 974 употреблениях и 56 лимнонимов в 381 употреблении. Пелагонимов (названий морей и других частей океана, включая разного рода заливы) мы насчитали 41 в 145 употреблениях. Остальные подклассы малочисленны: 15 названий водопадов и речных порогов в 24 употреблениях, гелонимов

(названий болот) – 14 в 84 употреблениях, 6 названий, относящихся к океанам, в 39 употреблениях, 1 название водной системы в единственном употреблении.

Самое большое количество гидронимов встречается в следующих произведениях Пришвина: «В краю непуганых птиц» (46 в 197 употреблениях), «Берендеева чаща» (38 в 192 употреблениях), «За волшебным колобком» (32 в 129 употреблениях), «Корабельная чаща» (24 в 172 употреблениях), «Золотой Рог» (38 в 126 употреблениях), «Осударева дорога» (24 в 124 употреблениях). Все эти произведения достаточно объемны, однако будет некорректным утверждение о полной зависимости количества топонимов и, в частности, гидронимов от объема текста. Так, например, автобиографический роман Пришвина «Кашеева цепь» превосходит по объему произведения «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком» вместе взятые в полтора раза, однако содержит в 1,7 раз меньше топонимической лексики и в 6,2 раза меньше употреблений гидронимов. Условный уровень гидроцентричности того или иного произведения можно выявить путем анализа доли словоупотреблений гидронимов от всей топонимической лексики. Средняя доля гидронимов в произведениях писателя составляет 24,9%. Соответственно, «водными» текстами Пришвина можно назвать те, где процент гидронимических словоупотреблений выше 24,9%, то есть следующие (в порядке возрастания): «Старые рассказы» (25,2%), «Журавлиная родина» (32,1%), «В краю непуганых птиц» (35,2%), «Корабельная чаща» (36,9%), «Неодетая весна» (37,2%), «У стен града невидимого» (44,9%), «Осударева дорога» (46,4%), «Берендеева чаща» (49,2%), «Кладовая солнца» (67,1%).

Приведенные выше статистические данные с поправкой на особенности сюжета и географические особенности описываемых мест может в цифрах продемонстрировать уровень поэтического интереса писателя Пришвина к тем или иным формам окружающей действительности. Каждый из нас может назвать десяток морей и даже все существующие на

нашей планете океаны, но не каждый путешественник-неспциалист знает названия более двухсот рек и озер, и, наконец, редкий художник так активно использует подобные знания в своем творчестве. При этом дневники Пришвина показывают, что использованные в художественном творчестве топонимы не являются случайными, даже такой внушительный массив топонимической лексики является результатом достаточно строгого отбора. Хорошим примером служит соотнесение в этом аспекте Крымского дневника с повестью «Славны бубны». Несмотря на схожий объем и многочисленные сюжетные пересечения, текст дневника вмещает в себя в 3,7 раза больше топонимов.

Самым частотным из гидронимов в художественных текстах Пришвина оказывается *Выгозеро* (72 употребления), однако этот топоним мы находим в четырех произведениях: «В краю непуганых птиц», «Охота за счастьем», «Осударева дорога», в миниатюре «Начало писательства» из книги «Глаза земли». Река *Волга* (69) же «протекает» через все творчество Пришвина и упоминается в 14 произведениях – в общей сложности 69 раз. Некоторые цитаты раскрывают особое отношение писателя к этой реке. Так, лирический герой повести «У стен града невидимого», заметнее абстрагированный от автора, чем лирические герои большинства поздних текстов, и потому имеющий больше «свободы» от пришвинской биографии, называет Волгу второй своей родиной [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 396], хотя мы знаем, что сам Пришвин, с точки зрения фактов, Волгу назвать своей родиной не мог. Интересно, что в том же тексте герой говорит о том, что его родиной является маленькое имение в Орловской губернии [Там же, с. 389], и «хозяйку имения... мы прозвали “маркизой”». Пришвин действительно часто так называл свою мать, но формулировка «мы прозвали...» нивелирует близкое родство с Маркизой (в дневниках писатель использует то строчную, то заглавную букву при написании этого позднего прозвища Марии Ивановны). Это один из многочисленных скромных, но показательных примеров «заигрывания» Пришвина с собственной биографией. В контексте

положения о гидроцентричности мира Пришвина обратим внимание также на то, что он называет родиной не место, а реку протяженностью более трех с половиной тысяч километров! Кстати, родиной (писательской) называет Пришвин и воды реки Выг и Выгозера: «именно это место, Выговский край, вот эти выговские воды... были родиной моей как писателя...» [цит. по: Пахомова, 1960, с. 5].

Гидроним *Волга* встречается в повести «Неодетая весна» и в таком контексте: «там и тут нам встречались столбы с надписью – “Большая Волга”, и эти простые слова каждый раз при встрече с ними так сильно говорили, что казались огненными, как на стене Навуходоносора. В словах “Большая Волга” был конец всему старому, привычному и вызов для каждого определиться в новом, неведомом» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 273]. Пришвин воспринимает масштабы изменений, происходящих в этих краях из-за строительства плотин, именно через топоним, наполняя имя новыми смыслами.

В одной из дневниковых записей писатель обнажает свое восприятие Волги как живого существа и даже проводит неожиданную и очень интересную для нас параллель: «...все равно для всех Волга после влияния Оки только Волга, но сама Волга знает, что Ока в ней течет. Так, наверно, и сам Бог: для всех Бог, но Сам-то Он знает, что в Нем каждый живет, и среди каждых Михаил Пришвин тоже имеет особенный путь» [Пришвин, 2013_а, с. 61].

В текстах Пришвина мало безымянной географии. Он, знакомясь с местом, обязательно разузнавал, как называется протекающая неподалеку речка, как зовется даже самый малый ручеек. Особенно хорошо это видно в дневниковых записях. Например, Пришвин во время путешествия на Северный Кавказ в 1936 г. последовательно записывает, вероятно, получая удовольствие от новых звучаний, как рождается река Терек: «долина Черека... Урвань в Черек и называется Черек, а потом опять разделяется на Черек и Урвань, и в Урвань впадает Урванец (Ху). И после того как Урвань и

Малка соединяются с Черекон, река называется Терек» [Пришвин, 2010_а, с. 97]. Примечательно, что настолько подробного описания многих мест нельзя найти даже в научной литературе. Тот же гидроним *Урванец*, например, отсутствует в современном Государственном водном реестре. И таких имен в пришвинских дневниках очень много. Они представляют интерес не только для литературной ономастики, но и для региональной топонимики, могут стать толчком к краеведческим исследованиям.

Стоит принять во внимание, что многие заметки были сделаны Пришвиным «с натуры» до массового строительства водохранилищ и каналов, до ухода под воду многих мест и, соответственно, забвения некоторых из их названий. Писатель остро чувствует эти изменения. Приведем один из пассажей на эту тему из дневника 1944 г.: «Акуловское водохранилище схоронило в своих водах Акулову гору, упоминаемую в стихах Маяковского. Под горой были деревни и села с их полями, стадами. И хороводы водили когда-то под Акуловой горой, и дрались на улицах до смерти в годовые праздники пьяные мужики» [Пришвин, 2013_а, с. 192]. Однако здесь Пришвин выступает жизнелюбцем и оптимистом: «и вот на вершине Акуловой горы мне чудится будущее, когда все машины, сквозь которые рычат на нас теперь все дьяволы нашего века, перейдут на службу хорошим людям на добро и на счастье людей» [Пришвин, 2013_а, с. 192-193]. Наглядный пример того, как реальный топоним даже в контексте документального творчества может стать мощным стилистическим средством. Имя *Акулова гора* «вписывает», казалось бы, повседневный эпизод в широкий контекст русской литературы – и вот Пришвин уже не просто отдыхает с женой на берегу водохранилища, но и находится при этом «рядом» с поэтом-футуристом Маяковским и мыслит при этом не о чем ином, как о *будущем*.

Пришвин живо интересуется происхождением названий, в том числе и гидронимов, и обязательно восторженно делится новым знанием с читателем. Часто писатель делает собственные догадки об этимологии тех или иных

гидронимов: «сколь ничтожна эта река, можно видеть в тех местах, где она течет в сухих берегах, до того ничтожна, что из-под нее произрастают не только водяные растения, а и обыкновенные травы, конский щавель, зонтики – верно, за это и название свое получила Вытравка, значит, вся в травке» [Пришвин, 2003, с. 349]. Возможно, языковое чутье действительно не подводит Пришвина, ведь в говорах довольно распространено слово «травэть», то есть «зарастать травой» [СРНГ, т. 44, с. 335].

Интересным и показательным является факт, что у Пришвина были собаки с кличками *Нерль* и *Дубец*, созданными из гидронимов. Эпизод с их наречением описан в рассказе «Нерль»: «*Дубец* – мелькнуло слово у меня в голове, я поймал его и вспомнил охоты свои по выводкам на речке Дубец. Слово мелькнуло не даром, я очень удачно охотился на Дубце, и мне показалось – неплохо будет в память этих охот назвать новую собаку Дубцом. Да и пора вообще бросить трафаретные клички и давать свои собственные, местные, ведь каждый ручеек, каждый пригорок на земле получил свое название без помощи греческой мифологии.

Из этого помета я решил себе оставить кобелька и сучку. Название для сучки мне сейчас же пришло в голову, как только мелькнул Дубец. Я назову ее Нерлью, потому что на болотистых берегах этой речки прошлый год много нашел гнездовых дупелей» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 419].

Как мы видим, даже краткий обзор гидронимов, встречающихся в творчестве М. Пришвина, становится еще одним аргументом в пользу тезиса о гидроцентричности пространства художественного мира писателя, который наполнен именами рек и озер, морей и заливов, налаживающих «водную связь», «где каждая капля в себе и во всем» в противовес связи «палочной – военной, которой держится глыба» [Пришвин, 1994, с. 88].

ГЛАВА III. МАЛАЯ РОДИНА М. М. ПРИШВИНА В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Творчество любого писателя в разной степени связано с его биографией. Этот факт, в контексте русской культуры признанный критиками еще в начале XIX века, не только накладывает определенный отпечаток на многие филологические исследования разных направлений, но и инициирует некоторые из них.

Одной из важных сторон биографии писателя считается место, где писатель был рожден и провел детские годы – иначе говоря, его малая родина. Малая родина писателя – это не просто топоним, это атмосфера, окружавшая его в детстве, люди, повлиявшие на развитие будущего писателя. Увиденное и услышанное в детские годы остается на всю жизнь с каждым человеком, а художник, способный воплотить свои переживания в образ, зачастую использует впечатления детства в своих произведениях – так образ малой родины, пропущенный через субъективное восприятие, проникает во многие литературные произведения.

В данной главе перед нами стоит задача изучения влияния образа малой родины М. М. Пришвина на его художественное творчество. Включенность соответствующего топонимического пространства в текст является одним из индикаторов степени влияния образа малой родины на художественное творчество писателя. При изучении топонимического пространства в то же время важно учитывать не только лингвистические аспекты топонимии произведения, но и аспекты сугубо биографические, зачастую реализующиеся в топонимах имплицитно.

М. М. Пришвин родился 23 января 1873 года (по старому стилю) в селе Хрущево-Левшино Соловецкой волости Елецкого уезда Орловской губернии, располагавшейся на территории современного Елецкого района Липецкой области. Там же, в родительском доме, он провел первые девять лет своей

жизни, после чего был отдан на обучение в мужскую гимназию города Ельца. Мы разделяем эти два топоса (село *Хрущево* и город *Елец*), однако считаем, что оба они, включая некоторые другие места Елецкого уезда (района), где бывал писатель в детстве, могут быть объединены понятием «малая родина Пришвина». В работах елецких исследователей творчества Пришвина и ученых из других городов именно *Елецкая земля* названа «физической родиной» [Дворцова, 2003, с. 12] писателя.

Пояснение Н. П. Дворцовой, что Елецкий край якобы является именно «физической» родиной Пришвина неслучайно. За всю свою творческую жизнь Пришвин, много путешествовавший и сменивший десятки мест жительства, выработал собственную концепцию «родины» и потому в течение жизни высказывался о Елецком крае по-разному. В частности, фраза Пришвина из записанного разговора с однокашником Семашко, случившимся (если это не мистификация) в 1907 г., «моя родина не в Ельце, а в Краю непуганых птиц. Я верю, что она существует, что я люблю ее» [Пришвин, 2012_а, с. 363] (в пересказе В. Д. Пришвиной из ее книги «Путь к слову», которая была издана на 28 лет раньше дневника, она звучит так: «моя родина не Елец, а в краю непуганых птиц. Я верю, что такая моя родина существует, и я люблю ее беззаветно» [Пришвина, 1984_б, с. 100]), а также фраза «Елецкую родину и я ненавижу» [Пришвин, 2012_а, с. 363] могли трактоваться как доказательства неприятия Пришвиным Елецкого края в качестве своей родины. Стоит помнить, однако, что эти фразы были произнесены тридцатичетырехлетним писателем под недавним впечатлением от Карелии и записаны спустя еще 34 года. Важно знать контекст этой записи и контекст разговора, чтобы правильно оценить резкую фразу. Пришвин приводит разговор с Семашко как доказательство того, что «профессия писателя определила в значительной степени и [его] поведение» [Пришвин, 2012_а, с. 363]; «...я как только написал свою первую книгу “В краю непуганых птиц”, то я весь в этом деле и все мое поведение

определяется им...» [Там же], – такими словами предваряет писатель пересказ разговора, состоявшегося десятки лет назад.

В обширном наследии писателя можно найти и другие фразы, которые при поверхностном восприятии могут трактоваться как доказательство нелюбви писателя к Елецкому краю. Так, Пришвин не единожды и в разные периоды жизни называет своей писательской [см. Пришвин, 2003, с. 205; 2012_а, с. 580] и духовной [см. Пришвин, 1994, с. 60; 2003, с. 201] родиной Санкт-Петербург, противопоставляя ему «физическую» родину, находящуюся по Ельцом. Пришвин в 1934 г. называл своей родиной и Плещеево озеро [см. Пришвин, 2009, с. 441], и вместе с женой Валерией Дмитриевной пытался «делать родину» [см. Пришвин, 2013_б, с. 560] из подмосковного Дунино, хотя, вспоминая Хрущево, писал когда-то, что «вторую родину сделать нельзя» [Пришвин, 2003, с. 479].

Родиной Пришвин мог назвать и идеальные земли, где живут честные люди и не надо ежедневно опасаться воров («я, Робинзон, приплыву на этом корабле опять куда-то на свою настоящую родину – и там, на этой родине, расскажу своим близким людям, как я жил среди дикарей на не обитаемом европейскими людьми острове» [Пришвин, 1991, с. 334]), и просто-напросто всю природу («Природа – родина моего таланта: моя родина там, где рожден мой талант» [Пришвин, 2009, с. 786]) или весь мир: «еще [есть] другие места, и так весь мир есть продолжение моей родины» [Пришвин, 2007, с. 561], и даже книгу – «Капитанскую дочку» Пушкина («моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить <...>; моя родина, непревзойденная в простой красоте и, что всего удивительней, органически сочетающейся с ней доброты и мудрости человеческой, – эта моя родина есть повесть Пушкина “Капитанская дочка”») [Пришвин, 2009, с. 298]). Однако приведенные высказывания нисколько не отрицают трепетного отношения Пришвина к своей настоящей малой родине и легко объясняются тем, что слово «родина» имело в сознании писателя множество значений, и родиной он называл не только Россию и не только Хрущево с Ельцом. «Родина, как я

ее понимаю, не есть что-то этнографическое, ландшафтное, недвижимое, к чему я теперь прислоняюсь. Для меня родина – все, что я сейчас люблю и за что борюсь, родина – это я сам, как творческий момент настоящего, создающего из прошлого наше будущее» [Пришвин, 2010_б, с. 219-220], – записал Пришвин в дневнике 20 ноября 1938 г.

Перечисленные выше высказывания для Пришвина характерны и не менее ценны, чем остальные, но они не дают полной картины осознания Пришвиным своей родины. Между тем, Елецкий край, безусловно, осмысливался Пришвиным как родина. Во-первых, такой вывод легко сделать из многочисленных случаев использования в дневниковых записях слова «родина» применительно к Хрущеву, Ельцу и иногда вообще к черноземному краю: «земля – для меня это родина, эта черноземная равнина» [Пришвин, 2007, с. 47]; «я буду на родине, в одной из центральных губерний России» [Пришвин, 1995, с. 275]; «свою родину, Елецкий уезд Орловской губ. он изображает так (из «Кашеевой цепи»: отрывок о черноземе)» [Пришвин, 2012_а, с. 463]; «я представил себе Лялю у себя на родине среди всех этих людей, описанных в “Кашеевой цепи”» [Пришвин, 2012_б, с. 151]; «обошел родину в Хрущеве, обошел Елец, Белев» [Пришвин, 2013_б, с. 31]; «если я приеду на мою родину в Елец как знаменитость, мне покажут достижения агротехники, каких и не снилось моей матери» [Пришвин, 2013_б, с. 476], «и понял я, что «Кашеева цепь» есть песня мальчика о своей родине» [Пришвин, ПСС, с. 640] и др. Массу соответствующих примеров можно найти и в художественных произведениях Пришвина: «весну мне нужно было провести на родине, в Орловской губернии, в маленьком имении» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 389]; «в этом лесном краю на меня пахнуло родными черноземными полями, где нет этого здешнего беспокойного духа староверов» [Там же, т. 1, с. 418]; «и вот однажды я ехал из Москвы к себе на родину, в Елец» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 470] и др. Во-вторых, Пришвин как в некоторых дневниковых записях, так и в эпизодах автобиографических произведений подчеркивал, что Елецкий край является его родиной и что родина эта ему

очень дорога. Одной из самых трогательных записей о «настоящей родине» является датированная 30 сентября 1927 г. запись, которую мы не можем не привести полностью: «А-а дала мне понюхать чабер, которого здесь нет, и я перенесся мгновенно в Хрущево. И оказалось так ясно, что вторую родину сделать нельзя. Друг мой, родина моя настоящая, степь, казалось мне, совершенно для меня кончилась, я заставил себя леса полюбить и это считал десятками лет своей новой родиной, в творчестве которой и сам лично принимал участие; в лесах я и любовь пережил и научился работать. Но вот недавно в одном доме дали мне понюхать чабер, которого нет в северных лесах, и вдруг с необычайной силой и с болью встала передо мной моя настоящая детская родина, и тут я понял, что эта первая родина скрыта всегда во мне, что вторую свою личную родину я создал сам себе взамен детской, что радость моя в лесах происходит от боли расставания с первоначальными степями, что в лесах тайно для себя я жил чувством своей первой родины, оставался верным ей, неизменным всю жизнь и что самое главное понял я, что родина моя хороша!» [Пришвин, 2003, с. 479-480]. Еще раньше, до начала писательской деятельности, но тоже через сравнение ландшафтов случилось у писателя первое, наверное, осознание красоты родной земли – это случилось на Кавказе. «Тогда я вовсе и не заметил никаких красот кавказской природы. Напротив, мне было тесно в горах, и я очень обрадовался, когда из них вырвался. Только после, когда вернулся на родину, то перестал смеяться над нашими барышнями, которые, гуляя, смакуют ту или другую картинку природы: там им серая береза на зеленой лужайке, там облако» [Пришвин, 2010_а, с. 246], – вспоминал он в середине 1930-х.

Возможно, что описанные эпизоды стали наравне с началом написания «Кашеевой цепи» одними из переломных на пути осознания заядлым путешественником Пришвиным своей малой родины как родины настоящей. То, что осмысление это было постепенным и длилось на протяжении всей жизни писателя, видно и по увеличивающемуся в 1940-50 гг. количеству дневниковых записей о Хрущеве, и при сравнении позиции Ельца–Хрущева в

художественных произведениях автора. Например, в документальной и очень насыщенной топонимами книге «За волшебным колобком» нет упоминания о конкретной родине героя; ответ на вопрос о родине путешественника подразумевается, но не звучит напрямую:

- Откулешний?
- Из Петербурга.
- А родина?

Я назвал. Он помолчал. [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 297]

Пришвин не захотел раскрывать родину своего автобиографического героя исходя из художественных целей? Или же тридцатитрехлетний молодой человек, не так давно вроде бы и нашедший «новую родину» в «краю непуганых птиц», бывавший в Риге, Берлине, Париже, записывающий в дневнике, что «родина хороша... Но лучше путешествия. Тут не спутаны впечатления» [Пришвин, 2007, с. 561] и теперь прибывший в столь экзотичные для тех времен места, стесняется того, что родился под Ельцом? Может и так, однако первый опубликованный (в журнале «Родник») рассказ неизвестного тогда писателя «Сашок» принадлежит описанию именно хрущевской действительности, хотя это и не сказано напрямую, а рядовой читатель не мог этого знать. Описанный в рассказе пруд, где чуть не утонул старший друг героя мужик Сашок – это приусадебный хрущевский пруд. Рассказ этот поэтичен, он наполнен детскими воспоминаниями.

В том же 1905 г. увидел свет (был опубликован в газете «Русские ведомости» 26 ноября) первый из серии очерков о черноземных землях – «Манифест 17 октября в деревне», в котором собраны наблюдения об отклике русской деревни на Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка. В очерке нет топонимов, конкретизирующих место действия – известно лишь то, что это «родной город» рассказчика и то, что город этот провинциальный. Единственный топоним «Манифеста...» – противопоставленная провинциальному хронотопу *Москва* («К нам даже из Москвы господа приезжают...») [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 638]). В этом

рассказе все внимание отдано состоянию деревенской общественности. Рассказ «Господа умилились» (опубликован 4 октября 1906 г. в тех же «Русских ведомостях»), хоть и схож по тематике с «Манифестом...», в качестве экспозиции имеет пейзажную зарисовку, в которой угадывается Елецкий край. «Под ногами глубокая промоина. Только обойдешь, – снова ров, словно пасть из красной глины на черной земле. И так поля, склоны с пожелтевшей травой и рвы; ни деревца, ни кустика. И людей не видно. Спутанная лошадь с угнутой к тощей траве шеей, ворон да стая табунящихся, готовых к отлету грачей – вот, кажется, и все живое» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 572], – такое описание предваряет общую картину запустения. Понять, какие именно места автор собирается описывать, читатель «Русских ведомостей» мог только из намека: «эти места были описаны Тургеневым, но теперь леса вырублены, мужик измельчал, помещик разорился или превратился в кулака... Теперь великий художник не стал бы писать о наших местах» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 572]. Прибегая к помощи антропонима *Тургенев*, Пришвин одновременно обозначает место действия (Орловская губерния) и активизирует уже потенциально имеющийся у читателя интеллектуальный багаж в художественных целях – для того, чтобы усилить контраст прошлого и настоящего, тургеневской Орловской губернии и Орловской губернии первого десятилетия XX века. К Тургеневу Пришвин в статье возвращается вновь, но уже имплицитно, упоминая «помещика и студента», за которыми угадываются Павел Петрович Кирсанов и Базаров: «как же это случилось? Как время разрешило спор помещика и студента?» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 438]. Надо сказать, что это обращение к именам великих писателей, судьбы которых были так или иначе связаны с родными для Пришвина местами, в его творчестве не единственное: вступление к автобиографической книге «Кашеева цепь» напоминает читателю и о других гениях русского подстепья: «я пробовал думать о множестве замечательных людей, рожденных на этой земле: вон там, не очень далеко отсюда, пахал Лев Толстой, там охотился Тургенев, там ездил на совет Гоголь к старцу

Амвросию, да и мало ли из этого черноземного центра вышло великих людей, но они *вышли* действительно, как духи, а сама земля через это как будто даже стала беднее: выпаханная, покрытая глиняными оврагами и недостойными человека жилищами, похожими на кучи навоза» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 6-7]. В приведенном отрывке мы снова видим все те же овраги и общую картину оскудения. Похожий отрывок, кстати, можно встретить в опубликованной в декабре 1917 г. (издание «Воля страны», литературное приложение «Россия в слове») заметке «Мать-земля»: «сколько замечательных людей дала эта земля, – вон в той стороне пахал ее Лев Толстой, там охотился Тургенев, в детстве нас приводили под благословение к старцу Амвросию, а Тихон Задонский жил от нас близехонько. <...> Вышли замечательные люди, а самая земля осталась и оскудела» [Пришвин, 2004_б, с. 143]. Имя *Тургенева* чаще других возникает в творчестве и дневниках Пришвина в контексте хрущевской родины. «Какая теперь охота! Но мы пошли и охотились в краю Тургенева с Косычом-монопольщиком» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 609], – так начинается рассказ «Косыч». Интересны дневниковые записи: «Хрущево. Гнездо мое опозорено, а ветер шумит тот же самый по тем же деревьям, в этих Тургеневских аллеях с самого детства она жила, как Грезаца, и вот теперь в это время это она является вопреки всему, наперекор, нежданно, негаданно» [Пришвин, 1991, с. 129]; «в нашем Тургеневском уезде в конце Германской войны оставалось только две старухи-помещицы, любопытных к жизни настоящего в свете прошлого» [Пришвин, 1999, с. 70].

Фигура *Тургенева* объединяет две земли, осознаваемые Пришвиным как родные: *Хрущево* (родину отца и самого писателя) и *Белев* (родину матери). «...Но разве и на моей прекрасной родине в бархатных лугах, где были и сады роскошные, и соловьи, цветы, и Тургенев, и милые деды на пасеках, тоже было в существе своем не так же, как и в Лапландии?» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 403], – строки из очерка «Заполярный мед», в котором Пришвин

проецирует на героя рассказы матери или других белевских родственников и пишет, что детство он провел на Оке.

В 1909 г. Пришвин по впечатлениям от весенней поездки на родину пишет еще несколько очерков о жизни деревни черноземной полосы: «Как я укреплял тещу Никифора» (опубликован в «Русских ведомостях» 14 и 18 июля 1909) и «Как быть с мужиками?» (там же, 23 июля), «Дубовый дол» (там же, 1 августа), в которых соединены острые социальные темы тех лет, тонкая ирония и взгляд на родной пейзаж «*sub specie aeternitatis*» [Пришвин, 2007, с. 317], то есть с точки зрения вечности – взгляд, которым Пришвин хотел посмотреть вокруг, приехав в Хрущево 21 марта 1909 г. из Петербурга. В первый из очерков 1909 г. включен относительно объемный пассаж об особенностях рельефа родных Пришвину земель – «молодой пустыни» и «глиняной Швейцарии», – где ландшафтной доминантой являются овраги, в которых часто «дрянь какая-то сочится на дне», что делает похожей ландшафт Елецкой земли на «болячки в анатомических атласах» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 641]. И здесь даже дороги исчезают, сползая вместе с землей в глубокие балки. В последующих очерках пейзажа меньше, но пафос описаний тот же, и не прекращается «одна и та же тоскливая черноземная песня» [Там же, с. 663] – мечта о переселении в лучшие места. В очерках 1909 г., как и в более ранних, нет прямого обозначения описываемых мест, топонимы вообще немногочисленны: *Россия, Русь; Швейцария, Петербург, Германия, Франция, Сибирь* – и в основном призваны встать в оппозицию к неназванным местам. Среди них есть только один ойконим – *Дубовый Дол*, – связывающий очерк «Как быть с мужиками?» и очерк «Дубовый Дол». *Дубовый Дол* – имя реально существовавшей деревни, имения М. И. Поповой.

Очерк «Дружная весна» с подзаголовком «из деревенского дневника», опубликованный 23 мая 1910 г. все в тех же «Русских ведомостях», также не открывает, что за места описаны – разве только они расположены недалеко от реки *Дон* («– Дон прошел...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 670]). Название Хрущева здесь намеренно скрыто, сокращено до одной буквы: «сколь далече едете? В

Х.? Нам по пути, поедемте, составим компанию» [Там же]. Замена эта, с одной стороны, выставлена напоказ: *Х.* обозначено в самом начале рассказа, и обозначения этого легко было бы избежать; с другой стороны, указание в подзаголовке на источник текста как бы оправдывает такое сокращение дневниковым происхождением.

Жизнь Пришвина в 1905-1920 гг. была тесно связана с Хрущевом, здесь было сделано множество дневниковых записей, в основном относимых к ранним. Большая их часть – «разрозненные записи на отдельных листах разного формата и разной сохранности» [Пришвина, 1978, с. 207]. При разборе писательского архива в 1939 г., который происходил, между прочим, с участием Р. В. Иванова-Разумника, все эти материалы, или «клочки», как называл их сам Пришвин, были определены в «Хрущевскую папку». В период между двумя революциями Пришвин приезжал в Хрущево почти каждый год – как из Петербурга, так и из других мест проживания. В ноябре 1914 г. писатель «приехал из Петербурга в Хрущево и увидел около церкви, рядом с могилой отца, новый холмик, покрытый свежим дерном» [Липеровская, 1964, с. 98] – умерла мать Пришвина, Мария Ивановна, не только родной человек, но «и тело, и душа родины». Образ матери у Пришвина был очень тесно связан с родиной. В главе «Кашеевой цепи» «Мать-родина» есть, среди прочих, и такие строки: «...чувство к матери-родине дает мне возможность каждый ландшафт, к которому я прикоснусь этим чувством, преобразить в мою родину. Мне даже и жить не нужно долго в каком-нибудь краю, мне довольно взглянуть на любой ландшафт с тем страстным чувством земли, какое было у моей матери, чтобы эта земля стала мне родной» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 456].

28 августа 1916 г. в журнале «Речь» выходит статья Пришвина «Сахар», которая начинается так: «кто вырос где-нибудь в Ельце или в Лебедяни в маленьком домике городской бедноты...» [Пришвин, 2004₆, с. 494]. Статья не привязана тематикой к определенной местности и, видимо, ойконимы *Елец* и *Лебедянь* здесь являются синонимами глубинки.

В ноябре 1916 г. в разных выпусках журнала «Речь» выходят три текста Пришвина, позже объединенных под общим заголовком «Письма в провинцию» – статьи эти написаны на злобу дня, и тематика ясно обозначена в заголовках: «К тетушке об окороке», «Про горох и фасоль и солонину без костей», а также «Вернисаж». Интересно, что подписаны они псевдонимом *Михаил Хрущевский*. Практически это был единственный псевдоним Пришвина. Г. Ф. Ковалев отмечает, что «псевдоним этот четко перекликается с псевдонимом его земляка и современника И. А. Бунина, который использовал непритязательный псевдоним *И. Озерский*, тоже по названию своего поместья *Озерки*» [Ковалев, 2008, с. 149].

К Хрущеву Пришвин возвращался в своей публицистике осенью 1917 г. По впечатлениям от весенней поездки на малую родину в качестве делегата Временного Комитета Государственной думы он пишет несколько статей в газету партии правых эсэров «Воля народа», где он служит редактором литературного отдела. 14 сентября, в частности, была опубликована статья «Самогон», где автор, в отличие от текстов семи- восьмилетней давности, упоминает, что он «близко наблюдал сельскую жизнь» именно в *Елецком узде* [Пришвин, 2004₆, с. 77]. В материале «Земля и власть» («Воля народа», 20 сентября 1917 г.) уже открыто даются названия *Хрущево* и *Соловьево*. 4 мая 1918 г. публикуется статья «В телячьем вагоне», где говорится, что автор несколько раз в году бывает в *Ельце*, 12 мая – статья «На посевах», где речь идет об *Орловской губернии*. Елецкой действительности посвящены и другие статьи 1918 г.: «Детский рай», «В саду», «Бумажный змей» и другие. Очерки 1917-18 гг., противоречащие идеологии, не были включены в советские собрания сочинений. Эта поездка, на фоне меняющейся социально-политической обстановки в стране, также ознаменовалась конфликтами с крестьянами.

1918-1920 гг. – годы более или менее постоянного пребывания писателя в родных краях. Жизнь на Елецкой земле тех лет была крайне тяжелой. Прежде всего, Пришвин осенью 1918 г. был выдворен из собственного

имения взбунтовавшимися крестьянами. Изгнание писателя, как отмечается в некоторых исследованиях, было спровоцировано «нездешними», в то время как крестьяне разделились на два лагеря. В архиве писателя сохранилось заявление крестьян села Хрущева следующего содержания: «проживание его в нашем селе является желательным, ввиду того, что Михаил Михайлович Пришвин – известный писатель, деятельный работник в деле народного образования – может быть нам очень полезен для просвещения народа» [цит. по Мотяшов, 1965, с. 84]. Один из советских биографов Пришвина, Г. Ершов, описывает изгнание так: «Михаилу Пришвину принесли большое льняное полотенце с красивыми красными петухами на концах. А по полотенцу вышивка, говорящая о том, что и благодетель-то он, и человек распрекрасный, и таланту редкого. Но твердо сказали, чтобы тотчас же уходил из имения и с женой и с дитятей. А дом сожгли» [Ершов, 1973, с. 79]. «Надежды вернуться “домой” прямым образом именно в Хрущево, чтобы, завершив круг, начать жить и писать с последовательной домашней оседлостью, как писали некогда Некрасов в Карабихе, Тургенев в Спасском, Толстой в Ясной Поляне, потому что всегда знали, что только на родной земле “неспелые мысли могут обратиться в плоды, необходимые всем”, эти надежды оказались отодвинуты временем» [Курбатов, 1986, с. 84] – Пришвин с семьей был вынужден переехать в Елец, оставив на растерзание новым хозяевам и отчий дом, и дом, который начал было строить на участке, отведенном ему после передела земель между детьми Марии Ивановны.

Чуть позже жена Пришвина Ефросинья Павловна с их младшим сыном Петром, пасынком Яшей и братом Михаила Михайловича Николаем, который умрет в следующем году от тифа, уезжают в «телячьем» вагоне в Смоленскую губернию, на родину Е. П. Смогиной. После отъезда жены и Пети Пришвин остается в Ельце со старшим сыном Львом.

В 1918-1919 гг. Пришвин написал всего два произведения: опубликованный 28 января 1918 в газете «Раннее утро» рассказ «Голубое знамя», перекликающийся с блоковской поэмой «Двенадцать», и пьесу для

чтения «Чертова ступа» (позже – «Базар»), опубликованную в собрании сочинений 1935-1939 гг. На произведения эти ясно повлияла елецкая действительность: герой рассказа Семен Иваныч собрался было ехать на похороны племянницы в *Лебедянь* (хотя и не доехал), а место действия пьесы определено так: «избираем место для нашего действия где-нибудь в черноземной России с бытом терпким, застойным, пусть это будет Елец» [Пришвин, 2004_б, с. 339]. В пьесе Елец характеризуется как город «бывший когда-то сторожевым окраины Московского государства», где «в каменных и как бы приплюснутых, без всякой архитектуры домах, похожих на сундуки царства Ивана Калиты, живут богатые купцы, окруженные цепью полуголодных озлобленных мещанских слобод. В этих слободах рождается дух зависти и злобы» [Там же, с. 339-340].

Жизнь в Ельце во время разгоревшейся гражданской войны была тяжела, хотя у Пришвина была и работа (заведующий библиотекой села Стегаловки, инспектор уездных библиотек, а также учитель географии и русского языка в трудовой школе второй ступени, находящейся в здании гимназии, откуда когда-то был изгнан), и увлечение – краеведение. Последнее заставляет писателя составить план исследования берегов Быстрой Сосны и Дона, он пишет краеведческие статьи, в апреле 1920г. получает здание для музея краеведения. И все это в охваченном тифом и голодом городе! «...Теперь все, решительно все хотят убежать – это шаг вперед, все-таки некоторая активность. Я же думаю, наоборот, закрепляться на месте» [Пришвин, 2007, с. 46], – записывает он в дневнике тогда же. Однако скоро становится ясно, что в городе оставаться небезопасно, и 5 (18) июня 1920 г. Пришвин покидает малую родину – теперь уже навсегда.

Будучи на протяжении всей жизни увлеченным путешественником, Пришвин больше никогда не заглядывает ни в Елец, ни в Хрущево, что используется в качестве аргумента теми, кто считает, будто Пришвин не любил свою малую родину. Елецкий краевед В. П. Горлов, придерживающийся, как и мы, противоположной точки зрения, дал им

эмоциональную отповедь в одной из своих статей: «кому-то из столичных литературоведов было выгодно поддерживать такое мнение. Утверждают, что после пресловутого выселения его из Ельца, писатель ни разу не приехал на родину. Так оно и есть! А к кому было ехать? Все родные умерли, имение разграблено, дом снесен. Но живы еще среди людей воспоминания, что ты из богатых купцов и помещик. А это могло иметь очень неприятные последствия в то суровое время. Не баловали тогда себя визитами в Елец ни Стаховичи, ни Валуйские, ни Заусайловы. А если кто и приезжал, то тайком, прячась от широких людских глаз. Думается, можно понять их поведение. Не отсутствие любви к родному Ельцу было тому причиной, а условия тогдашней жизни» [Горлов, 2003, с. 198].

Уже через два года, в деревне Дубровке Талдомского района Московской области Пришвин начнет писать автобиографический роман «Кашеева цепь», а именно – первую его часть «Курымушка», повествующую о хрущевском детстве писателя. Впервые «Курымушка» (то есть первые три «звена» «Кашеевой цепи») будет опубликован издательством «Новая Москва» уже в 1924 г. Именно из этих глав читатель впервые узнает все подробности детства и юношества Пришвина, рассказанные с большой теплотой и не без доли ностальгического чувства.

По сути, «Кашеева цепь» станет основным и почти единственным документом, подробно рассказывающим о времени, когда Пришвин «вовсе и не помышлял делаться писателем» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 11], как раз во многом и определившем особенности мировосприятия и творчества Пришвина как художника.

Роман при переработке в 1953-54 гг. самим автором напрямую был назван автобиографическим – Пришвин не отрекся от Алпатова, и само слово «автобиографический» встречается почти в каждом из вновь написанных предисловий – однако, оговорки, данные в этих написанных уже незадолго до смерти лирических комментариях, оставляют некий «зазор» между Михаилом Пришвиным и Михаилом Алпатовым. Так, Пришвин

сначала лукаво заявляет, что некоторые из его друзей, «прочитав рассказы о Курымушке, однако совершенно не догадались, что рассказывается в них о каком-то таинственном зайчике, и все приняли как автобиографию и семейную хронику» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 7] и тут же признается, что «...от себя самого не уйдешь». «Вот моя собственная жизнь и с ней те, кого я любил, кого боялся и ненавидел» [Там же], – пишет о романе Пришвин. В предисловии ко второму «звену» писатель, однако, сравнивает правду в романе с самолетом без горючего, а горючим называет вымысел, который помогает правде подняться на воздух. Двойственное ощущение оставляет и дневниковая запись о романе 1923 г.: «оно выходит подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, “фактически”» [Пришвин, 1999, с. 22].

Отъезд из Хрущева в Елец для поступления и обучения в гимназии стал для будущего писателя если не первой утратой родины, то предчувствием этой утраты, случившейся чуть позже в душе Миши Пришвина, когда его мать стала на сторону учителей. «Вот тут началась настоящая утрата, отчаяние, запойное чтение американских романов и первые намеки на возможность убежать в такую страну, где нет латинской грамматики. Чувство утраченной родины и вера в новую жизнь, которую можно найти, открыть, совершенно так же, как открыл Колумб свою Америку, пришло ко мне в девятилетнем возрасте с такой силой, что я в эту неведомую прекрасную страну попробовал даже убежать из гимназии. Вот это первое путешествие и определило всю мою дальнейшую жизнь» [цит. по: Пришвина, 1984₆, с. 39], – вспоминал писатель спустя десятилетия. Как мы знаем, Пришвин искал новую родину всю свою жизнь и находил ее то в Краю непуганых птиц (на Севере), то на Журавлиной родине (в болотах Подмосковья), то в Берендеевом царстве (под Переславлем-Залесским), и, наконец, на Москве-реке, на даче в Дунине.

Елец стал, образно говоря, пограничьем между малой родиной писателя и родиной в широчайшем смысле этого слова. Так было в детстве, так было и в 1920 г. Безусловно, для Пришвина пространство Ельца

отличалось от пространства Хрущева, и это просматривается не только сквозь сюжетные перипетии «Кашеевой цепи», но и сквозь призму антропонимикона. Имена с отчествами и уменьшительно-ласкательные имена сменились гимназистскими кличками, зачастую «звериными»: *Обезьян, Заяц, Козел, Коровья Смерть*. Вымышленную и даже «говорящую» фамилию носит герой, прототипом которого стал Н. Е. Семашко и при создании которого Пришвин даже «поглядывал на Ленина» [Пришвин, 2003, с. 280] – *Ефим Несговоров*. В 1920-30 гг., годы написания романа, умышленная замена фамилий отдельных персонажей на вымышленные объясняется не только художественными целями, но и политической подоплекой, а также (особенно в случае с учителями) этическими рамками – имя безобидного в политическом и этическом плане персонажа *Вильгельмины Шмоль* совпадает с именем старушки, у которой, согласно документам, жил, будучи гимназистом, сам Пришвин.

Топонимия малой родины Пришвина представлена в его художественном творчестве 24 единицами в 93 употреблениях. Литературные топонимы можно разделить на следующие группы: 1) топонимия Хрущёва и округи (к ней мы относим ойконимы *Хрущёво, Красная Пальна, Пальна, Аграмач, Дубовый Дол, Колодези, Талица (Талим)*, а также – условно – вымышленные ойконимы *Кибаявка, Шибаявка, Косычевка*; микропонимы *Поповка, Горелый пенёк, Дубровка*, хоронимы *Соловецкая волость, Елецкий уезд*); 2) топонимия города Ельца (ойконим *Елец*, урбанонимы *Черная слобода, Чернослободская гора, Ямская слобода, Соборная улица, Манежная улица*, а также гидроним *Сосна*); 3) топонимия Лебедянского и Задонского районов Липецкой области (ойконимы *Лебедянь, Задонск*, ороним *Галичья горка*, гидроним *Дон* и – условно – урбаноним *Тяпкина гора*).

Ойконим *Хрущёво* используется в художественных произведениях Пришвина 9 раз: из них 5 раз (в том числе как заголовок одноименной главы) в романе «Кашеева цепь» и 4 раза в книге «Глаза земли» (в миниатюрах «Глубокая почва», «В Дунине», «Перепел»). Именно глава «Хрущёво»

открывала книгу «Кашеева цепь» в самых первых ее редакциях (главы «Веточка малины» и «Зайчик» были размещены перед ней позже). В первых строках этой главы автор дает сухие биографические сведения: «родился я в 1873 году в селе Хрущеве, Соловьевской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии, по старому стилю 23 января...» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 12]; а также коротко описывает село, обозначая его части и определяя разницу социального статуса этих частей: «село Хрущево представляло собой небольшую деревеньку с соломенными крышами и земляными полами. Рядом с деревней, разделенная невысоким валом, была усадьба помещика, рядом с усадьбой – церковь, рядом с церковью – “Поповка”, где жили священник, дьякон и псаломщик. Одна судьба человека, родившегося в Хрущеве, родиться в самой деревне под соломенной крышей, другая – в Поповке и третья – в усадьбе» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 12]. В той же главе Пришвин пишет о владельце деревни: «после семейного раздела Пришвиных Хрущево досталось моему отцу, Михаилу Дмитриевичу Пришвину» [Там же]. Также в главе мы дважды встречаем оттопонимическое прилагательное: *хрущевский дом* и *хрущевский принц*. На этом использование ойконима *Хрущево* в «Кашеевой цепи», написанной в 20-х гг., заканчивается.

В книге «Глаза земли» *Хрущево* во всех случаях используется в связи с ностальгическим чувством, возникающим у писателя при воспоминаниях о детстве. *Хрущево* в контексте книги – это легкий для дыхания воздух («Брожу весь день между липами, и вдруг вспомнилось Хрущево: там был тоже такой легкий для дыхания воздух» [Пришвин, ПСС, т. 7, с. 91]); лучшее на свете место («...мне кажется, будто я вернулся в Хрущево, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете» [Там же]); потерянная родина («После обеда вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось – искал того, что у меня было в детстве, и что я потерял» [Там же, с. 122]); детские воспоминания («Это ведь тот самый [перепел], какой мне в детстве в Хрущеве кричал» [Там же, с. 216]). Интересно, что в миниатюре «Перепел» упоминается (среди прочих, но в

первую очередь) имя Бунина, который провел детство недалеко от имения Пришвиных и тоже учился в Елецкой гимназии.

В опубликованном 23 мая 1910 г. в «Русских ведомостях» очерке «Дружная весна» *Хрущево* скрыто, сокращено до одной буквы: «сколь далече едете? В Х.? Нам по пути, поедемте, составим компанию» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 670]. Замена эта, с одной стороны, выставлена напоказ: *Х.* обозначено в самом начале рассказа, и обозначения этого легко можно было бы избежать; с другой стороны, указание в подзаголовке на источник текста («из деревенского дневника») отчасти оправдывает сокращение дневниковым происхождением.

Сегодня села, где в 1873 г. родился Пришвин, не существует. По официальным данным, оно исчезло в 1987 г., когда было исключено из административных учетных данных, хотя в довоенный период наблюдался даже и рост населения: по сведениям 1932 г., население Хрущева-Левшина составляло 445 человек. Топоним, очевидно, был образован от антропонима – фамилии своего первого владельца Луки Хрущева, основавшего деревню в 1644 г. [Краснова, 2013, с. 304-305]. Изначально Хрущево было единым поселением, позднее часть села перешла к помещику Левшину и стала называться Хрущевом-Левшином, часть – к помещику Ростовцеву, названная Хрущевом-Ростовцевом (Ростовцевы были соседями Пришвиных, и эту фамилию носит в «Кашеевой цепи» возлюбленная Алпатова, прототипом которой стала Варвара Измалкова). Дальнейшая судьба села коротко описана в самом начале автобиографического романа Пришвина: «это маленькое имение, около двухсот десятин, было куплено дедом моим Дмитрием Ивановичем Пришвиным, елецким потомственным почетным гражданином, у дворянина Левшина, кажется, генерала. После семейного раздела Пришвиных Хрущево досталось моему отцу, Михаилу Дмитриевичу Пришвину» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 12].

В творчестве Пришвина можно найти несколько микропонимов, относящихся к пространству Хрущева. Во-первых, это *Поповка* (2), часть

Хрущева, «где жили священник, дьякон и псаломщик» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 12]; этимология названия прозрачна: ойконим образовался от слова «поп». Во-вторых, это *Дубровка* (1), «роща из вековых дубов» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 572], которая в рассказе «Господа умилились» (1906) наполнена, подобно чеховскому вишневному саду, ударами топора и где стоит «дом-вилла», хозяин которой «был самый либеральный из крупных владельцев нашего уезда» [Там же, с. 573], и где Пришвин бывал «лет пять-шесть тому назад» [Там же]. Под хозяином подразумевается, вероятно, М. А. Стахович, видный политический деятель, уроженец Елецкого уезда. В-третьих, это *Горелый пень* (4) – микротопоним, встречающийся в главе «Гусек» автобиографического романа «Кашеева цепь». Глава эта «выросла» из первого опубликованного пришвинского рассказа «Сашок» (детский журнал «Родник», 1906, № 11/12), а промежуточным этапом истории этого текста была его публикация в журнале «Аполлон» (1910, № 3) под заглавием «У горелого пня». В варианте 1906 г. упоминания о «горелом пне» нет вообще, в варианте 1910 г. «горелый пень» еще не стал топонимом и пишется со строчной буквы, а вот в «Кашеевой цепи» *Горелый пень* осознается уже как микротопоним. Он структурирует общее для Гуська и Курымушки пространство природы вокруг себя. Гусек приглашает помещичьего сына «на вечернюю зорю к Горелому пню», и «вечером Курымушка пробирается к Горелому пню» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 25], откуда и начинается увлекательное знакомство мальчика с перепелиной охотой. Так прозаичный горелый пень становится *Горелым пнем*, обретая символический смысл. Не случайно Гусек умирает именно у *Горелого пня*. При этом замечательна деталь: *Горелый пень* Курымушки и Гуська в устах мужика Павла, для которого это место не было волшебным местом, каковым оно стало для Курымушки, после смерти Гуська снова становится простым *горелым пнем*: «сидит в ендове на горелом пне, где вы с ним все, бывало, перепелок ловили, сидит, как живой» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 389].

В «Кашеевой цепи» упоминается село *Красная Пальня́* (2) – отсюда родом жена крестьянина Стефана («– Жена у него Христина? – спросила мать. – Христинья из Красной Пальны, – отвечает Глеб» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 103]). Любопытно, что топоним *Красная Пальня* встречается у И. А. Бунина в рассказе «Захар Воробьев» (1912): «из Осиновых дворов прошел в Красную Пальню, на суд с соседом. Из Пальны сделал верст пятнадцать до города» [Бунин, 2005, с. 183].

Село Красная Пальня возникло в XVII веке. Согласно данным 1880 г., оно было центром волости, имело 62 двора и 433 жителя. Елецкий лингвист Т. В. Краснова пишет об этимологии топонима: «правописание топонима Пальня как *Польня*, зарегистрированное в исторических документах, дает все основания отнести его к апеллятиву «поле». <...> Слово “красная” имеет значение “главная” <...>, т. е. уже существовавшая ко времени образования других и имевшая прочное экономическое значение» [Краснова, 2005, с. 85]. По мнению В. А. Прохорова, «красный» здесь значит «хороший, пригожий» [Прохоров, 1981, с. 74]. Село существовало уже в XVII веке и было известно также под названием Петропавловское – по названию церкви, которую здесь, по легенде, заложил сам Петр I.

В главе «Бой», как может показаться незнакомому с Елецким районом читателю, снова речь заходит об этом селе: в *Пальне* (10) проходит кулачный бой, куда отпрашивается у Марии Ивановны крестьянин Павел («На кулачный бой Павла не пустить невозможно, это как бы и в договор входит, что в Духов день Павел непременно идет в Пальню биться» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 172]); *Пальня* – это собирательное название всех пришедших на бой мужиков («– Пальня бежит!» [Там же, с. 177]). *Красная Пальня* и *Пальня*, однако, являются разными населенными пунктами. Село Красная Пальня находится в 15 километрах к северу от Хрущево, а вот села, которые сегодня носят названия Пальня-Михайловка и Аргамач-Пальня, находятся в 3,5 км на запад и в 8 км на юг от Хрущева соответственно. Расположенные по соседству друг с другом, именно эти села могли устраивать между собой

кулачные бои, на один из которых ходил смотреть вместе с крестьянином Павлом Миша Алпатов; Красная Пальна же находится от Хрущева намного дальше.

Известное с конца XVIII века село *Пальна́-Михайловка* в XIX веке было во владении культурных деятелей и крупных землевладельцев Стаховичей. «В селе в разное время, бывали художники И. Е. Репин и Н. Н. Ге, режиссер К. С. Станиславский» [Прохоров, 1981, с. 107], а также, по неподтвержденным данным, А. С. Пушкин.

Название *Аграмач* (5) также в 4 из 5 случаев используется в «Кашеевой цепи» в качестве собирательного обозначения бойцов, вышедших из этого села драться на кулаках с *Пальной*: «а это у нас от сотворения Руси Пальна билась с Аграмачем» [Пришвин, ПСС, с. 174], «тень от Пальны закрыла весь Аграмач» [Там же, с. 176] и др. *Аграмач* – один из разговорных вариантов названия современного села Аргамач-Пальна́. В 1866 г. село официально именовалось Аргамачая Пальна, о чем свидетельствует запись № 1586 в списке населенных мест Орловской губернии по данным 1866 г. [Список населенных мест Орловской губернии, с. 76]. «Название произошло от возвышенности Аргамач и речки Пальны. <...> Гора Аргамач упоминается в отписке елецкого воеводы И. Мясного 1593 г. <...> Строительство башни, а затем и острога, и послужило толчком к возникновению здесь населенного пункта. Происхождение названия горы неясно. Возможно, что это перенесение названия горы в Ельце (в документах, – Аргомачья, Агромачья, Громачья)» [Прохоров, 1981, с. 22]. О происхождении названия горы Т. В. Краснова пишет: «Название Аргамача елецким преданием связывается с событиями нашествия Тамерлана и этимологически восходит к тюркскому слову “конь”» [Краснова, 2005, с. 120].

В рассказе «Косыч» Пришвин упоминает названия деревень *Кибаяевка* (1) и *Шибаяевка* (1): «В окна были видны, как и в те времена, те же неизменные временем деревни Кибаяевка и Шибаяевка» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 611]. В письме 20 мая 1916 г., жалуясь на малоземельность Елецкого уезда,

Пришвин пишет: «в Соловьевской волости мой хутор находится между двумя деревнями, самыми малоземельными. Обе деревни, *Шибаяевка* и *Кибаяевка*, находятся между собой в вековой вражде: Шибай барские, Кибай государственные. <...> На этой вражде Кибаяев и Шибаяев вот уже лет пятьдесят держалось некоторое благополучие хозяйства моей матушки» [Пришвин, 1991, с. 289]. Ни на одной карте деревень с такими названиям рядом с Хрущевом не найти. Возможно, под *Шибаяевкой* Пришвин подразумевает барскую деревню Ивановку, находящуюся к юго-востоку от Хрущева, а под *Кибаяевкой* – Морево, казенную деревню, расположенную к северо-востоку от родного села писателя. Если топоним *Шибаяевка* прецедентен (деревня с таким названием есть в Сухиничском районе Калужской области), и его этимология относительно прозрачна (*шибай* – это скупщик, торговец [Фасмер, 2008, т. 4, с. 435]), то топоним *Кибаяевка*, скорее всего, придуман Пришвиным в качестве пары *Шибаяевке* и основан на созвучии. Биограф Пришвина А. Н. Варламов отмечает, что *Кибаяевка* и *Шибаяевка* – это «не настоящие названия, а прозвища деревень, вернее, их жителей» [Варламов, 2003_б, с. 157], не углубляясь, однако, в этимологию.

В рассказе «Адам», впервые опубликованном 12 мая 1918 г. в газете «Жизнь» и позже вошедшем в сборник «Слепая Голгофа», действие происходит в селе под названием *Колодези* (4), где крестьяне, выгнав бывшего хозяина, разоряют помещичью усадьбу. Ошибочно считать, что под *Колодезями* подразумевается *Хрущево*. Конечно, Пришвин, знакомый с историями других помещиков, предчувствует свое скорое «выдворение» из имения и его разрушение – «выдворительная» придет через пять месяцев после публикации этого рассказа – 6 октября. Описанная в рассказе история, однако, имеет, прежде всего, отношение к помещикам Красовским, имение которых находилось в деревне, расположенной в 3,5 км на северо-восток от Хрущева. Сейчас эта деревня называется *Колодезская*, однако в разные годы и в разных документах деревня имела и другие варианты названия: так, в списке населенных мест Орловской губернии по сведениям 1866 г. она

называется *Колодезьки* (запись № 1558), в документах начала XX века из частного архива В. А. Заусайлова – *Колодезская* и *Колодецкая*. Из документов названного архива следует также, что деревней владели именно помещики Красовские. Пришвин бывал здесь в 1916 г., о чем свидетельствует дневниковая запись от 11 апреля: «где-то за зеленой [кроной] виднеется красная крыша. Кто это? Имение Красовского. А тут Колодези» [Пришвин, 2007, с. 375]. Вероятно, в живой речи использовался именно этот вариант топонима. *Колодези* появляются также в рассказах, написанных в те же годы, но не вошедших в позднейшее собрание сочинений – «Обыск» и «Зеленые яблоки». Во всех трех рассказах *Колодези* так или иначе подвергаются крестьянскому разграблению.

Этимология топонима *Колодези* проста: колодезями еще в XVI-XVII вв. называли обыкновенные родники [Прохоров, 1977, с. 42] – топонимы, образовавшиеся от этого слова, достаточно распространены в русском подстепье – в одном только Елецком узде в списке населенных мест Орловской губернии по сведениям 1866 г. можно найти ойконимы *Колодезь*, *Колодезьки*, *Колодези*, *Колодезная*.

Ойконимы *Тальцы* (2) и *Талим* (1), упомянутые в разговоре Алпатова с Крыскиным, становятся практически единственными маркерами елецкого хронотопа повести «Мирская чаша», в которой Пришвин будто бы избегал использования названий, указующих на конкретное место действия. Крыскин, однако, рассказывает, что его дочка, учительница, «читала, что, где теперь станция Тальцы, раньше был город Талим, в этом городе были стены и башни, через эту местность проходило много всяких народов...» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 531]. Пришвин видоизменил название реальной деревни *Талица*, находящейся всего в 20 км к северо-востоку от Ельца и действительно являющейся станцией. Известно также, что жители села, называвшегося когда-то *Тальцем*, «привыкли и свое село считать бывшим городом “Талимом”, вероятно, потому, что оно когда-то носило название “Талицкий Острожек”, который существовал около 200 лет» [Село Талец, URL].

Дневниковая запись Пришвина за 20 января 1919 г. содержит черновик этого эпизода, и в нем используется неискаженное название села: «читал я в какой-то книге, а может быть, это мне снилось, будто вот где теперь станция Талица, раньше был город Талим, в том городе были стены и башни...» [Пришвин, 1994, с. 228] и т. д.

Ойконим *Косычевка* (1), встречающийся в рассказе «Адам» является вымышленным и образован от антропонима *Косыч*. *Косыч* и *Косычи* являются героями двух рассказов Пришвина – «Косыч» (1916) и «Адам» (1918). В первом из них писатель рисует «великолепный портрет кулака – тучного, самодовольного, наживающегося на беде народа и чужой нужде» [Хмельницкая, 1959, с. 99], «хищника-барышника» [Горелов, 1978, с. 93], во втором – семьи с теми же моральными «устоями»: *Косычи* из соседней деревни *Косычевки* окончательно растаскивают барскую усадьбу в *Колодезях*. *Косычи* – это сатирические герои, живущие не по истинной правде, а по правде искаженной, *косой*.

Рассмотренные топонимы можно условно отнести к хрущевскому пласту топонимического пространства творчества Пришвина, который включает в себя 11 единиц в 41 употреблении, что составляет 0,88% от общего количества топонимических единиц, использованных в художественных произведениях писателя, и 0,64% – от количества их употреблений. Несмотря на малочисленность и малоупотребительность, данные топонимы играют важную роль: они выстраивают реальный хронотоп детства писателя, что особенно актуально для жанра автобиографического романа, а также определяют хронотоп поздних миниатюр Пришвина о его малой родине, реализуя коннотативные значения счастливого детства и утраченного дома. 8 из 11 топонимов пласта – реальные топонимы, включенные в художественный контекст, что соответствует преобладающему в реалистическом творчестве Пришвина принципу автобиографизма. Наличие в хрущевском пласте двух вымышленных топонимов

свидетельствует о высоком смыслообразующем потенциале пришвинского имятворчества.

Ойконим *Елец* (34) является самым используемым Пришвиным топонимом, относящимся к малой родине. В 24 из 34 случаев *Елец* упоминается в автобиографическом романе «Кашеева цепь». Выразительнее всего ойконим выступает в «немецких» главах романа. Во-первых, по приезде в Германию Алпатова удивляет офицер, который знает, где находится город Елец («Елец – это вблизи губернского города Орэль?») [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 264], – спрашивает он). Во-вторых, топоним очень выразителен в сцене торжественного приема новых студентов на философское отделение. Алпатову показалось, что «Елец» никак не сочетается с латинскими словами в речи ректора, намекающими на средневековую традицию («и вдруг в такой обстановке такие слова: *из Ельца!*») [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 319]), что, несмотря на схожесть с европейскими студентами, «из-за этого Ельца представляется, что он не такой, как другие, что на него все смотрят с особенным вниманием и думают: «вот они какие в Ельце» [Там же]; когда же ректор вручал Алпатову пергамент, тому показалось, что «ректор спросил: “Неужели же вы из Ельца?” – и что глаза ректора насмешливо уменьшились, и что сейчас последует вопрос: “Как же это вы добрались сюда из Ельца?”». В этом эпизоде ярко дана иллюстрация юношеского отношения Пришвина к своей родине и того, почему топонимия малой родины появилась в литературных и публицистических трудах Пришвина не сразу.

В контексте разговора Несговорова и Алпатова в Дрезденской галерее *Елец* также противопоставляется *Дрездену* и дополняет его, как Сикстинская Мадонна дополняет жнею, «живущую в грязи под Ельцом» [Пришвин, ПСС, т. 2, с.390].

Елец в «Кашеевой цепи» в разных частях романа и в разных контекстах формирует несколько хронотопов: во-первых, это *Елец* Курымушки, то есть периода обучения Алпатова в гимназии, во-вторых, это *Елец* Алпатова – туда он попадает после разных периодов своего дальнейшего обучения; в-третьих,

это *Елец* «автора» – Елец 1917-1920 гг., центральным событиям этого *елецкого* периода можно назвать нашествие Мамонтова. Кроме того, существует *Елец* предков Алпатова – елецких купцов. В «Кашеевой цепи» *Елец* служит объединяющим топонимом. Более того, Пришвин неоднократно называет *Елец* своим родным городом.

Елец появляется и в более поздних произведениях Пришвина, но всегда – в автобиографическом контексте. В автобиографическом рассказе «Охота за счастьем» Пришвин пишет о своем первом ружье, которое он взял «в руки, будучи учеником первого класса Елецкой гимназии» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 12], а также, как и в одной из поздних глав «Кашеевой цепи», в работе «Мои тетрадки» пишет о набеге Мамонтова: «полководец опустошил город Елец своими казаками и киргизами, как в старые времена он не раз был опустошаем татарами» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 21]. О Ельце Пришвин писал в рассказах «Загадка» и «Печальный черт», в миниатюре «Недоступность».

Существует не одна версия происхождения имени *Елец*. По мнению Т. В. Красновой, осуществившей многостороннее исследование, топоним *Елец*, образованный на территории Чернигова в 1060-х от существительного «ель» как *Éлец*, был перенесен в бассейн Быстрой Сосны в 1081-1082 гг. во время похода Владимира Мономаха на вятичей [Краснова, 2004, с. 28-29].

Елецкая урбанонимия представлена в «Кашеевой цепи» именами двух слобод, *Черной* и *Ямской*, и тремя названиями улиц: *Чернослободская гора*, *Манежная*, *Соборная*.

Топонимы *Черная слобода* (1) и *Чернослободская гора* (3) связаны с расположенным в северной части современного города Ельца районом *Черная слобода*, бывшим некогда обширным городским предместьем, через которое проходила дорога на Москву. Происхождение топонима связывается с тем, что слобода эта была населена «податными» – мещанами и крестьянами всех видов [Краснова, 2004, с. 69]. *Чернослободская гора* в «Кашеевой цепи» становится неким пограничьем между оставляющим Курымушку пространством Хрущева и пространством гимназического Ельца.

Впервые приезжая в Елец, Курымушка в повозке спускается по *Чернослободской горе*: «в Черной слободе все подводы будто провалились: это они спустились тихо под крутую гору до Сергия» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 58], а потом дважды из окон своего нового дома провожает глазами уезжающую в Хрущево мать, которая по дороге в имение по *Чернослободской горе* поднимается. Первый раз в день, когда он впервые остается один в Ельце («Из окна своей комнаты у доброй немки Вильгельмины Шмоль Курымушка видел, как гнедой Сокол долго поднимал мать на Чернослободскую гору и у кладбищенской березовой рощи, где выходит непременно старичок с колокольчиком, мать скрылась» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 61]) и думает о том, что мама никогда не вернется прежней; второй раз – когда его предчувствия сбылись и мать, расстроенная неудовлетворительной учебной сына, уехала («Сразу она стала будто чужая, так и уехала будто чужая. Сухими глазами провожал ее из окна Курымушка на Чернослободскую гору, предчувствие тогда не обмануло его, маму он теперь совсем потерял» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 65]). Так реальный елецкий топоним и реальное место обретают в романе символический смысл. Согласно архивным данным, гимназист Пришвин проживал в доме на Успенской улице, где располагалась аптека Люйтена – ныне адрес этого дома таков: улица Советская, дом 133; отсюда и сейчас открывается именно такой вид на Чернослободскую гору, как описал его Пришвин.

Ямская слобода (2) связана с домом Ефима Несговорова, прототипом которого стал друг Пришвина Н. Е. Семашко. Дом Ефима расположен «в Ямской слободе, на берегу реки» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 194]. Из текста «Кашеевой цепи» ясно, что *Ямская слобода* была не самым благополучным и не самым уютным местом. Ефим так говорит о *Ямской слободе*: «я не уверен, что сейчас в нас не полетит камень. Они называются мещане, но по существу своему это люмпен-пролетариат. Тут в каждой лачуге злоба шипит. У нас тут всего только два-три человека сознательных <...> ...у нас тут, в Ямской слободе, мало коров, хорошо еще, если кто козу имеет, да и ту мальчишки

камнями забивают, тут, я тебе скажу, такая музыка...» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 196-197]. В Ямской слободе легко заблудиться: «где был этот дом, деревянный, покошенный и в два этажа, он никак не мог вспомнить, а путаница переулков все увеличивалась. Это была каша лачуг, серых заборов, завалинок, лавочек, а иногда вдруг ни с того ни с сего, как видение, показывалась и радовала цветущая яблоня» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 194], именно в эти места помещает Пришвин героиню одноименной пьесы для чтения, написанной за несколько лет до начала работы над «Кашеевой цепью», *Чертову Ступу*, кашель которой слышит за забором Алпатов.

Урбаноним *Соборная улица* появляется в «Кашеевой цепи» не как топоним, а как апеллятив – то есть улица с соборами. Между тем, улица *Соборная* (ныне *Октябрьская*) существовала в Ельце и соответствовала именно той «соборной улице», на которой стоял дом тетушки Калисы Никаноровны, где шел разговор о поступлении Курымушки в гимназию.

После изгнания из Хрущева в 1918 г. Пришвин несколько раз менял свой елецкий адрес, жил он и в доме на Соборной улице, топоним этот он упоминает в очерке «Мои тетрадки»: «весь этот разговор был на Манежной улице, а тетрадки мои хранились на Соборной, и эти тетрадки и навели меня на удачный ответ. <...> Казаки повременили, а я, схватив тетрадки на Соборной улице, пустился наутек и пробыл в засаде, пока им стало не до меня» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 260].

Манежная улица (3), называемая теперь *улицей Ленина*, упоминается Пришвиным в трех рассказах: «Мои тетрадки», «Загадка» и «Печальный черт». Цитата из первого приведена в предыдущем абзаце: на *Манежной* Пришвин разговаривал с пожелавшими спасти его казаками во время нашествия Мамонтова. В «Загадке» Пришвин говорит о доме братьев Горшковых (родственников по линии бабушки со стороны отца), который находился на *Манежной улице*, прибавляя: «не знаю, как она теперь называется» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 292]. В рассказе «Печальный черт» Пришвин описывает впечатление гимназических лет – учитель физики

показывал из чердачного окошка мужской гимназии «электрическое солнце», и тогда «все глаза несметной толпы со стороны Манежной улицы были устремлены в это отверстие» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 411]. Гимназия действительно находилась между улицами Успенской (Советской) и Манежной (Ленина), но парадный вход был именно с улицы Манежной [Климова, 1994, с. 174].

В елецкий текст произведений Пришвина также вписан гидроним **Быстрая Сосна** (5), имя реки, протекающей в Ельце. Оно связано с одним из знаковых эпизодов «Кашеевой цепи» и жизни Пришвина – «побегом» гимназистов в Азию. Маршрут, проложенный Курымушкой в Азию, повторяется в книге с небольшими изменениями трижды: «по реке быстрой Сосне в [тихий] Дон, [из Дона – в Азовское море,] в Черное море, [и потом уже и начнется / а там прямо и будет] Малая Азия» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 69, 71, 75]. Интересно, что адъективная часть гидронима (*Быстрая*), становится у Пришвина эпитетом и, таким образом, противопоставляется другому эпитету (*тихий*), характеризующему Дон. Исследователями отмечается, что в древних документах употребляется как гидроним *Быстрая Сосна*, так и гидроним *Сосна* [Взгляд на имя реки елецкой, URL]. Определено и место, откуда гимназисты начали свое вскоре прерванное путешествие: устье реки Ельчик, впадающей в границах города в реку Быстрая Сосна [Курбатов, 1986, с. 111].

Другой гидроним, **Дон** (6), имя известной всему миру реки, протекавшей в границах Елецкого узда и протекающей сегодня в границах Елецкого района, в 23 км от Хрущева и в 28 км от Ельца, используется Пришвиным не только в «Кашеевой цепи», но и в двух дореволюционных произведениях. Гидроним *Дон* открывает не имеющую, казалось бы, никакого отношения к подтепью повесть «У стен града невидимого» – именно этот топоним становится здесь индикатором родины писателя. «Дон пошел» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 388], – пишет автор в экспозиции к повести и уже в следующем предложении противопоставляет родному *Дону*

«неизвестный [ему] заволжский край». Гидроним *Дон* в данном контексте представляет собой свернутое до топонима выражение позиции автора к будущим впечатлениям, позиционирует заволжский край как новый, неизвестный и чужой автору-рассказчику.

В тех же целях гидроним *Дон* используется в рассказе «Дружная весна»: будучи первым словом рассказа, гидроним обозначает примерное (принимая во внимание сокращение ойконима *Хрущево* до *Х.* в этом рассказе можно предположить, что место действия должно быть именно примерное: черноземная область у Дона) место действия.

Город *Лебедянь* находится в 60 км от Ельца и до упразднения дореволюционного административного деления принадлежал Тамбовской губернии. Однако, на наш взгляд, он также относится к топонимическому пространству малой родины писателя. В Лебедяни Пришвин бывал неоднократно, о чем свидетельствуют дневниковые записи. Об этом городе у писателя сложилось в основном негативное впечатление – показательны записи 1909 г.: «Лебедянь... Страшная грязь... И такой мир... Так невинно стоит острог на берегу Дона между двумя деревнями... Ведьмины ветки на березах и [стаи] грачей... Тяпкина гора... Попик так, словно [плышет], по той стороне из оврага в овраг, из лога в лог, между маленькими домиками, мимо усадьбы, разрушенной теперь, и синей сапожной вывеской, мимо женщины на пороге в калошах и с папироской в зубах... На заборе разбитый горшок и чулок... выше и выше попик... Сколько мещанства в этом маленьком городке!» [Пришвин, 2007, с. 323], «...подлец на подлече (к Лебедяни)» [Там же, с. 332]. *Лебедянь* включена в топонимическое пространство некоторых произведений Пришвина. *Лебедянь* появляется в рассказе о Гришке Отрезкове в главе «Кашеевой цепи» «Любовь по воздуху» («Вскоре Муза вышла за дьякона Фортификантова в Лебедянь. <...> Все эти письма, обежав Лебедянь, возвращались к соборному протопопу и у нас в городе переходили из рук в руки» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 426]). В *Лебедянь* собирался на похороны племянницы Семен Иваныч, герой рассказа «Голубое знамя»;

Лебедянь здесь имплицитно противопоставлена *Петербургу*: «на узловой станции, где одни поезда идут в направлении Петербурга, другие в Лебедянь» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 631] Семен Иванович меняет свое решение и вместо *Лебедяни* отправляется в *Петербург*. Пара диаметрально противоположных городов *Лебедянь–Петербург* реализуется и в рассказе 1914 г. «Желтый город», не попавшем в последнее изданное собрание сочинений Пришвина. Здесь товарищ рассказчика, «чиновник Министерства народного просвещения», собирается купить «идиллический домик в деревянном Петербурге, будто бы похожем на Лебедянь» [Пришвин, 2004_б, с. 458]. В рассказе проскальзывает сформировавшееся отрицательное отношение писателя к этому городу: «...душу свою он сравнивал с душой Лебедяни, как у Роденбаха сравнивается это в “Мертвом Брюгге”. С трудом выносил я эти признания: во-первых, душу героя сопоставлять с городом в России невозможно, просто нет этого у нас, а потом какая же в Лебедяни душа?» [Пришвин, 2004_б, с. 458].

С Лебедяню связывают иногда топоним произведения «Крутоярский зверь» – в тексте рассказа встречается микротопоним *Тяпкина гора* (3) – такое же название носит главная достопримечательность Лебедяни. «В пространственном образе рассказа содержится почти точная топографическая зарисовка: отчетливо вырисовывается Лебедянь с ее знаменитой Тяпкиной горой, с которой связано множество местных легенд и сказаний, хорошо известных Пришвину» [Борисова, 2012, с. 10]. Наша точка зрения на этот счет изложена в параграфе «Вымышленные топонимические системы в художественных текстах Пришвина (на примере “Старых рассказов”»).

В одном из диалогов Алпатов и Несговорцов говорят о некоем рыжем мужике, который спрыгнул с колокольни в *Задонске* (1). Это единственное упоминание города *Задонска* в художественных текстах Пришвина, хотя Пришвин в Задонске бывал неоднократно – ездил туда с матерью и сестрой. Рассказанный в «Кашеевой цепи» случай подробнее описан в

опубликованном 27 октября 1917 г. в «Воле народа» дневниковом отрывке под заглавием «Чающие и обещающие»: «был тоже за Волгой один такой ложный пророк, забыл я, как зовут его, но лицо смутно помню, так, рыжий человек. Лет тридцать он сидел у церкви, исцелял болезни, кто веровал в него, а если исцеление не выходило, то он обещал:

– Вот скоро вознесусь, тогда исцелишься.

Из года в год обещал и собрал множество чающих и, между прочим, нажил денег тысяч сорок, говорят. Однажды чающие в огромном числе собрались и потребовали исполнения обещания.

– Вознесись! – говорили чающие.

– Ну, что ж, вознесусь, – ответил обещающий.

И полез на колокольню.

Бросился вниз и разбил себе руки и ноги.

Было это еще и в Задонском монастыре, в Воронежской губернии, такой же случай был еще в губернии Тамбовской, но в каком месте не упомяну» [Пришвин, 2004_б, с. 103]. Как мы видим из приведенного отрывка, «рыжий человек» из Заволжья перенесен в *Задонск*, где, впрочем, случалась подобная история. В «Кашеевой цепи» использован именно *Задонск*, чтобы вписать этот случай в хронотоп общей для Алпатова (Пришвина) и Несговорова (Семашко) родины и противопоставить его хронотопу европейскому. Алпатов подчеркивает: «у нас, в Задонске...» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 309].

К периферии малой родины Пришвина мы отнесем также топоним ***Галичья Горка*** (1), являющийся незначительно измененным вариантом топонима *Галичья Гора*. *Галичья Горка* – это еще один, пусть и эпизодический, аналог той Азии, куда Курымушка хотел сбежать в детстве. «Сбежать» на Галичью Горку предлагает Алпатову его бывший одноклассник Жуков, прототипом которого стал елецкий народник Н. М. Гусленников [Липеровская, 1964, с. 60]: «вот мальчиком ты хотел убежать в Азию открывать забытые страны, тебе бы надо было всего

несколько верст проехать на Галичью Горку, и если бы у тебя были знания, ты мог бы открыть на ней альпийскую растительность» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 191]. Здесь же мы находим рефреном повторяющуюся в творчестве Пришвина поздних лет идею, касавшуюся, правда, не только Елецкого края, но и Подмосковья: «Наш край – совершенно неизвестная страна. Новая Гвинея больше исследована, чем наш уезд» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 191]. *Галичья Гора* названа по имеющейся на склонах горы гальке [Прохоров, 1981, с. 44].

В завершение главы упомянем факт, красноречиво говорящий о трепетном отношении Пришвина к малой родине: в последнем доме Пришвина, в Дунине, висела картина пера М. Г. Игнатовой, двоюродной сестры писателя, изображавшая вид с веранды хрущевского дома. Последняя весна писателя была озарена, в том числе благодаря этой картине, светлыми воспоминаниями из детства. Чтобы показать всю парадоксальность отношения Пришвина к малой родине, приведем достаточно объемную цитату из дневника: «лежу и днями смотрю на картинку Хрущева, и все не нагляжусь, и кажется, так много в ней чего-то, и мое духовное питание этой картинкой никогда не кончится. Когда же опомнишься и подумаешь: “Что же такое дорогое представлено в этой картинке?”, то ясно видишь: да ничего! грязный пруд, на месте которого теперь, говорят, капуста растет, два кирпичных столба от ворот, тощая акация, даль черноземная в полях и оврагах. И ничего, ничего для постороннего глаза: совершенное ничто, и в нем где-то потерянная и забытая могила русского нигилиста Базарова. Для себя же неисчерпаемое богатство, и каждую минуту все новое: вот сейчас вижу на ограде возле столбика маленького, тонкого, гибкого, изящного зверька, я никогда не видал такого существа, я не знаю, как он называется, для чего живет, чем в жизни своей занимается, для чего он сейчас появился и откуда взялся. А может быть, мне это кажется только и он не живой? Так одно мгновенье – и он тоже с тем же глядит на меня.

Я, маленький, стою изумленный против него, и он мгновение сидит растерянный против меня. Вот это мгновение остановилось, и я вижу его теперь через 70 лет! и теперь даже знаю, что зверек этот – горноста́й. И таких мгновений, остановленных в картине моего детства, нет конца» [Пришвин, ПСС, т. 8, с. 636-637]. Пришвин, изъездивший всю Россию и побывавший в Европе, написал в миниатюре «Человек», что «чувство родины не есть только любовь к месту своего рождения, но содержит в себе устремление вдаль», и добавил при этом: «но всякое и самое отдаленное путешествие кончается тем, что человек возвращается на свою родину (домой) и обогащает и расширяет ее своими находками» [Пришвин, ПСС, т. 7, с. 299-300].

Приведенные в главе данные, основанные на анализе контекстов употребления топонимов, связанных с родными для Пришвина местами, подтверждают особое отношение Пришвина к пространству своей малой родины – селу Хрущеву, городу Ельцу и его окрестностям – и их особую роль в создании автобиографических текстов.

ГЛАВА IV. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. М. ПРИШВИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОБИОГРАФИЗМА ЕГО ТВОРЧЕСТВА

4.1. МОСКВА, ПЕТЕРБУРГ И РОССИЯ КАК САМЫЕ ЧАСТОТНЫЕ ТОПОНИМЫ ТВОРЧЕСТВА М. М. ПРИШВИНА

Ядерными топонимами пришвинского художественного творчества являются, как самые частотные, *Москва*, *Петербург* и *Россия*. Эти топонимы, в отличие от также входящих в «десятку» самых частотных, но использованных лишь в отдельных произведениях, топонимов *Пинега*, *Выгозеро*, *Северная Двина* и других, обнаруживаются в произведениях разных лет и разных жанров, и потому их коннотативное содержание осмысливается как самое богатое в творчестве Пришвина. Кроме того, эти топонимы можно назвать ключевыми для русской культуры вообще.

Опыт начатого В. Н. Топоровым изучения пространственных сверхтекстов показывает, что основными такими текстами русской культуры являются именно Петербургский [Топоров, 2003] и Московский тексты, «в которых получают воплощение культурные коды двух духовных центров России и которые, развиваясь на протяжении двух столетий, сохраняют свои ведущие темы и мотивы, свои типы героев и языковые особенности» [Андрюкова, 2013, с. 3].

Все три топонима, безусловно, очень часто выполняют в текстах адресную функцию, но ряд словоупотреблений обнаруживает аккумуляцию авторских коннотативных значений, которые, в ряде случаев совпадают с общеязыковыми коннотациями, а в ряде случаев являются сугубо авторскими.

Так, ойконим *Москва* (278) связан у Пришвина со следующими значениями.

Москва – это *цивилизация*. В ряде случаев топоним *Москва* употреблен Пришвиным для усиления контраста в оппозиции «столица – глушь».

Девственная природа, непроходимые леса и болота, а также другие признаки русской глуши подчеркиваются контрастирующим с описаниями топонимом *Москва*. Пришвин так говорит о подмосковных болотах в книге очерков «Башмаки»: «это все находилось так близко от Москвы и в то же время так далеко от цивилизации, будто побывал на каком-нибудь отдаленнейшем островке Тихого океана» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 460]. В тексте «Мох» он пишет о Туголянских озерах: «без особенного умения рассказывать, писать и фотографировать трудно было бы кого-нибудь убедить, что почти под Москвою дремлют такие места, но Туголянские озера все превзошли: такое можно сравнить только с Карелией» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 504] и в «Журавлиной родине» о них же: «что-то близкое почудилось мне тут, на диком острове почти под Москвой» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 95]. Ойконим *Москва* используется для того, чтобы показать прогресс советского звероводства в рассказе «Звери-кормилицы»: «теперь уже и под Москвой, на Пушкинской зооферме, соболи растут и размножаются сотнями» [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 396]. «В наше время, да еще под самой Москвой, стыдно жить с такими, гоголевских времен, мостиками, граждане!» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 353], – восклицает с намеком на маниловский мост Н. В. Гоголя автор-рассказчик в рассказе «Москворецкий мост», топонимом *Москва* подчеркивая недопустимость такой необустроенности вблизи с цивилизованной столицей. Не вывезенные и потому гниющие под открытым небом штабеля леса особенно впечатляют по той причине, что находятся «почти под самой Москвой» [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 595].

Активно используется ойконим *Москва* в контекстах, связанных с государственной властью и государственной инициативой.

В *Москве* автор-рассказчик «Журавлиной родины» «выпросил у Луначарского мандат на собирание фольклора», там же ему «сослужил великую службу мой старый товарищ... Н. А. Семашко» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 22-23], который, как известно, с 1918 по 1930 гг. был наркомом здравоохранения РСФСР, то есть принадлежал к власти имущим. Из *Москвы*

приходит инициатива сделать озера Журавлиной родины заповедником [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 141], из *Москвы* приезжает «страшная бригада» для расследования прорыва в питомнике лисиц [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 545], и, наконец, в *Москву*, к Калинин, уговаривает отправиться Веселкин полесника Мануйло, чтобы решить вопрос о вхождении его в колхоз со своим путиком.

Москва – это город, где можно найти все, в том числе и разные *диковинки*: дамские голубые гетры [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 475], большой английский портновский магазин [Там же, с. 135], необычных маленьких собачек [Там же, т. 4, с. 378]. В *Москву* везли «показывать» найденные лосиные орешки [Там же, т. 3, с. 306], в *Москве*, по слухам, «в бани непременно по звону» ходят [Там же, т. 3, с. 226]. Вернувшийся из *Москвы* Мануйло говорит детям о *Москве*, как о невероятном чуде: «Москва ни на что не похожа... Большой дом и много окон: десять, двадцать, может, сто. А над этим большим домом построен другой большой дом, и тоже все окна и окна: не пересчитать. Над этим вторым домом сверху третий такой же, и опять все окна и окна, и опять вверх. Есть дома в двадцать домов и вверх» [Там же, т. 6, с. 282].

В *Москву* у Пришвина одни едут продавать карасей и удивительную Клавдофору, другие стоят в очереди в Третьяковку, третьи – ездят «по большим делам», как герой повести «Жень-шень», то есть *Москва* осознается в ряде контекстов как город *торговли, культуры и деловых отношений*.

Некоторые перечисленные коннотации, очевидно, опираются на личный опыт писателя. Москва для Пришвина вплоть до 1937 г., когда он смог там жить постоянно, действительно была местом, куда он отправлялся после подмосковной лесной охоты на охоту за гонораром. Как свидетельствуют дневники, на московскую «литературную жизнь он цинично смотрел как на дойную корову или – этот образ был бы ему ближе – охотничье угодье» [Варламов, 2003_б, с. 237]. Именно в *Москве* он попадал в высшие круги государственной власти – и к своему другу Н. Е. Семашко, и к

самому Калинин. В советской Москве лечили его и его сыновей, в Москве решали его судьбу функционеры – в том числе функционеры от литературы.

Интересно проследить за тем, как менялось отношение Пришвина к Москве с годами. Для Алпатова в «Кашеевой цепи», написанной в начале 1920-х, *Москва* – грязный город, наполненный нагловатым народом. В одном из разговоров с Инной Алпатов сравнивает грязный Париж с грязной Москвой («В Париже почти такая же славная грязь, как в Москве» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 369]), а приехав в Москву, видит на стекле магазина Елисеева (яркий маркер пространства Москвы!) прошлогоднюю пыль и решает поскорее отправиться в Петербург. Не удивительно – ведь на момент написания основного текста повести Пришвин успел побывать постоянным жителем Петербурга, в Москве же он на тот момент жил короткими периодами. При этом новая столица новой страны не раз осмысливается Пришвиным в нехарактерном для картины мира 1920-х и восприятия Алпатова ключе – а именно, как «наша Москва»: «лошадей на улицах было тогда в Берлине, пожалуй, побольше, чем сколько до сих пор еще их сохранилось у нас в Москве» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 262]; «в наших московских газетах...» [Там же, с. 264]; «совершенно так же, как у нас в Москве Садовая улица» [Там же, с. 277]. Позже, в повести «Жень-шень», герой Пришвина также назовет свой родиной именно Москву [Там же, с. 9]. Говоря о Москве советской на Всесоюзном совещании молодых писателей, Пришвин также упоминает о грязи, но в положительном ключе: теперь «грязь убирается в Москве далеко до прихода света, и он теперь не гаснет в грязи, а бросается к людям и будит сердца» [Там же, т. 5, с. 443].

Авторская картина мира содержит еще одно определение *Москвы*: это город *птиц*. Пришвин об этом пишет и в «Календаре природы» («нет такого города в мире, где было бы на улицах столько птиц» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 217]), и в «Неодетой весне» («над Москвой носится огромное множество стрижей, и [Ариша] спрашивала нас, где они все могут жить, и тоже спрашивала, куда это каждый вечер летит возле нас такое множество галок»

[Пришвин, ПСС, т. 4, с. 238]), и в статье «Охрана природы» вспоминает об этом: «Москва, это и я еще помню, и об этом я еще когда-то писал, была воистину городом певчих птиц» [Там же, т. 5, с. 426]. Эти произведения написаны были уже тогда, когда Пришвин бывал в Москве часто, и, вероятно, успел принять ее. Симпатия к Москве оказалась достаточно сильной, и он даже «подарил» Москве драгоценную весну света (в рассказе «Весна света», а также миниатюре «Охота на Большой Ордынке»), которую узнал в 1905 г. все-таки в Петербурге, «городе света».

Вписанная в историю России *Москва* известна, в отличие от большей части пришвинских топонимов, каждому и потому способна указывать не только на пространственный компонент хронотопа, но и на временной.

Так, во фразе: «в этом году отойдет мужикам какая-то большая земля, которую француз под Москвой оставил» [Там же, т. 1, с. 772] – ясно читается отсылка к 1812 г., а фраза: «однажды в Москве был свидетелем студенческого бунта, как нагайками загоняли казаки студентов и курсисток в манеж, и тут было бог знает что: студенты ехали верхом на курсистках, курсистки верхом на студентах» [Там же, т. 2, с. 154] – становится понятной именно благодаря топониму, а также упоминанию манежа (здесь имеются в виду события 23 февраля 1901 г.). Посредством топонима обозначено время действия в тексте «О братцах» («Тогда еще в Москве братцев не отлучали, и мы шли на собрание без всяких предвзятых мнений» [Там же, с. 741]): до марта 1910 г., когда от церкви были отлучены сектанты Д. Григорьев и И. Колосков. В тексте «Большая дорога» говорится о времени «на переломе войны, когда немцы обходили Москву» [Там же, т. 5, с. 276], то есть о ноябре-декабре 1941 г.

Исследование образа Петербурга в художественных текстах имеет богатую историю и связано с именем В. Н. Топорова, который ввел в научный обиход термин «Петербургский текст», назвав максимальной смысловой установкой такого текста «путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а

ложь и зло торжествуют над истиной и добром» [Топоров, 2003, с. 27]. Наличие особого Петербургского текста в творчестве Пришвина отмечалось З. Я. Гришиной и подробнее рассматривалось Н. А. Трубициной [Трубицина, 2012_а].

Если упоминания о Москве в текстах Пришвина встречаются в основном в послереволюционных произведениях, то *Петербург* в большинстве случаев мы встречаем в дооктябрьских; *Ленинград* в текстах Пришвина редок, *Петрограда* нет вообще (в отличие от дневников). Пришвин жил, с перерывами, в Петербурге, где сменил множество квартир, с 1905 по 1917 гг. (он сам называл этот период жизни петербургским), а после революции надолго в Ленинграде не задерживался и бывал там только в 1927-28 гг. (он записал тогда в дневнике: «почти десять лет я оставил Петербург и вернулся в Ленинград: да, действительно Ленинград, потому что Петербург умер – это другой город» [Пришвин, 2003, с. 205]). Москва же стала для Пришвина «своей» в середине 20-х, туда Пришвин навещался из Подмосковья и ютился в своей комнатке в Доме писателя на Тверском бульваре. В 1937 г. писатель получил четырехкомнатную квартиру в Лаврушинском переулке, где жил вплоть до эмиграции под Переславль-Залесский и после нее – с 1943г. до покупки дома в Дунино (1946). *Москва* и *Петербург* фактически маркируют два этапа жизни Пришвина: российский и советский, соответствуя при этом и двум этапам жизни страны. Здесь уместно вспомнить утверждение О. И. Фоняковой, что «название столичного города нередко становится в поэзии символом жизни целого народа или периода жизни отдельного человека» [Фонякова, с. 74].

Одной из самых распространенных коннотаций пришвинского *Петербурга* (138) является напрашивающийся из ряда контекстов вывод: *Петербург* – это не Россия, и со страной, столицей которой является, он имеет мало общего (ср. современные представления о Москве). В *Петербурге* Россию не понимают: «и вот все, что остается в народе от ясных, как день, агрономических планов в Петербурге: денежное закрепощение

мужика, окончательная ломка быта и эти какие-то в самом деле странные семена...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 665]; «как можно из Петербурга всем угодить?» [Там же, т. 2, с. 577], из *Петербурга* шлют совсем не близкие малограмотным новгородским паозерам французские киноленты [Там же, т. 2, с. 570]. Рассказчик в «Кашеевой цепи» напрямую говорит о том, что «все у нас разделилось в стране на Петербург и Россию» [Там же, т. 2, с. 419]. *Петербургу* в некоторых контекстах противопоставлены разные части Российской Империи: обычный волжский букет стоит в Петербурге двугривенный [Там же, т. 1, с. 412], казахи смеются над тем, что «в Петербурге бараны не с курдюками, а с козлиными хвостиками» [Там же, т. 1, с. 517], петербургские кошки отправляются в Крым на лечение [Там же, т. 1, с. 535]. «Россия – не Петербург, она огромная!» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 270], – говорит Алпатов Инне. «Гнилому» и ненастоящему Петербургу он противопоставляет «настоящую хорошую Россию» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 372].

Интересно, что приехавший в Петербург Пришвин начинает свой творческий путь в совершенно нетипичной для столицы обстановке, похожей больше на обстановку средней России, той самой «настоящей» и «хорошей»: «в предместьях Петербурга, за Малой Охтой, в конце Киновийского проспекта, на котором росли березы, окруженные капустниками» [Там же, с. 14]. Если перенести место жительства Пришвина на современные карты, выйдет, что Пришвин жил в районе проспекта Шаумяна. Безусловно, Пришвин часто бывал в центре Петербурга даже и тогда, когда жил за Малой Охтой. Жизнь в Петербурге не была для Пришвина простой – спустя четверть века он назвал первые годы жизни там «временем голодной озлобленности» [Пришвин, 2004_а, с. 55], но именно здесь он написал свой первый (к сожалению, утерянный) рассказ «Домик в тумане».

Обращенная к приехавшему в Петербург «создавать положение» Алпатову фраза Ростовцева («Только не думайте вовсе плохо о бюрократии: Петербург высасывает из страны все лучшее, и оно уже потом здесь хиреет.

И если с этим вздумать бороться, то надо уничтожить весь Петербург» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 405]) отсылает к гоголевскому суждению о том, что «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия» [Гоголь, 1952, с. 179], а также к бытовавшей в литературе XIX в. метафоре превращения Петербурга в почти inferнальную бюрократическую машину, которая съедает своих же сынов. В суждении Амбарова – больше! – петербургская бюрократия и власть вовсе находятся *по ту сторону добра и зла* [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 335]. По мыслям многих эпизодических персонажей Пришвина, в Петербурге будто бы и нет никого, кроме чиновников. «А если вы из Петербурга, то в каком вы там чине, – в военном или в гражданском?» [Там же, т. 1, с. 547], – спрашивает героя крымский проводник, а член елецкой землеустроительной комиссии «темнеет», услышав, что к нему приехал человек из Петербурга и, придя в себя, спрашивает, «не для карьеры» ли ему нужна информация. Некоторые линии сюжета книги «За волшебным колобком» строятся на том, что приехавшего из столицы героя-рассказчика принимают за генерала.

Петербургу также приписывается атмосфера бездуховности и этот смысл у Пришвина реализуется неоднократно. Главу «Петербург» книги «За волшебным колобком» Пришвин открывает словами А. Н. Радищева: «теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие грызть друг друга, отрада им томить слабого до издыхания и раболепствовать власти» и т. д. «Не человеку, а конверту поклоняются в этом вашем Петербурге» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 576], – заключает по своему опыту волжский провинциал из рассказа «Радий».

Весьма интересно в речи влюбленного Алпатова реализуется болотная сущность Петербурга: «вот твой родной Петербург мне теперь представляется на огромном пространстве болот, как водяная лилия, – видишь как!» [Там же, т. 2, с. 370] – и это при том, что в «Кашеевой цепи» Петербург назван двумя разными персонажами (Алпатовым и Марией Ивановной) «гнилым» [Там же, т. 1, с. 372, 391]. Этот эпитет по отношению к столице

Российской Империи использовал еще Ф. М. Достоевский: «а что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото...» [Достоевский, 1975, с. 113]. Возможно, употребление того же эпитета в «Кашеевой цепи» является отсылкой к Достоевскому как к одному из главных петербургских писателей.

Безусловно, для Пришвина Петербург был центром религиозной и литературной жизни, ведь здесь он посещал Религиозно-философское общество («Припомнился мне спор в Петербурге в одной из фракций Религиозно-философского общества» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 784], «я попал куда-то на окраину Петербурга, в квартиру новой, неизвестной мне секты» [Там же, с. 792]), а также «перезнакомился со всем литературно-художественным Петербургом» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 18]. Суждение о Петербурге как о городе артистичном реализуется в образе Амбарова из «Кашеевой цепи»: «Алпатов еще обратил внимание на очень высокого брюнета с черными жгучими глазами, с цилиндром в руке, похожего на французского гипнотизера, – это оказался Амбаров из Петербурга» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 320].

Нельзя не отметить, что в ряде контекстов дореволюционных произведений Пришвина ойконим *Петербург* используется в той же роли контрастирующего с ближайшим природным окружением сверхцивилизованного города, в какой в послеоктябрьских книгах будет использоваться *Москва*. Так, пришвинский «край непуганых птиц» находится в «ближайших от Петербурга местах, не тронутых цивилизацией» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 45], и издателю Дарвиену, как пишет Пришвин в тексте «Мой очерк», понравилось описание края, «такого близкого к Петербургу и не менее таинственного, чем отдаленная Новая Гвинея и Центральная Африка» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 17].

В рассказе «Заворошка» *Петербург* становится маркером определенного хронотопа не только для читателя, но и для героя: «я из

Петербурга ехал по железной дороге в 1905 году» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 636]. Наложение временного показателя на пространственный порождает понятные читателю значения: рассказчик находился в гуще Первой русской революции. Именно благодаря топониму становится понятным вопрос попутчика героя «Вы из Петербурга? Ну, как? Одолеют или задавят их?» [Там же].

После Октябрьской революции Пришвин бывал в Петербурге (Ленинграде), но не жил там постоянно, и *Петербург* стал маркером его прошлого. В написанной в 1928 г. главе «Кашеевой цепи» «Любовь по воздуху» Пришвин вынужден согласиться с москвичами, что Ленинград теперь «тот, да не тот»: «вот нет чего-то, назовем это, как Гоголь, *мечтой*, из-за чего у него маленький задумчивый чиновник попадает под лошадей. Нынешний гражданин, хотя и не богаче гоголевского чиновника, да зато осмотрительней, и у него уже нет в голове прежних мыслей о Медном Всаднике» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 421-422], – размышляет Пришвин.

Именно в конце двадцатых город Петра уходит из творчества Пришвина и возвращается лишь раз, в 1941 г., когда Пришвин пишет «Город света», являющийся фактически одой Петербургу. В этом впоследствии прочитанном на юбилейном вечере 1943 г. автобиографическом очерке Пришвин открыто признается в любви к Петербургу и называет его в подавляющем большинстве случаев именно *Петербургом* – и это во время Блокады *Ленинграда*, о которой Пришвин, правда, много размышлял в дневниках. В 1942 г., впрочем, Пришвин все-таки принял новое имя города: «Ленинград: после этой пережитой зимы – впервые имя Ленинград оправдалось: Ленинград только теперь закрыл собой Петроград» [Пришвин, 2012₆, с. 298].

В «Городе света» также разрешается антитеза *Петербург – Москва*, которая реализовывалась у Пришвина до тех пор лишь в «Кашеевой цепи», когда Алпатову Москва очень быстро опротивела, и он постарался поскорее сбежать оттуда в Петербург. В «Городе света» Пришвин пишет: «лично во

мне это чувство стыда за свое русское, слишком русское, было так сильно, что в каждом городе, и особенно в Москве, мне было не по себе: везде как будто я чего-то стыдился, и никогда, и нигде дым отечества не был мне сладок и приятен. Только в одном-единственном городе, Петербурге (Ленинграде), я не испытывал этого отталкивания от себя своего родного, слишком родного» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 284]. На полях первого черновика этого очерка Пришвин писал о Москве немного подробнее: «я не люблю Москву за ее довольство собой, за сладостную приятность дыма отечества, за самоудовлетворенность» [Пришвин, 2012_а, с. 580].

Хороним *Россия* (212) является в творчестве Пришвина вторым по частотности топонимом после ойконима *Москва*.

Дифференциально-локализирующая функция этого топонима реализуется в основном в тех текстах, где сюжет развивается вне *России*, то есть в норвежских главах книги «За волшебным колобком» и в европейских главах «Кашеевой цепи». Особенно продуктивны в этом плане контексты, где с Россией сравнивается Германия. Показательна статистика: текст второй книги «Кашеевой цепи» («Брачный полет»), занимая около 13% от всего массива художественных текстов Пришвина, содержит 40% всех словоупотреблений хоронима *Россия*. Действительно, многие эпизоды германских глав «Кашеевой цепи» содержат сравнение России и Германии, причем топоним *Россия* употребляется чаще, чем топоним *Германия* за счет того, что немецкий хронотоп в этих главах задан уже сюжетом. Алпатову приходится, например, отвечать на комичные вопросы: есть ли в России фабрики, есть ли в России собаки, есть ли в России пиво – то есть в производстве, в числе прочих, задействуется модель образа-концепта *Россия* в понимании немца-обывателя.

Россия в пришвинской индивидуально-авторской картине мира существует в географическом плане не только как государственное образование в границах Российской Империи или РСФСР, но и как *Россия* «настоящая», под которой подразумевается средняя полоса России, или

средняя Россия (Пришвин нередко использует это, уточненное, определение). Пришвин пишет о Поморье: «это единственный мне известный угол России, где люди гордятся своей родиной. Поморов принято считать цветом русской народности, но сами они не любят связывать себя с Россией» [Пришвин 1986, т. 1, с. 328]. Данный пример из книги «За волшебным колобком» являет собой осознание России одновременно и как государства, имеющего четкие границы, и как особого пространства, обладающего определенными свойствами. Осознание некоторых частей Российской Империи или Советского Союза не-Россией или Россией «не настоящей» не единично в текстах Пришвина. Таковы Сибирь, Крым, Поморье и Петербург: «а потом, когда мы крепко, по-настоящему полюбим друг друга, то удерем из твоего гнилого Петербурга в настоящую хорошую Россию» [Пришвин 1986, т. 2, с. 372]; «и после того сколько людей предсказывали конец ему, и как страшно потом перед концом все у нас разделилось в стране на Петербург и Россию» [Пришвин 1986, т. 2, с. 419].

О патриотизме Пришвина говорит не только большое число словоупотреблений топонима *Россия*, но и контексты, в которых этот топоним употребляется. Как истинный патриот, Пришвин замечает и называет многие недостатки России и русского менталитета. Выделим основные:

– *страшная / ужасная Россия* («Было это на одном полустанке, страшном полустанке в середине России, страшном участке какого-то ада» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 470]; «и рядом с этим радостным чувством проплывали картины ужасающей брошенности жизни России народной...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 535]; «[Инна Ростовцева:] В России есть для меня ничем не прикрытый ужас жизни» [Пришвин, 1986, т. 2, с. 369]);

– *Россия как хаос* («это – та же Россия, это – она, от нее не уедешь никуда, это – тоже свое, близкое. Бесформенность, хаос и все-таки лик» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 704]);

– *грязная Россия*. В нескольких контекстах подчеркивается неприятный запах или возможность его наличия в России: «мокрый нос всегда шевелился, будто везде в России ей [Леди] дурно пахло» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 585]; «вот наши дамы в России привыкли ко всяким духам» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 355]. При этом грязь России в «Журавлиной родине» показана как родина прекрасного. *Журавлиная родина* становится аллегорией «грязной России», дарующей миру творческий труд и образцы искусства, эта аллегория вынесена в заголовок и в развернутом виде звучит так: «правда, журавли рождаются в грязных болотах, а когда летят в теплые края, их везде с восторгом встречают. Так наша грязная родина, старая Россия, сколько планов творческого труда в образцах искусства дала она всему миру!» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 51].

– *хорошая Россия* в «Кашеевой цепи» открывается Алпатову также за границей: в следующем затем лирическом отступлении довольно полно представлен взгляд Пришвина на патриотизм 20-х гг.: «бесконечно далека была в эти минуты Алпатову и эта немецкая толпа, и эти русские за границей. Зато в первый раз еще показалась ему за границей хорошая родина Россия. Только нет, он не сказал бы “родина”, это слово никак не отвечало встающему в нем чувству. Сказать “родина” можно только в детском журнале “Задуманное слово”, сказать “родина” – значит помириться и вместе с тем опуститься. Настоящая родина очень трудная, и без того, что казалась ему теперь *долгом*, она невозможна, родина с нищетой и тюрьмой – какая это родина. Он это новое, впервые встающее у него за границей, назвал бы просто *пейзаж*: большие поля ржи, перелески, большак с муравой и, пожалуй, люди, необыкновенно доверчивые и душевные» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 323].

Внимание Пришвина обращено также на ментальные особенности населения России, как положительные, так и отрицательные, что часто воплощается в контекстах, где этот топоним присутствует. Такими особенностями являются:

– *лень* («Выученный за границей, я представлял себе Россию как страну талантливых бездельников, что в этой мечтательной и ленивой стране стоит только лет пять поработать над чем-нибудь, как немцы работают, и непременно достигнешь положения» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 36]; «...если только умеючи жить, денег в России для умного человека найдется сколько угодно» [Там же, т. 2, с. 397]);

– *хамство* («Совершенно так же, как и в России, остановились на углу два знакомых, стали долго разговаривать и загородили собой путь другим» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 267]);

– *недальновидность* («при одном слове *свобода* все бросились истреблять леса, – это не люди, это зверь безумный освободился. Или это не так? Но верно, что Россия была как пустыня с оазисами; срубили оазисы, источники иссякли, и пустыня стала непроходимой. Россия...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 485]);

– *презрительное отношение к обывателям* («...самых обыкновенных людей, которых в России презрительно называют *обывателями*» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 301]; «...служить коротенькой правде, которая в России называется мешанство» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 291]);

– *отсутствие обывательского национализма* («У нас как-то не принято после беседы о Толстом произносить тост за “Великую Россию” или за “Московское государство”» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 384]).

Отдельно стоит сказать о контекстах, где затрагивалась религия в России. К ней Пришвин относился долгое время почти враждебно. Народная христианская религия, по мнению Пришвина, не желает знать («Так часто в России, при первом сближении с народом на почве веры, получишь упрек за желание “знать”» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 741]) и не желает делать («если святого там нет, то зачем укреплять обрыв, а если он там, то удержит. Так живет и верит вся Россия и не укрепляет обрыв» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 399]), она – порождение несчастья («У нас в России к богу приходят обыкновенно от несчастья» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 778]).

Частотность употребления топонима *Россия* и, соответственно, частота обращения к соответствующей теме заметно зависело от политических взглядов Пришвина. 183 словоупотребления хоронима из 212 приходится на творчество до 1930-х, следующие два десятилетия же слово *Россия* используется Пришвиным почти во всех случаях с поясняющим адъективом: или со словом *средняя*, если он хотел очертить границы с позиции физической географии, или со словами *старая / новая; царская / Советская*, если хотел обозначить хронотоп. Ярким примером хронотопности хоронима является следующий отрывок из миниатюры «Чувство современности»: «в то великое и страшное время, когда умирала царская Россия и рождалась Советская, литературный мир разделялся, с моей точки зрения, на две стороны» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 421]. Хоронимы *Советский Союз, СССР* во всем художественном творчестве Пришвина также употреблены лишь 13 раз, из них только 5 раз в 1930-е – и то лишь в контексте повествования о звериных хозяйствах.

Почти полное отсутствие *России* в художественных текстах Пришвина на протяжении десятилетия (с 1927 г., когда была закончена «Кашеева цепь», и до 1938 г., когда была начата «Осударева дорога»), объясняется тем, что Пришвин, не принявший коммунизм, но умело и хитро с ним заигрывавший (чего стоит тот же «Мой очерк», названный А. Н. Варламовым «самым игровым произведением русской литературы 30-х годов» [Варламов, 2003_б, с. 333]!), старался не высказываться открыто о стране, будь то *Россия* или *СССР*, как о пространстве политическом и предпочитал делить ее на более мелкие части, центром каждой из которой была бы не государственная власть, а природа; не зря именно тогда возникло живое и по сей день мнение о внутренней эмиграции писателя в природу, воплощенное в хлесткой рецензии А. Платонова (Ф. Человекова) на повесть «Неодетая весна». «Стремление уйти в “непуганую” страну, укрыться там хотя бы на время, содержит в себе недоброе чувство – отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи из-за неуверенности, что деятельность людей

приведет их к истине, к высшему благу, к прекрасной жизни» [Платонов, 2011, с. 477], – писал Платонов. Красноречива дневниковая запись от 5 сентября 1930 г.: «Надо временно отступить в детскую, вообще в спец. литературу и примолкнуть, потому что оно и правда: или все на ликвидацию “прорывов” или художественная литература» [Пришвин, 2006, с. 212]. Конечно, Пришвин и тогда думал о России, но поделиться такими мыслями можно было только с дневником. «Да, Россия умерла, но чем же я так долго живу, если она умерла?» [Пришвин, 2010_а, с. 27], «все разрушено и во мне уже хотят видеть нерусского и называют иногда Пришман» [Пришвин, 2010_а, с. 299]; «я люблю свою родную страну Россию, но социализм я любить не могу, и никто это не может любить» [Там же, с. 302] – писал он в 1936 г.

Совершенно по-новому посмотрел на Россию Пришвин к концу жизни. «Слова Белинского, что Россия скажет миру новое слово, – это тема моей повести. Моя родная страна скажет новое слово и им укажет путь всему миру», – записывает Пришвин в дневнике. В «Корабельной чаше», работу над которой он начал уже в 1952 г., Веселкин говорит Мануйло: «вот я сейчас в отрывном календаре прочитал: Россия за то и терпит так много, что в конце концов должна сказать всему миру новое слово» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 263]. Входит в художественный лексикон Пришвина и *Советский Союз* (или *СССР*) – Веселкин не раз повторит в повести уставную фразу «Служу Советскому Союзу!». Появляется этот хороним и в миниатюрах книги «Глаза земли»: «в борьбе за мир, принятой на себя Советским Союзом, некоторые не принимают участия ввиду того, что, по их мнению, войны и так не будет, а другие – что война все равно неизбежна» [Пришвин, ПСС, т. 7, с. 288].

Перемена взглядов и возвращение *России* (и, как будет показано ниже, *Руси*) в художественные тексты, безусловно, связано с приходом Пришвина к утверждению коммунизма, который Пришвин оценивал в конце 40-х – начале 50-х гг. как промежуточную стадию на пути человечества к строительству мира-храма [Варламов, 2003_б, с. 483].

Использует Пришвин и исторический топоним *Русь* (34), по своему семантическому содержанию несколько отличающийся от топонима *Россия* и имеющей узуальную коннотацию ‘человек, люди патриархальных взглядов, не «испорченные» цивилизацией, городской жизнью’ [Отин, 2004, с. 302].

Русь используется у Пришвина как маркер хронотопа. Так в пяти контекстах *Русь* имеет определение *древняя*, в одном – *кондовая*, еще в одном – *допетровская*. Под *Русью* в этих случаях, и в случаях, где употреблены глаголы прошедшего времени («Так в старину по всей Руси подавали милостыню» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 201]), Пришвин имеет в виду допетровскую Русь, а в книгах «За волшебным колобком» и «У стен града невидимого» конкретнее – Русь старообрядческую, продолжающую жить как духовный феномен с теми, кто отказался принять реформы Никона («Этот антихрист, страшилище всех приверженцев древней Руси, шел по лесам и болотам с войском и двумя фрегатами...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 152]; «...после двухсотлетней борьбы с никонианами допетровская Русь наконец-то звонит в колокола» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 423]).

В ряде случаев, однако, слово *Русь* используется как нечто существующее и поныне, в таких контекстах мы видим глаголы настоящего времени. Особенно интересны такие контексты в повести «Мирская чаша», крайне пронзительном произведении о годах Гражданской войны. Здесь слово *Русь* будто «проглядывает» сквозь руины разрушенной *России*: «Чугунок задумался и с большим любопытством обернулся к учителю спросить, как все спрашивали друг друга на Руси в это смутное время, загадывая загадку о том, как и когда все это кончится» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 513]. В этой же повести реализуется и другая степень исторического «обнажения» страны – *Скифия*. Хороним *Скифия* Пришвин не употреблял ни до, ни после ни в одном произведении, а в «Мирской чаше» этот хороним становится самым «сильным» топонимом, дважды повторяясь в последнем абзаце.

В рассказе 1918 г. «Голубое знамя» *Русь* – это также последнее, что объединяет огромное пространство страны, в котором даже и европейский Петербург становится частью *Руси* («Метель засыпала всю рассыпанную Русь и соединила в одно прежнее белое необъятное царство. На обратный трамвай номер пять со Знаменской площади на Васильевский остров опять с чайным ящиком очень удобно устроился Семен Иваныч, никому не помешал» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 603]). *Русь* здесь – нечто непоколебимое, что еще может спасти погибающую *Россию* («...соберу для митрополита всех хулиганов под голубое знамя, приведу всех под благословение к митрополиту, и Россия будет спасена» [Там же, с. 634]; «так Семену Иванычу и представляется, будто не один пьяница за ним идет, а все полки, вся пьяная Русь шествует под голубое знамя» [Там же, с. 636]).

О вечной жизни *Руси* как образования не столько территориального, сколько духовного говорится и в «Кашеевой цепи», написанной в 20-е гг.: «но чем сильнее подпирают в бока бычьи рога, чем ближе к уху дышит горбатый верблюд, тем спокойнее на душе: ведь так на Руси вся жизнь проходит – вот-вот потонешь, а плот все плывет...» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 119]. Примечательно, что эпизод этот писатель позаимствовал из своей дореволюционной (опубликована в 1909 г.) книги «Адам и Ева», и в первом варианте на месте *Руси* была еще *Россия*, а сама параллель не была такой явной: «да вот же оно: это – та же Россия, это – она, от нее не уедешь никуда, это – тоже свое, близкое. Бесформенность, хаос и все-таки лик. Вот-вот потонем. Но плот все плывет» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 704]. Пришвин, встретивший революцию очень сдержанно, понимал, что *Россия* все-таки «потонула», но *Русь* непотопляема, хотя и часто близка к гибели.

Кроме того, трижды Пришвин использует слово *Русь* в аллюзии на поэму Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». Так начинается рассказ «Спас-Чекряк»: «брань, широкая, как море, и звучная, как лес на горе! Это православный народ бранит того, кому, по всеобщей народной уверенности, одному живется весело, вольготно на Руси» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 732].

Существованию *Руси* не мешает даже власть Советов: «и такая она вся – советская Русь» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 261-262].

Интересен комментарий Пришвина о советском гимне, наличие слова *Русь* в котором, ему кажется важным: «Михалков – русский и Регистан – турецкий еврей написали гимн, и в нем было слово “Русь”. Начальство предложило авторам заменить это слово. Михалков соглашался, Регистан протестовал, и так еврей спас слово “Русь”! Поди после этого спорь, когда еврей говорят о себе: “мы русские”» [Пришвин, 2013_а, с. 11].

Отметим, что при обилии различных мнений о генезисе этого имени, мы склоняемся к концепции Г. Ф. Ковалева, утверждающего, что «слово *Русь* появилось в древнерусском языке до прихода норманнов на Русь; Нестор именем Русь называл не отдельное славянское племя, а сложившуюся древнерусскую народность; этимологию слова *Русь* нужно искать в финно-угорских языках и их диалектах» [Ковалев, 2014_в, с. 50].

Исследование литературной топонимики, как мы видим, может многое сказать и об идеологических предпочтениях автора. Принятый (хоть и не сразу) и, казалось бы, обласканный советской властью Пришвин продолжал душой жить в *России*, а официальное название новой отчизны, видимо, претило ему, раз в художественных произведениях встречалось так редко.

Из приведенных в данном параграфе материалов исследования ясно, что частотность употребления тех или иных топонимов в творчестве писателя обусловлено биографией писателя, доминантами авторской картины мира (в том числе идеологическим и идейными), тематикой основных произведений и особенностями их сюжета.

4.2. ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ

М. М. ПРИШВИНА

Широкий читатель впервые узнал М. М. Пришвина, уроженца русского подстепья, как автора посвященной карельским просторам книги «В краю

непуганых птиц. Очерки Выговского края», вышедшей в 1907 г. в издательстве А. Ф. Девриена.

Первая поездка писателя на Север была осуществлена благодаря знакомству с этнографом Н. Е. Ончуковым (тот уже бывал в Карелии в 1903 г.) и академиком А. А. Шахматовым. На Север Пришвина привел также начатый еще в детстве поиск идеальной земли. «Посвященный мною в мои детские мечты о какой-то Азии, он [Ончуков] стал уверять меня, что Выгозеро, Архангельской губернии, вполне соответствует моей мечте и что мне непременно надо поехать туда» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 14], – вспоминает Пришвин в автобиографическом рассказе «Охота за счастьем». Впрочем, Пришвин и во многих других краях на протяжении всей своей жизни пытался увидеть ту страну «без имени, без территории, куда мы в детстве бежим» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 182] – пришвинская «обетованная страна непуганых птиц и ослепительной зелени не имеет своей территории и постоянно меняет свое местоположение» [Морозова, 2013, с. 80]. Однако именно Русский Север и просторы Выгозера стали для Пришвина своеобразной писательской родиной, откуда он начал отсчет своей литературной деятельности и где началось формирование пришвинского очеркового стиля и его любви к документально-точному изображению окружающей действительности, повлиявшей на большинство работ писателя. «Я написал просто виденное» [Пришвин, 1995, с. 157], – вспоминал Пришвин.

Вторая книга Пришвина «За волшебным колобком» имеет подзаголовок, который так же, как и полное название первой книги, содержит топоним («Из записок на Крайнем Русском Севере и в Норвегии»), она написана в том же очерковом стиле, хоть и с чуть большей долей фантазии. В этой книге, как отмечает Л. В. Овчинникова, «документально-этнографическая точность и лирическая “сказочность” более уравновешены» [Овчинникова, 2008, с. 201], хотя, судя по позднему отзыву автора о «провалах в этнографию» как о недочете книги [см. Пришвин, 2007, с. 568],

«За волшебным колобком» должна была быть еще более далека от этнографических изысканий. Путешествие Пришвина по побережью Белого моря продолжается в Лапландии и Норвегии, поэтому содержит большое количество соответствующей топонимической лексики.

Действие рассказа 1912 г. «Никон Староколенный» происходит в селе Еруново на озере Ильмень, под Великим Новгородом; эти места мы тоже относим к Русскому Северу.

Роман-сказка «Осударева дорога» создавался долго и трудно, Пришвин работал, с перерывами, над этой книгой с 1933 по 1952 г. и, по мнению писателя, она так и не была закончена должным образом. А. Н. Варламов назвал ее «самым большим, любимым, убогим детищем» [Варламов, 2003_б, с. 392] Пришвина. Замысел книги об убежавшем и заблудившемся в северных лесах мальчике возник еще в 1905 году, то есть еще до первой поездки Пришвина на Север. Вместо повести были написаны очерки, но Пришвин «мальчика своего не забывал» [цит. по: Пришвина, 1984_а, с. 420] и спустя десятилетия создал «Осудареву дорогу» «отчасти и по тем же очеркам севера» [Там же]. Но в основу книги легли не только впечатления двадцатисемилетней давности – в 1933 г. писатель вновь посещал «край непуганых птиц». Поездка, разрешение на которую было получено не без труда, задумывалась Пришвиным как возможность «пересмотреть все написанное <...>, начиная с очерков севера, и начать издание своих сочинений в свете самокритики» [цит. по: Варламов, 2003_б, с. 335]. Задуманное было исполнено, и тут же началась наметка «Осударевой дороги» (другие рабочие названия – «Царь природы», «Глазами человека», «Новый свет»). Интересно, что впечатлений, полученных в Карелии, писателю все-таки не хватало для некоторых частей романа, и за картиной разлива, например, Пришвин ездил под Кострому: в текстах «Лесная капель» и «Неодетая весна» можно найти фрагменты, включенные в варианты «Осударевой дороги». Идея о переработке написанного не оставляла

Пришвина вплоть до августа 1952 г., но тогда он решил полностью сосредоточиться на другой книге – повести-сказке «Корабельная чаща».

Книгу «Корабельная чаща» (другие рабочие названия: «Лесная сказка», «Слово правды») можно назвать «северной» лишь отчасти, так как на реках бассейна Северной Двины и в лесах Коми происходит лишь часть действия, однако и здесь можно найти множество топонимической лексики, относящейся к современным Вологодской, Архангельской областям, республике Коми. Места эти Пришвину были знакомы по еще одной северной поездке: в мае 1935 г. Пришвин, приглашенный журналом «Наши достижения» в числе других писателей «включить лесную тематику в план работы» [Пришвин, 2009, с. 736], вместе с сыном Петром отправился на Пинегу, «чтобы увидеть лес, незнакомый с топором» [Там же, с. 719], и проделал по местным рекам нелегкий путь, самая захватывающая часть которого лежала по реке Пинеге и ее притокам. То путешествие длилось 41 день, и в конце 1935 – начале 1936 г. в «Наших достижениях» была опубликована работа «Берендеева чаща», включавшая живые впечатления как от этой поездки, так и от поездки в ярославские леса. Настя и Митраша, главные герои последней законченной повести Пришвина, отчасти повторяют пинежский маршрут Пришвина.

Северу посвящен также рассказ «Заполярный мед», рассказ «Медведь» и фрагмент книги «Золотой Рог» под названием «Полярный роман», который Пришвиным был «записан со слов кильдинского звероведа Ивана Антоновича Зависского» и переложен в литературной стиль.

Словоупотребления северных топонимов в перечисленных выше произведениях составляют 93,1% (2018 из 2134) от всех употреблений топонимов Русского Севера, встречающихся во всех произведениях Пришвина.

Из краткой истории создания этих произведений ясно, что топонимическая лексика региона в большинстве своем воспринималась писателем непосредственно во время путешествий и попадала в творческую

лабораторию из уст проводников и местных жителей, иногда – с топографических карт.

Оговоримся, что в нашей работе под понятием «Русский Север» понимается вслед за этнографом и фольклористом К. В. Чистовым историко-культурная область, которая простирается «от районов Крайнего Севера до бассейна реки Волхов и современной Калининской [Тверской] области, северных районов Ярославской и Костромской областей и доходит до середины Волги и Урала» [Чистов, 1977, с. 86], то есть понятие это включает в себя современные Мурманскую область, республику Карелия, Архангельскую область, Вологодскую область, Новгородскую область, Псковскую область и Ленинградскую область, а также часть республики Коми и Ненецкого АО.

Н. А. Трубицина отмечала, что перед Пришвиным «не стоит задачи создать собственный территориальный миф Карелии, но он помещает реальные локусы края в мифопоэтический контекст, актуализируя при этом мифогенные константы исследуемого места» [Трубицина, 2013, с. 75]. Бесспорно, локусы эти реализуются в тексте через реальную топонимическую лексику, рассмотреть роль которой в произведениях Пришвина нам и предстоит на примерах как карельской топонимии, так и топонимов других районов Русского Севера.

Хоронимы Русского Севера

Из хоронимов, называющих единицы административно-территориального деления России, у Пришвина встречаются 4 названия губерний: *Архангельская* (12), *Вологодская* (1), *Новгородская* (1), *Олонецкая* (9); 6 имен уездов разных губерний: *Белозерский*, *Вологодский*, *Волховский*, *Вытегорский*, *Каргопольский*, *Мезенский*; а также короткое название Великого Княжества Финляндского – *Финляндия* и искаженный вариант *Вихляндия*.

Архангельская губерния (12). Топоним используется Пришвиным в произведениях «В краю непуганых птиц» (8 раз), «За волшебным колобком» (2 раза), «Охота за счастьем» (2 раза).

В контексте произведений Пришвина топоним *Архангельская губерния* приобретает определенные коннотации. *Архангельская губерния* – это:

1) край непуганых птиц: «где же найти такой край непуганых птиц? Конечно, на Севере, в Архангельской или Олонецкой губерниях, ближайших от Петербурга местах, не тронутых цивилизацией» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 45];

2) край раскольников: «жизнь их вдохновляла потом и следующих за ними колонизаторов края – раскольников. Многие из этих людей приближались вполне к жизни первых христиан. Да и до сих пор в глухих местах Архангельской губернии есть старцы, идеалом жизни которых служат жития этих святых» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 54]; «в глухих, еще не тронутых топором лесах Архангельской губернии, в этих “пустынях” живут поодиночке в маленьких избушках или же небольшими группами пустынноики, которые называются здесь скрытниками, или странниками» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 169];

3) край язычества: «на Севере, знакомясь с народными верованиями, надгробными плачами и похоронными обрядами, можно почувствовать себя вдруг среди славян-язычников. Множество признаков здесь говорит о них. Во многих, например, местах Архангельской и Олонецкой губерний в Ильин день перед церковью закалывают быка» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 74];

4) край первобытных лесов: «несколько тронутые вырубкой леса постепенно переходят в первобытные леса Архангельской губернии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 120]; «в глухих, еще не тронутых топором лесах Архангельской губернии...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 169];

5) край сохранившегося силового промысла: «силовой промысел из года в год падает и сохраняется в своей первобытной чистоте только в глухих лесах Архангельской губернии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 126]

б) край «мезенских коновалов»: «но самые лютые враги науки, по словам фельдшера, не местные колдуны, а мезенские коновалы. Как только осенью на Мезени закончатся работы, сотни этих знахарей расходятся по Олонецкой и Архангельской губерниям. Они лечат все: людей, животных» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 135].

Как отмечала петрозаводский ученый М. Пахомова, «изображая Карелию как край темноты и невежества, автор не погрешил против жизненной правды. Население дореволюционной Карелии было действительно почти сплошь неграмотным и отсталым. Оно не имело элементарных понятий о медицине, науке, профессиональном искусстве» [Пахомова, 1960, с. 22].

Нельзя не отметить, что имеющий прозрачную внутреннюю форму топоним содержит компонент «архангел» из тематического поля «христианство», что создает яркий художественный эффект при использовании его в вышеперечисленных контекстах, который, помимо этого, усиливается за счет «казенного» слова *губерния*. Писатель ни разу не использует словосочетание *Архангельский край*, в то время как *Олонецкий край* чередуется с топонимом *Олонецкая губерния*.

Если в книге очерков «В краю непуганых птиц», откуда и взяты все приведенные выше примеры, коннотации прояснены и читателю, благодаря комментариям автора, нужно лишь составить общее мнение об Архангельской губернии, то в книге «За волшебным колобком» эти значения используются уже как художественное средство. Рассказчик выясняет у местного жителя, что деревня *Дураково*, «самое глухое и самое глупое место» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 186] «по-старому и похоже на Архангельскую губернию, а по-новому не похоже». «Вишь, народ у нас какой бойкий», – конкретизирует старик. То есть *Архангельская губерния* в данном контексте реализует перечисленные коннотации, вполне понятные Пришвину, путешествующему там не впервые. *Архангельская губерния* здесь – это нечто застывшее во времени, традиционное, ей противопоставляется *бойкость*.

Другой раз Пришвин, называя Карелию «той самой» Калевалой, уточняет, что мифическую страну до сих пор воспевают в деревнях *Архангельской губернии* [Пришвин, ПСС, т. 1, 251]. Здесь довольно официальный топоним мог быть использован по двум причинам: во-первых, он создает контраст возвышенного (*Калевалы*) и обыденного (*Архангельской губернии*); во-вторых, он вводит мифическую страну *Калевалу*, а также и саму *Карелию* в контекст русской культуры и контекст православия.

Для создания контраста с пришвинской «какой-то Азией» официальный и очень конкретный топоним *Архангельская губерния* используется и в очерке «Охота за счастьем»: «посвященный мною в мои детские мечты о какой-то Азии, он [Ончуков] стал уверять меня, что Выгозеро, Архангельской губернии, вполне соответствует моей мечте и что мне непременно надо поехать туда» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 14]. Кроме того, благодаря этой конкретизации Пришвиным создается эффект иронии над неопределенностью собственной мечты: его *Азия* вдруг оказывается в *Архангельской губернии*.

В очерке рассматриваемый топоним используется также для обозначения хронотопа, причем в рамках биографии писателя: «тогда я собрал свои пожитки, отправился в Москву и стал опять начинать свое дело, почти такой же неведомый, как двадцать лет тому назад, когда вернулся из поездки в Архангельскую губернию» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 26]. Пришвин сопоставляет здесь два этапа своей жизни: возвращение в Петербург после первого крупного путешествия в 1906 г. и возвращение из Смоленской губернии, где Пришвин был некоторое время «шкрабом», в 1922 г. (на самом деле прошло 16 лет, а не 20), – которые объединяет последовавшие литературные успехи: публикация книги «В краю непуганых птиц» в первом случае и романа «Кашеева цепь» во втором. Пришвин не обозначает конкретные годы, а отсылает читателя-знатока к своему прошлому с помощью топонима, маркирующего определенный хронотоп.

Олонецкая губерния и *Олонецкий край* (11) лежала на пути Пришвина на Выгозеро и поэтому была меньше изучена и понята им, чем Архангельская, хотя в нескольких случаях *Архангельская* и *Олонецкая губернии* имеют общие коннотации: *Олонецкая губерния*, это, как и *Архангельская*, «край непуганых птиц», край язычества, край врачей-коновалов (с иллюстрирующими это примерами можно ознакомиться выше), однако она обладает в текстах Пришвина меньшим коннотативным потенциалом.

Часть употреблений этого топонима относится к описанию исторических фактов, связанных с расселением во время Смутного времени поляков-интервентов по окраинам России: «...банды поляков, татар и казаков вторглись в Олонецкую губернию из Вологодского и Белозерского уездов» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 67]. Употребление актуальных для начала XX века, но неактуальных для XVII века топонимов не является ошибкой: Пришвин пытается вписать историю в контекст современной ему жизни и объяснить события понятными современникам словами, что для очерка важно. Сделав это с помощью топонима *Олонецкая губерния*, он, завершая экскурс в историю, использует более универсальный, вневременной и менее официальный топоним *Олонецкий край*: «так кончились эти тяжелые времена для Олонецкого края» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 68].

Топоним *Олонецкая губерния* реализует свое значение *глушь* в рассказе «Медведи», вошедшем в книгу «Календарь природы», усиливая то же значение, уже имеющееся в содержащем языковую и смысловую игру фразеологизме: «в одном из самых медвежьих углов» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 360]. Рассказ написан в конце 1920-х, Олонецкая губерния перестала существовать как территориальное образование в 1922 г.; Каргопольский уезд еще в 1919 был передан в Вологодскую губернию, однако топоним *Вологодская губерния* не передает тех значений, что нужны были Пришвину, с одной стороны; с другой стороны, Пришвин, вероятно, верен тому восприятию северного края, которое получил в путешествии 1906 г.

Действие рассказа происходит в 1929 г. и именно в указанных Пришвиным местах, так как написан он по возвращении с медвежьей охоты 1 марта 1929 г., о чем свидетельствует дневниковая запись, сделанная в тот день: «сегодня с поездом 8 ут. возвратился с медвежьей охоты» [Пришвин, 2004_а, с. 367] – и фрагмент заявления в Сергиевскую налоговую комиссию, написанного по окончании работы над очерком: «беру для примера мой последний очерк “Медведи” в “Огоньке”. Чтобы написать его, я истратил три недели времени: одна неделя на поездку в Каргопольский уезд для охоты на медведя, вторая неделя на писание очерка, третья на отдых после такого опыта, имевшего в этот раз характер серьезной опасности для жизни» [Пришвин, 2004_а, с. 374-375]. Факты современности заставляют Пришвина сделать к топониму *Олонецкая губерния* приписку «бывшая» и тем самым еще более явно реализовать связь описываемых событий с прошлым, а также актуализировать топоним как маркер хронотопа.

Хороним *Вологодская губерния* (1) Пришвин употребляет единожды: в книге «За волшебным колобком» автор-рассказчик и юнга с судна «Святой Николай» говорят о страшно грязном коке, который, как выясняется, из тех, что «приходят из Вологодской губернии и привыкают к морю уже взрослыми» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 298]. Неряшливый кок из материковой *Вологодской губернии* противопоставлен интересному и энергичному юнге, «природному помору». В 1908 г. Пришвин еще не бывал в Вологодской губернии, поэтому тогда не имел пока никаких живых ассоциаций с этим краем и, вероятно, передал в тексте то, что действительно сказал ему юнга. Вологду писатель посетил лишь в мае 1935 г., по дороге в Архангельск.

У Пришвина топоним *Новгородская губерния* (1) употреблен один раз, при описании истории прокладки «осударевой дороги» от Белого моря до Финского залива: в этом сержанту Михаилу Щепотьеву помогали крестьяне, «собранные из трех нынешних губерний: Архангельской, Олонецкой и Новгородской» [Пришвин, т. 1, с. 153]. Пришвин тем самым переводит описанные объемы работы в понятные современникам термины.

Названия пяти северных уездов: *Белозерского* (1), *Вологодского* (1), *Вытегорского* (1), *Повенецкого* (3), *Мезенского* (1) и одной волости, *Даниловской* (1), использованные в очерках книги «В краю непуганых птиц», выполняют дифференциально-локализирующую функцию, однако хороним ***Каргопольский уезд*** (3) «возвращается» к читателю в очерке «Медведи» как «один из самых медвежьих углов Олонецкой губернии». Как уже обозначалось, написанию рассказа предшествовала короткая поездка Пришвина именно в эти места, впечатлившие писателя своей дикостью: с тех пор топоним *Каргопольский уезд* мог в сознании писателя отражать квинтэссенцию северной жизни, и в одной из дневниковых записей *Каргопольские леса* противопоставляются лесам вокруг Сергиева Посада, *Московским лесам*: «мне думается даже, что если бы случайно пришел медведь в наши Московские леса и мне удалось бы поохотиться на него <приписка: убить> в этих условиях, то едва ли бы захотелось отрываться от дела и рассказывать об этой охоте: убил и убил. Но о медведе в Каргопольских бесконечных таежных лесах рассказ совершенно другой» [Пришвин, 2009, с. 36], – вспоминал Пришвин свою поездку спустя три года.

Для документальной книги «В краю непуганых птиц» большое значение имеет созданный Пришвиным хороним ***Выговский край*** (16). Созданный по узуальной модели *оттопонимический адъектив* + «край», он, вынесенный в подзаголовок всей книги, может показаться читателю реальным топонимом. Однако документальный стиль произведения и отношение писателя к правде, заставляет его признаться в искусственной природе топонима: «Название “Выговский край” не существует в географии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 61]. Пришвин объясняет причины создания такого онима, а также обозначает его границы: «...он [Выговский край] своеобразен во всех отношениях и достоин отдельного названия. Он занимает всю ту местность, которая прилегает к берегам Выгозера, впадающего в него с юго-запада Верхнего (южного) Выга и вытекающего из северного конца озера Нижнего (северного) Выга» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 61]. В этом весь

Пришвин: он отправляется с читателем на поиски неведомой страны (в данном случае: страны непуганых птиц и в некоторой мере той самой «какой-то Азии»), очертив ее границы согласно реальной топографии. О том, что топоним *Выговский край* для книги является ключевым, говорит и его использование в сильных местах текста – начале или конце того или иного очерка. Топоним *Выговский край* используется Пришвиным только в книге «В краю непуганых птиц» и обозначает не только место, но и определенное время: несмотря на то, что действие романа-сказки «Осударева дорога» разворачивается в тех же местах, Выгозеро времен строительства Беломорканала – это уже не *Выговский край*, который был так дорог Пришвину. Вероятно, топоним этот постепенно стал для него в какой-то степени сакральным и интимным, ведь не только из боязни быть непонятым писатель в конспекте одного из выступлений 1933 г. правит *Выговский край* на описательное «то место Карелии, где прошел теперь знаменитый Беломорский канал» [Пришвин, 2009, с. 312]. Даже в дневниках, содержащих черновики (или как называл их Пришвин, «леса») к «Осударевой дороге», Пришвин не называет те места *Выговский краем*. Вспоминая спустя 40 лет свое первое путешествие в Карелию, Пришвин пишет: «он указал мне и место “Выговский край”, по которому прошел впоследствии Беломорский канал. <...> Это путешествие в 1905 году, и работа моя по записи сказок, описанных в первой книге моей «В краю непуганых птиц», было в точности осуществленное путешествие в Азию в 1882 году, и жизнь между этими датами, 23 года были истрачены только затем, чтобы вернуть меня от сказки о прекрасной Азии в сказку о крае непуганых птиц» [Пришвин, 2013_а, с. 700-701].

В отличие от топонима *Выговский край*, оставшегося только в первой книге Пришвина, исторический топоним **Выгореция** (19) и события прошлого, связанные с этим местом, сближают не только две книги о Выгозере, но и акцентирует внимание читателей на историческом значении мест, где впоследствии был построен Беломорско-Балтийский канал.

Выгорецию мы относим к хоронимам не по принадлежности денотата к определенному роду объектов, а в соответствии с его художественной ролью. *Выгореция* фактически является экклезионимом, так как представляет собой вариант названия старообрядческого монастыря Выговская поморская пустынь. Другие названия монастыря – *Выговское общежитие*, *Даниловская пустынь* – также используется Пришвиным в очерках, но несколько реже, и отсутствуют в романе «Осударева дорога». Топоним *Выгореция*, образованный путем сложения основ «Выг» и «рек», благодаря прибавлению суффикса -иј-, схож по форме с названием государства, и его фонетический и морфемный облик призваны придать имени собственному значение обширности и значимости, чем пользуется Пришвин в экспозиции к «Осударевой дороге»: «было мне лет тридцать, когда я отправился в тот самый край, где мои предки-старообрядцы боролись с царем Петром и в государстве его великом создавали свое “государство” – известную Выгорецию» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 8]; «так мало-помалу на Севере внутри великого государства Петра стало расти другое не совсем дружественное ему государство Выгореция» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 21]. Экклезионим в «Осударевой дороге» разрастается до хоронима и заменяет *Выговский край*, называя уже не только монастырские постройки, пусть и занимавшие достаточно обширные территории, но и весь столь дорогой Пришвину край. Беломорско-Балтийский путь строят в *Выгореции*, он проходит по *Выгореции*, да и «Петр со своими кораблями по Выгореции» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 22] проходил, хотя в очерке 1906 г. в соответствии с историческими фактами Пришвин отмечал, что Петр прокладывал дорогу «недалеко, всего в пятидесяти верстах» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 151] от монастыря.

Модель *оттопонимический адъектив* + «край» Пришвин использует для активизации коннотативного значения самобытности какой-либо местности, которое, безусловно, вмещает слово «край» (а слово это содержится даже в заглавии книги). *Обонежский край* (1) имеет аллонимы *Обонежье* (3), *Обонежская страна* (1) и исторический *Обонежская пятина*

(1). И если *Обонежский край* используется для локализации действия в современном автору пространстве («В Обонежском краю по пути мне удалось ознакомиться с двумя городами» [Пришвин, ПСС, с. 57]), то остальные перечисленные онимы Пришвин берет для знакомства читателя с прошлым этой земли («Вся эта дикая лесная Обонежская страна в то время была бесконечно богата пушными товарами» [Пришвин, ПСС, с. 54] и др.), разграничивая таким образом временные промежутки в пределах одних пространственных координат.

Хороним *Карелия* (4) можно найти в книгах Пришвина о Русском Севере дважды. Впервые этот топоним встречается в книге «За волшебным колобком»: «и чем дальше от монастыря, тем лучше я себя чувствую, чем дальше, тем больше море покрывается дикими скалами, то голыми, то заросшими лесом. Это Карелия – та самая Калевала, которую и теперь еще воспевают народные рапсоды в карельских деревнях Архангельской губернии» [Пришвин, ПСС, с. 251], при этом имя прилагательное *карельский* используется в текстах достаточно активно, но – как образованное от этнонима «карелы». Места, которые описает Пришвин в книге «В краю непуганых птиц», хоть и находятся на территории современной республики Карелия, не являются основными ареалами проживания карелов. Данные 2008 г. говорят о том, что доля представителей этого народа среди населения Сегежского района составляет менее 5% [Доля карел в Карелии, URL]. В указанном выше контексте *Карелия* используется писателем как языческое, природное, естественное противопоставление *Соловецким островам*, посещение которых оставило герою Пришвина в основном неприятные впечатления. О *Карелии* Пришвин вспоминает также в повести «Берендеева чаша», когда рассказчик делится с пинежанином услышанным в *Карелии* заговором против медведя. Это упоминание отсылает читателя 30-х к ранним произведениям Пришвина и к его биографии.

Другой раз писатель, описывая подмосковные Туголянские озера, вспоминает *Карелию* как место, «где даже лесному человеку становится

жутко в лесном безлюдье и кажется, что вот-вот как-нибудь ни с того ни с сего только от этого безлюдья и кончишься» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 504].

Связано ли отсутствие описания *Карелии* и, соответственно, этого топонима с фактом (фактом ли?), упомянутым Пришвиным намного позже, в дневнике 1922 г., в тексте, имеющем заголовок «Чувство масс» («Я однажды уговорил одного молодого человека уехать с собой на север, поделил весь север на две половины, – Карелию отдал ему, Лапландию взял себе, у меня вышла книга “Колобок”, а он завяз где-то в болоте и не только ничего не написал, а дал слово никогда больше не ездить в глухие места» [Пришвин, 1995, с. 268]), установить не представляется возможным, однако земля саамов, или лопарей, *Лапландия* (34) описана в книге красочно. Хороним *Лапландия* встречается в основном в третьей главе первой части «Волшебного колобка», посвященной путешествию Пришвина по этим местам и общению с саамами, но *Лапландия* приобретает основные коннотативные значения, которые будут либо контрастировать с дальнейшими впечатлениями, либо соответствовать им, именно во время предвкушения поездки в эти места. Так или иначе, все окказиональные коннотации топонима *Лапландия* развивают утраченную в современном языке коннотацию ‘глухомань’ [Отин, 2004, с. 208]. Пришвин думает о *Лапландии* как о первобытной стране волшебников и чародеев: «если идти по краю лесов, то можно, обогнув все море, добраться до Лапландии, а там совсем первобытные лесные места, страна волшебников, чародеев» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 185], но в конце путешествия его настигает отчаяние: «как и зачем я попал в Лапландию? Эти люди такие же грубые и обыкновенные, как наши мужики. Наши пасут коров, а эти – оленей» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 278]. Он ожидает познакомиться с кочевниками («Пароход сейчас увезет меня с Соловецких островов, и через неделю я попаду в Лапландию, к кочующему народу» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 250]), а выясняется, что народ называется «кочующим» только потому, что «что один живет у камня, другой – у Ягельного бора, третий – у Железной вараки»

[Пришвин, ПСС, т. 1, с. 267]. Герой надеется увидеть страну солнечных ночей («в Лапландии, настанут настоящие солнечные ночи» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 201]), но ему несколько ночей подряд мешает увидеть северное солнце погода. Он ожидает одиночества («потом, когда я поеду в Лапландию, вероятно, людей не будет, останутся птицы и звери» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 201]), но почти все время проводит в компании саамов да еще и вынужден познакомиться с местным русским чиновником. Предвкушение встречи с *Лапландией* у героя вновь связано с детскими переживаниями, как это было перед поездкой в *Выговский край* в «Краю непуганых птиц»: «мне рассказывают в пути, что рыбы и птицы там непочатый край, что там, где я пойду, лопари живут охотой на диких оленей, медведей, куниц... Меня охватывает настоящий охотничий трепет от этих рассказов; больше, – мне кажется, что я превратился в того мальчугана, который убежал в неведомую, прекрасную страну» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 252], – и вновь, и не последний раз он убеждается, что «страна, которую ищут дети, есть, но только она без имени, без территории» [Там же], и все равно продолжает поиски.

Хороним *Коми* (27) встречается в книгах «Берендеева чаша» и «Корабельная чаша». Если в первом произведении этот топоним употреблен как название административное (всего – 4 раза и всегда со словом *область*), то во втором *Коми*, оставаясь реальным топонимом, указывает на местоположение Корабельной чаши (впервые о *Коми* упоминает лесник Антипыч: Корабельная чаша находится, по его словам, «там где-то, в каком-то государстве маленьком, вроде Коми» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 221]), поэтизируется и, вместе с *Чашей*, мифологизируется. *Коми* в «Корабельной чаше» – это не просто одна из автономных республик Советского Союза, это «государство» и даже «царство». Однако, не всегда: топоним *Коми* в книге «меняет» свой статус в зависимости от целей автора или рассказчика. Есть реальная *республика Коми*, *область Коми*, где находятся леса, не используемые в хозяйственных целях («...там, в области Коми, такие леса еще есть, и Корабельная чаша – совсем не сказка» [Пришвин, ПСС, т. 6,

с. 265]; «триста лет ее берегли в республике Коми» [Там же, с. 348]; «это означает, что с этого места начинается область Коми, – область немеряных лесов» [Там же, с. 403]), а есть *государство Коми, царство Коми*, то, о котором пинежские старики рассказывали своим внукам, а лесник Антипыч – Васе Веселкину, указывая на Корабельную чащу, что растет в этом царстве как на пример жизни во имя правды («Бывало, старики начинают *манить*, вот и думаешь, сам еще маленький, – это они нас, ребят, заманивают в царство Коми. <...> Речки Кода и Лода, по их словам, будто бы там и начинались, в царстве Коми. И там протекала большая река, всем тамошним рекам река, Мезень» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 265-266], – говорит Мануйло Веселкину; «есть у нас возле реки Мезени в маленьком государстве Коми Корабельная чаща» [Там же, с. 349], – начинает свою, как это подчеркивается рассказчиком, *притчу* бухгалтер лесосплава на Верхней Тойме Иван Назарыч). В *царство Коми* дети не верили. «Так мы и думали с детства – нет на свете никакого царства Коми и нет немеряных лесов и Мезень-реки, и все это держится только на сказках для нас, маленьких» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 266], – рассказывает Мануйло. Реальный и общеизвестный топоним *Коми* в этом контексте, с одной стороны, мифологизируется, с другой стороны создает легкий комический эффект: дети не верили в реально существующее место, в место с реальным именем. Двойственная презентация республик-царства *Коми*, складывающаяся в середине романа, закрепляется за топонимом и реализуется имплицитно и далее. «Ребятишки зашевелились», когда в избу вошел человек со словами «я из Коми иду» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 266] – автору не требуется объяснять, почему «ребятишки зашевелились», топоним *Коми* делает это за него. *Коми* в «Корабельной чаше» не соответствует реальным границам республики, *Коми* – это область вокруг Чащи, она не так обширна, как реальная республика Коми. «Так повелось в области Коми, что кто-нибудь очень пожилой, потерявший силу работать в семье, уходил на Звонкую сечу и там жил» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 409], – говорится об одном из обычаев, и ясно, что под *областью Коми* здесь

понимается не вся республика Коми, а та ее часть, что находится рядом со *Звонкой Сечей*.

Хороним *край Живого наволока* (2) есть пример внутритекстовой топонимизации мифического понятия. Словосочетание «живой наволок» появляется в «Осударевой дороге» в заголовке 26-ой главы, в которой Куприяныч говорит Зуйку, что там «наша земля, живой наволок, там нас ждут» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 136]. В 30-ой главе поясняется, что такое *живой наволок*: «бурная река где-то далеко впереди, разогнавшись на прямом пути, с бешеной силой ударяется в скалистый берег, заступающий путь воде на повороте. Вымывая плодоносные частицы из бесплодного камня, река несет их на другую сторону и там создает наволок плодородной земли. Живой наволок все растет и растет, постоянно принимая к себе новых и новых гостей из далекого их материнского леса» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 152]. Тут же понятие «живой наволок» превращается из географического термина в философскую категорию: «люди тоже, как все живое на свете, ищут свой живой наволок и тоже подчиняются этой силе, увлекающей искать лучший край» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 152]. В этих контекстах *живой наволок* остается именем нарицательным. Именем собственным он становится, пройдя через сознание мальчика Зуйка: «сейчас Зук, промокший, озябший, усталый, не думал больше о соблазнителе, сулившем ему царство в природе, где ему не надо будет трудиться, и даже не слышал больше и голоса своего начальника, взявшего власть над его путешествием в край Живого Наволока» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 162]. Если принять все творчество Пришвина за единую систему, можно говорить о любопытной реализации концепции «живого наволока», представленной в «Осударевой дороге», в одном из эпизодов романа «Корабельная чаща»: «низкие наволоки желтеют от наседающих на них незаконных хлыстов» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 337]. То есть, иными словами, автор говорит, что в лучшие края привлекают множество ненужных людей.

В «северных» произведениях Пришвина мы находим несколько специфических хоронимов, обозначающих такие приморские регионы, как берега. Бинарную оппозицию составляют беломорские *Летний берег* (6) и *Зимний берег* (2) – западный и восточный соответственно, – однако ее смыслообразующий потенциал не реализуется в очерках Пришвина: топоним *Зимний берег* (как и *Терский берег* (1)) выполняет лишь дифференциально-локализирующую функцию, *Летний*, где Пришвин находится на одном из этапов путешествия, характеризуется «тягостной картиной жизни» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 326], но *Зимнему берегу* не противопоставляется. Считается, что «для названия берегов использованы старинные поморские понятия: зима – ночь – север, лето – полдень – юг» [Попов, 1990, с. 22]

Мурманский берег (4), или *Мурман* (25) – один из хоронимов, которым в тексте автором дается этимологический комментарий: «из разорванных утренних туманов показывается черный Мурман, будто старик с седой бородой. Мы теперь в ближайшем соседстве с Норвегией; самое слово Мурман происходит от норвежского Норман» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 323]. Версию происхождения топонима Пришвин, скорее всего, услышал от кого-то из местных жителей, и, описав ее в книге, опередил и кольского краеведа И. Ф. Ушакова, объяснявшего именно так происхождение этого имени, и М. Фасмера, давшего *Мурману* такое определение: «название части побережья Сев. Ледовитого океана, а также его жителей, др.-русс. урмане “норвежцы” (Лаврентьевск. летоп.)» [Фасмер, 2008, т. 3, с. 13]. «Если быть точным, норманнами в средние века называли в Европе все воинствующие племена, населявшие Скандинавию (от скандинавского «northman» – «северный человек») [Попов, 1990, с. 24], – справедливо отмечает С. В. Попов.

Важно, что Пришвин дает этимологию топонима *Мурман* в максимально уместном контексте: при приближении к Норвегии и при сравнении берега со стариком, а не при первом же употреблении этого топонима в тексте; до этого пояснения *Мурман* использовался 8 раз. Так

Пришвин открыто актуализирует внутренний потенциал топонима с заложенным в него этимологическим значением. Этот короткий комментарий становится средством художественной выразительности и усиливает сравнение. Тем интереснее характерное для Пришвина развенчивание только что созданного им самим мифа, неожиданная метаморфоза: «туманы поднимаются выше и выше, и вот перед нами не старик, а древний окаменелый слон свесил громадный хобот в океан и пьет воду» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 323]. В книге «За волшебным колобком», где топоним встречается 23 раза, Пришвин трижды характеризует его эпитетом «черный», один раз тот же эпитет сопутствует аллониmu *Мурманский берег*, что дополнительно связывает оба варианта. Этимологизация имени *Мурман* актуализирует в контексте книги «За волшебным колобком» также универсальный для германских языков компонент *Mann* именно в значении «мужчина»: в становище, где оказывается герой, высадившись на Мурманский берег, нет ни женщин, ни грудных детей, только *мужчины-поморы*.

Поморье (30) – достаточно нейтральный хороним, выполняющий в произведениях Пришвина в основном дифференциально-локализирующую функцию. Интересно, однако, то, как границы *Поморья* (о них и у ученых до сих пор нет единого мнения) меняются от контекста к контексту. Если в книге «В краю непуганых птиц» к *Поморью*, по мнению Пришвина, относится фактически Выговский край и даже Олонецкая губерния, то в процессе общения с самими поморами в «Волшебном колобке» оказывается, что в особом смысле «Поморье – это не весь берег Белого моря, а только несколько богатых сел, ведущих торговлю с Норвегией» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 328]. Именно это значение реализуется в романе «Осударева дорога»: на Выгозере ждут «приезда из Поморья почетного гостя, промышленявшего морских зверей» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 24]. Пришвин по отношению к деревням бедного Летнего берега Белого моря использует даже другое название – **Беломорье** (1): «здоровая, веселая, свободная жизнь, совсем

незнакомая жителям средней России и даже тем деревенькам Беломорья, которые расположились на Летнем берегу против Соловецкого монастыря» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 324]. *Поморье* – это «единственный мне известный угол России, где люди гордятся своей родиной. Поморов принято считать цветом русской народности, но сами они не любят связывать себя с Россией» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 328], – пишет Пришвин в «Колобке» и делает связь *Поморья с Россией* парадоксальной. «Мы не от России дышим. Что нам Россия: позади мох, впереди вода», – несколько раз повторяются в книге «За волшебным колобком» слова помора, и *мы (Поморье)* оказывается здесь и вовсе не *Россией*. Хороним *Поморье*, таким образом, является одним из многочисленных ключей к пришвинскому осознанию *России*.

Топоним *Самоедская земля* (1) использует в своем рассказе моряк, везущий богомольцев на Соловецкие острова. Здесь обыгрывается полисемия слова-индикатора *земля*: «...молитесь богу, надейтесь на него. Нужны мы ему на земле – найдет нам и в океане землю. Есть Новая Земля, есть Самоедская земля, мало ли земель есть» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 230]. Когда местный народ был «переименован» из самоедов в ненцев, *Самоедский берег (земля)*, также стал называться *Ненецким*.

Полярный круг (13), название условной линии, также можно отнести к хоронимам. Не имея материального деривата, топоним *Полярный круг* не способен выполнять облигаторную для литературных топонимов локализирующую функцию, поэтому его использование в тексте в большинстве случаев обусловлено в первую очередь художественными целями. Это подтверждают примеры из произведений Пришвина. В книге «За волшебным колобком» *Полярный круг* является экстремальной оппозицией родины писателя, черноземной России («Если я пойду за ними, думаю я, налево, то приду не на Север за Полярный круг, а в родную деревеньку в черноземной России» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 185]), теплой Италии («Можно подумать, что я не у Полярного круга, а где-нибудь в Италии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 246]), тропическим странам («И мне кажется полным значения то, что вот

мы тут, далеко за Полярным кругом, вблизи вечных льдов Новой Земли, любуемся голубыми блестками, прибежавшими сюда из тропических стран» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 312]), а в рассказе «Заполярный мед» – традиционно «медовым» регионам Центральной России («Среди множества текущих открытий в нашей стране это открытие еще совсем незаметно, и никто не может назвать Колумба этой новой медовой страны за Полярным кругом» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 385]). Осознание *Полярного круга* как явления («Лапландия находится за Полярным кругом, – думаю я, – летом там солнце не заходит, а зимой не восходит» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 253]) и пребывание в Заполярье важно для героя «Волшебного колобка» как осознание собственных достижений: глава «Кандалакша» начинается с констатации факта: «я за Полярным кругом» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 254].

Топоним *Полярный круг*, являясь и для автора-героя, и для среднестатистического читателя местом, находящимся за рамками обыденности, но в то же время известным, в отличие от многих других северных топонимов, становится хорошо «работающим» средством художественной выразительности.

Хороним *Полярный круг* писатель использует в 10 из 15 случаев в книге «За волшебным колобком», а хороним *Заполярье* (26) Пришвин употребляет только в рассказе начала 1950-х гг. «Заполярный мед», подчеркивая смелость новаторов, решившихся на разведение пчел в столь диком месте.

Хороним *Крайний Север* (13) содержит в себе компонент со значением предельности, и Пришвин использует этот оним именно в тех контекстах, где северные края (как Русский Север, так и северные области Норвегии) осмысливаются как тяжелые для жизни места: «я приучил уже себя к чувству сострадания к людям Крайнего Севера» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 350]; «нужно быть на Крайнем Севере, чтобы понять, как звучат эти “занавесочки” и “венские стулья”. Все это не обстановка мещанского существования, а символы мужества, силы, терпения» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 351]; «никакая

самостоятельная культура на Крайнем Севере невозможна. Невозможно искусство, литература» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 379]. Хороним *Беломорский Север* (1) мы встречаем в повести «У стен града невидимого», где топоним обозначает историко-культурный регион: «даже на далеком, знакомом мне Беломорском Севере не сохранился так старинный русский быт» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 379], а также апеллирует к фактам пришвинской биографии.

Хороним *Север* и его аллоним *Северный край* (в общей сложности 109 употреблений) является в произведениях Пришвина самым употребляемым топонимом Русского Севера и, по сути, синонимичен понятию *Русский Север* в нашем восприятии. Хороним используется писателем как общее название для этого самобытного региона России. Во многих контекстах *Север* имплицитно противопоставлен *югу*: «кто никогда не бывал в нетронутых культурой уголках нашего Севера и знает родной народ только по представителям, например, черноземного района, того поразит жизнь северных людей» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 72]; «с закатом солнца на Севере почти не происходит никаких перемен, по-прежнему светло» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 98]; «на Севере, знакомясь с народными верованиями, надгробными плачами и похоронными обрядами, можно почувствовать себя вдруг среди славян-язычников» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 76] и т. п. В некоторых контекстах *Север* противопоставляется *югу* эксплицитно: «сенокос на Севере – совсем не то, что в южных, счастливых местах» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 99]; «будто наши южные степи откликнулись сюда, на Север» [Там же, с. 193]. *Север* в некоторых контекстах противопоставлен всему остальному миру вообще: «неужели же и здесь, на Севере, то же, что и везде?...» [Там же, с. 341], – вопрошает главный герой книги «За волшебным колобком», когда его чуть не постигает разочарование в северных людях; отсутствие топонима в указанном отрывке не помешало бы пониманию текста, однако в таком случае бы пострадала бы его выразительность. Полковник, которого встречает герой по пути в северные края, признается: «я убегаю на Север от газеты...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 119]. Места, где можно укрыться

даже от газеты, становятся в оппозицию ко всему цивилизованному миру, и топоним приобретает еще один смысл, который потенциально может быть воплощен во всех последующих контекстах.

В поздних автобиографических произведениях Пришвина топоним *Север* выполняет роль хронотопного индикатора: «перед войной, когда жили мы не спеша, удалось мне до самого океана пройти весь Северный край» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 592]; «было это без пяти лет тому назад полстолетия, когда я бродил пешком по Северу и записывал сказки» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 402]. Топоним соединяет первые книги Пришвина с поздними воспоминаниями и указывает не только на место, но и на время: 1905-1907 гг. Именно *Север* вообще, а не какой-то отдельный населенный пункт или точка становится для Пришвина своеобразной частью родины: «я так много отдал души своей Северу, что кажется, будто Север стал продолжением моей родины» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 402].

Ойконимы, урбанонимы, агронимы и дримонимы Русского Севера

Говоря о своем первом путешествии на Север и изучении «края непуганых птиц», Пришвин раскрывает свой метод познания того или иного края: «вместо того чтобы употребить свое время на «путешествие» в полном смысле этого слова, то есть передвижение себя по этим обширным пространствам, мне казалось выгоднее поселиться где-нибудь в их характерном уголку и, изучив этот уголок, составить себе более верное суждение о всем крае, чем при настоящем путешествии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 45-46]. Таким уголком и стала деревня ***Карельский остров*** (73). *Карельский остров* является, по сути, центральным топонимом книги «В краю непуганых птиц» и одним из важнейших топонимов романа-сказки «Осударева дорога». Место, откуда герой-автор собирается изучать жизнь «края непуганых птиц», должно представлять собой Выговский край в миниатюре и «говорить» с героем на правах характерного представителя Выгозера. Карельский остров как нельзя лучше отвечает этому требованию. Во-первых, деревня находится «как раз посередине длины Выгозера»

[Пришвин, ПСС, т. 1, с. 61]; во-вторых, к празднику здесь собираются люди «и из Телекиной, и из Данилова, и даже из залесной глухой сторонушки Пулозера и Хижозера» [Там же, с. 91]; отсюда видно и бескрайнее озеро, и леса, слышен шум Воицких водопадов. В общем, Карельский остров был, по словам героя-автора, местом совершенно типичным для Выговского края и, живя здесь, на Карельском острове, он чувствовал себя так, будто живет «в одной деревне, раскинувшейся на громадном пространстве между Повенцом и Поморьем» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 90]. Удивительно, что название деревни *Карельский остров*, обладающей всеми перечисленными признаками, так им соответствует. Компонент названия *Карельский*, конечно, означал когда-то, что в деревне жили карелы, которых на Выгозере немного (по данным 2008 г., в Сегежском районе республики Карелия, в границах которого располагается Выгозеро, проживает менее 5% карел [Доля карел в Карелии, URL]).

С одной стороны, пришвинский очерковый стиль предполагает строгую документальность, с другой стороны, как отмечают многие исследователи, Пришвин воспринимал свою жизнь как творчество [Худенко, 1997; Варламов, 2003_а] и вполне мог выбрать место для проживания по названию – чтобы в его будущую книгу попало именно оно, соответствующее художественным целям.

Другим важнейшим для пришвинского Севера населенным пунктом является село *Надвоицы* (24), где разворачивается часть действия романа «Осударева дорога». В *Надвоицах* Пришвин бывал в 1906 г., недалеко от села наблюдал за *Воицкими водопадами* и слушал «досюльщину» принявшего писателя на ночлег местного жителя Сергея Мироновича – его в «Осударевой дороге» Пришвин сделал дедом Зуйка и братом Марии Мироновны, прототипом которой стала жительница деревни Карельский остров Любовь Степановна. О прототипах этих героев Пришвин рассказал в предисловии к роману-сказке. Изначально село *Надвоицы* стало одним из основных мест действия этого произведения из-за близости к Шлюзу №10 Беломорско-

Балтийского канала, строительство которого Пришвин и хотел изобразить в книге, так как он очень впечатлил писателя во время путешествия 1933 г., а «в Надвоицах... строительство узла было виднее, чем где бы то ни было» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 120]. В дневниковой записи от 2 августа, где Пришвин подводит итоги путешествия, читаем: «шлюз № 10 Канала самое замечательное звено ББ канала, потому что шлюз этот связан с плотиной, замыкающей реку Выг так, что значительная часть воды Выг-озера, не находя обычного выхода, бросается в стороны, от этого берега озера расширяются, острова тонут, вообще создается новая география, и даже железнодорожный путь приходится переносить. <...> Из всей массы своих впечатлений я выберу [происходящее] в Надвоицах, для меня самом интересном узле всего канала» [Пришвин, 2009, с. 287, 291]. Это название, однако, очень удачно вписывалось в общую топонимическую картину, имея тот же корень, что и *Надвоицкий падун*, *Воицкое озеро*. В конце романа Уланова вспоминает, как они с Сутуловым впервые оказались в *Надвоицах*: «а ты помнишь, Саша, то время <...>, когда мы приехали в Надвоицы и попали за стол к староверам и как разгорелся у нас спор о том, как надо по-настоящему жить: вот именно, как должно или по своему желанию» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 206]. Возможно, название села, которое при восприятии на слух перекликается со словом «*надвое*», поддерживает идею двух противоположных взглядов на жизнь.

В тексте романа «Осударева дорога» присутствует также селение *Медвежья Гора* (8), с 1938 г. являющееся городом Медвежьегорском. Там находилась база ОГПУ по строительству всего Беломорско-Балтийского канала. Пришвин, сохранив реальное название села, удачно обыгрывает его в романе. *Медвежья Гора* при первом же упоминании посредством метонимического переноса сближается с образом безликого (или имеющего лик медведя?) начальника: Сутулов разговаривает по телефону «с Медвежьей Горой» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 43], Уланова получает приказ «от Медвежьей Горы» [Там же, т. 6, с. 52], и метонимию, обычную для разговорной речи, совершенно иначе воспринимает ребенок Зук: «как это может гора

приказать?» [Там же]. Интересно, что в «Осударевой дороге» название используется в двух вариантах: *Медвежья гора* и *Медвежья Гора*. Связано ли это с тем, что роман не был закончен, или же это замысел автора (*Медвежья гора* как раз используется в вышеприведенной сцене), нам неизвестно.

Надо сказать, что топоним *Медвежья гора* заинтересовал Пришвина еще во время путешествия 1933 г. «*Медвежья гора* стало сокращенное письменное М-гора., а из этого вернулось в разговорную речь как *Эм-гора*. И это все правильно, все это словесное переустройство соответствует содержанию: Медвежья гора и Эмгора: на Медвежьей горе жили медведи, на Эмгоре расположилась теперь база ОГПУ по строительству О[него]-Беломорского канала» [Пришвин, 2009, с. 276]. Приведенная цитата в очередной раз показывает живой интерес Пришвина к именам и к особенностям их связи с денотатами.

Героя-рассказчика книги «За волшебным колобком», захотевшего увидеть «древнюю Русь» и послушать песни о богатырях и сказки о Кашее Бессмертном и Марии Моревне, архангелогородский старик посылает в деревню *Дураково* (10). Название и герою, и читателю кажется шуткой, однако герой Пришвина тут же находит деревню на карте. Находим и мы деревню с таким названием в «Списке населенных мест Архангельской губернии к 1905 году» – она принадлежит к Золотицкой волости Онежского уезда, находится на берегу моря [Список населенных мест Архангельской губернии, с. 164]. Удивительное совпадение – ведь *Дураково*, по выражению прохожего, «самое глухое и самое глупое место» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 186] Архангельской губернии. Благодаря топониму *Дураково* иронично звучит вопрос героя о возможности «из Дуракова на лодке переехать по морю на Святые острова» [Там же, с. 187] и положительный ответ архангелогородца: «это старинный путь богомольцев в Соловецкий монастырь» [Там же]. Настроенный тогда по отношению к церкви довольно холодно, Пришвин изумительно тонко использует реальный топоним в художественных целях.

Польский филолог Ф. Апанович справедливо отмечает: благодаря тому факту, что в поисках древней Руси герой попадает в деревню с таким названием, «уже в самом начале [книги «За волшебным колобком»] значительно сильнее, чем в первой книге, ощущается игровое начало, двусмысленность, взаимообратимость понятий и образов» [Апанович, 2002, с. 15].

В апреле 1911 г., когда писатель постоянно живет в Великом Новгороде, куда он уезжает из-за того, что «в Петербурге нет возможности содержать такую семью» [Пришвин, 1991, с. 65], Пришвин посещает деревню Сергово, находящуюся на берегу озера Ильмень, между Клопским и Перекомским монастырями. Село *Еруново* (7), где разворачивается основная часть действия рассказа «Никон Староколенный», находится в километре от Сергово.

О новгородском периоде жизни Пришвина известно немного, мнения о том, где конкретно жил Пришвин – в самом Новгороде или в деревне Песочки в 80 км от города, – расходятся [см. Дроздов, Крылова-Устьянская, 2013], однако то, что Пришвин был хорошо с Новгородом знаком, – бесспорный факт.

Новгород (24) был для Пришвина свидетельством существования сказочного прошлого, в котором «была сказочная страна Господин Великий Новгород» [Пришвин, 2007, с. 599], это был «город сурового величия» и старинных церквей. Пришвин часто подчеркивал новгородскую составляющую культуры Русского Севера, так как «для него она символ древней, исконной Руси» и «непуганой» русской истории [Пискулин, 2010, с. 230]. Одновременно с этим город *Новгород*, представленный в рассказе «Никон Староколенный», в конкретном и современном Пришвину своем воплощении – город падения («Читают о падении Новгорода, сводя его к внутренним причинам: внутреннее разложение и отсюда сила врагов» [Пришвин, 2007, с. 603], обветшания, измельчания («Вид Новгорода: видны старинные церкви, а новые незаметны [нет пропорции], и между старыми

высокими церквами маленькие домики» [Там же, с. 602]), город, где колокола звонят так печально, как нигде не звонят [Там же, с. 597]. Контраст этот вторит одной из идей рассказа «Никон Староколенный», где образ обветшалой, ослабевшей, выцветшей сказочной старины как нельзя лучше передан с помощью образа *Новгорода*, где теперь «только на пожары и собирается народ» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 493], и который, по мнению предчувствующих Апокалипсис мужиков, стоит на грани исчезновения от затопления *Ильмень-озером*: «от веков сжатая рука Спаса Вседержителя ныне разжимается» [Там же, с. 498]. Представление о том, что Новгород не затоплен только «оттого, что в Писании не указано быть залиту Новгороду» [Пришвин, 2007, с. 590], развернутое в рассказе «Никон Староколенный» в разговоре Никона и печника Тихона из *Старой Руссы*, также услышано где-то в Новгороде Пришвиным от местных жителей [см.: Пришвин, 2007, с. 590].

В *Новгороде* находится трактир «Капернаум», тезка «Капернаума» охтинского. Чтобы сведущий читатель не запутался, в рассказе «В “Капернауме”» Пришвиным дана сноска, поясняющая, какое именно заведение имеется в виду. В «Капернауме» ведутся религиозно-философские споры местных доморожденных философов, староверов и сектантов. Этой особенности соответствует название трактира, в котором использовано имя древнего города, где Иисус Христос совершил множество чудес. Однако, согласно дореволюционному Сборнику образных слов и иносказаний И. Михельсона, иносказательно *Капернаумом* называли любое беспорядочное сборище, бестолковое общество [Михельсон, 1912, с. 323], а согласно Словарю русского языка начала XX века *капернаумом* часто назывался кабак или публичный дом [Словарь русского языка, 1907, т. 4, вып. 2, с. 393]. Слово, однако, это активно использовалось в названиях питейных заведений – в Петербурге в XIX веке было, как минимум, два таких трактира: на углу Лиговского проспекта и Курской улицы и по адресу Владимирский проспект, дом 7 [Синдаловский, 2002, с. 84].

Новгород не назван, но узнаваем в рассказе «Отец Спиридон»: «город остановил меня красотой великого множества древних храмов. <...> Жизнь настоящего времени была в этом городе жалкая как рубище нищего. Но терялась мера текущего времени в этом древнем городе, и часто я здесь забывал даже часы завести» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 592-593]. Пришвин в этом рассказе называет *Новгород* «мертвым городом» [Там же, с. 593]

Нельзя сказать доподлинно, бывал ли Пришвин в городе *Старая Русса* (5), однако об этом городе, находящемся к югу от Великого Новгорода, не мог не слышать. В *Старой Руссе* родился и первое время служил А. П. Устьянский, прототип отца Спиридона из одноименного рассказа [см.: Дроздов, Крылова-Устьянская, 2013], с которым Пришвин много общался во время новгородского периода жизни. Имя *Старая Русса* содержит адъективный компонент «старый» – так же, как и прозвище главного героя рассказа «Никон Староколенный», и именно разговор Никона с печником из *Старой Руссы* порождает в Никоне решение идти к государю, а также, как писали в советской литературе, «религиозные галлюцинации» [Хайлов, 1960, с. 25].

Ойконим *Повенец* (34) в первой книге Пришвина «В краю непуганых птиц» входит в состав одного из заголовков. Заглавие «Вступления» («От Петербурга до Повенца») содержит два топонима, называющих две точки данного отрезка путешествия: *Петербург* и *Повенец*. В главе имплицитно представлена оппозиция этих двух городов, в том числе и с помощью их названий. Поговорка «Повенец – всему миру конец» настойчиво следует в тексте Пришвина за ойконимом *Повенец*. Писатель вспоминал эту поговорку много позже и использовал ее в выступлении перед детьми в 1933 г., в конспекте которого отделил первый слог: «По-венец всему свету конец» [Пришвин, 2009, с. 312]. *Петербург* выступает здесь как – в противовес концу – начало: это начальная точка путешествия Пришвина, он является столицей Российской Империи, то есть ее главным, *начальным* городом. *Повенец* – это одновременно конец одного мира и начало другого (здесь нельзя не

вспомнить об этимологическом родстве слов «конец» и «начало»), что и отмечает Пришвин, впрямую опираясь на поговорку: «про Повенец говорят обыкновенно: он всему миру конец. Но, как я уже говорил, для меня с Повенца только и начинался самый любопытный мир» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 59]. Пришвин осознает *Повенец* как «приграничный» город «края непуганых птиц» и, говоря о *Карельском острове*, Пришвин обозначает границы мира, к которому принадлежит эта деревня так: «поселившись на Карельском острове, я чувствовал себя, будто живу в одной деревне, раскинувшейся на громадном пространстве между Повенцом и Поморьем» [Там же, т. 1, с. 91]. В *Повенце* Пришвин впервые сталкивается с северными поверьями («Уже в Повенце мне пришлось из-за этих верований иметь небольшие неприятности» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 134]). *Повенец* накладывает на путешествие героя и исторический контекст, который открыто представлен в очерках: здесь вырос Андрей Мышецкий, организатор Выговской пустыни; «отсюда Петр писал польскому королю Августу: “Мы ныне в походе близ неприятельской границы обретаемся и при помощи божией не чаем праздно быть”» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 156].

Удивительно, но и в других произведениях Пришвина *Повенец* выступает как место *начала* чего-либо: именно в земской управе Повенца Пришвина убедили для добывания дичи купить берданку, которая стала «источником счастья» Пришвина-охотника [см.: Пришвин, ПСС, т. 3, с. 15], в Повенце находится «вход в великий канал, соединяющий моря Белое и Балтийское» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 205]. Все это формирует общий облик *Повенца* в произведениях Пришвина.

Этимология имени *Повенец* прозрачна лишь на первый взгляд: В. Никонов считал, что это «название возникло из приставки по- и корня «венец» – верх, бровка горы, то есть местность по краю возвышенности [цит. по: Керт, 1976, с. 76], однако, с этой точкой зрения трудно согласиться: во-первых, город изначально был селом с названием *Повенцы*, во-вторых, расположен этот населенный пункт на ровном и низменном берегу. Есть и

финские версии происхождения названия. Возможно, в основу названия населенного пункта легло более общее значение корня «венец» – круг, «венчать» – кружить, «повенчать» – покружить. В рассказе паромщика из главы «Волшебного колобка» «По морю на лодке к Святым островам» встречается выделенный курсивом диалектизм «повенчалю» в значении «покружило, обнесло кругом», который отсутствует в Словаре русских народных говоров («Раз обнесло вокруг острова, раз повенчалю, и другой раз повенчалю, и заводится в третий раз» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 229]). Возможно, и название селения *Повенцы* произошло от этого поморского диалектизма.

«Повенец уже относится к краю леса, воды и камня» (Пришвин, ПСС, т. 1, с. 58), – отмечает Пришвин отличие *Повенца* от *Петрозаводска* (10). *Петрозаводск* – также приграничный город, однако он соседствует с «краем непуганых птиц» еще «со стороны» петербургского мира, и факт его принадлежности именно к этому миру закреплен даже в его названии. Один из карельских вариантов названия *Петрозаводска* – *Petrovskoillina*, где компонент *linna* означает «твердыня, город» – делает *Петрозаводск* карельским тезкой «голландского» *Петербурга*. История Петрозаводска и его имени кратко даны Пришвиным в конце вступления к книге «В краю непуганых птиц»: «вся история этого городка сложилась как-то возле неудачных попыток устроить здесь завод. Почин в этом деле принадлежал Петру Великому» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 58]. При этом поселение стало называться, согласно указу Екатерины II, *Петрозаводском* лишь с 1777 г., а до тех пор именовалось *Петровской слободой*.

Имя Петра I связано также с крепостью *Шлиссельбург* (4), называвшейся в новгородские времена *Орешком* (2), а во владении шведов – *Нотебургом* (1). «Вот где, кажется, и вспомнить о делах Петра и вообще подумать над судьбой родины» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 46], – думает повествователь «Края непуганых птиц», изложив коротко историю крепости, но опустив важное обстоятельство, из-за которого, видимо, остальные

пассажиры проходящего мимо Шлиссельбурга парохода «молчат, когда смотрят на белую крепость» [Там же, с. 47] – Шлиссельбург давно был превращен в политическую тюрьму. Образованный читатель начала XX века знает об этом – и тем горше для него звучит содержащая намек, но как будто бы отстраненная от реалий речь героя: «...Словно какие-то болезненные бледные призраки становятся на пути мысли к легким, приятным воспоминаниям о славных делах Петра...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 47], ведь читатель знает, что это за призраки. Ф. Апанович заметил «скрытую иронию в словах о “легких, приятных воспоминаниях о славных делах Петра”, не весьма соответствующих серьезности упоминаемых событий», а также то, что «известной долей иронии окрашены также изменения названия крепости, от остроумного новгородского Орешка до русского... Шлиссельбурга» [Апанович, 2002, с. 5].

Читателя может смутить упоминающийся в текстах Пришвина *Сумской тракт* (1). Никакого отношения к украинскому городу Сумы дромоним этот не имеет, он возник из названия карельского поселения *Сумский Посад*, или *Сума* (2), которое расположено недалеко от впадения реки Сумы в Белое море. Ойконим *Сума*, по мнению финноугроведа Д. В. Бубриха, возник от термина «сумь» (ср. Suomi), обозначающего в древнерусском языке финско-карельские племена Карелии.

Любопытно сравнение русских и финских названий в «Берендеевой чаше»: «есть странные названия, чисто русские, а неприятные: Противна, Еркино, Поганец, и чужие, финские, иногда чудесны: Лавела, Явзора» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 686]. Ойконим *Явзора* (7) так очаровывает автора-рассказчика своим звучанием, содержащим для русского уха слова «явь» и «взор» («Нам особенно понравилась Явзора; это имя так удивительно сочетается с этой явью светозарных ночей: кажется тогда, везде вокруг, на земле и на небе, живет тут прекрасная Явзора. А почему бы и нам не отдаваться свободно очарованию слова? И так мы плывем в какую-то прекрасную Явзору под звуки кукушки и все не можем доплыть: Явзора от

нас как будто все дальше и дальше» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 686-687]), что в одноименной главе превращается в бесконечно холодную великую и светозарную Явзору, которая «глядит сверху равнодушно на меня, и так же на пауков, и на елки, и на малиновое пятно на небе и на воде: она бесчеловечна, ей все равно...» [Там же, с. 690]. В конце главы, однако, *Явзора* развенчивается: «холодная Явзора спустилась на землю стройным рядом человеческих домиков у самой воды» [Там же]. Ойконим *Явзора* произошел от названия близлежащей реки, название которой, по одной из версий, переводится с языка коми как «река, где не застаивается вода» (в местных диалектах – *Ёвсор*).

Гидронимия Русского Севера

В одном из параграфов мы говорили о гидроцентричности творчества Пришвина, здесь же подробнее обратимся к отдельным гидронимам Русского Севера.

Коэффициент озерности Карелии, занимающей одно из основных мест в географии пришвинского Севера, составляет 18%, и этот показатель выше, чем показатели богатых внутренними водами Канады, Норвегии и Финляндии [Мамонтова, 1991, с. 10]. Неудивительно, что, как отмечает Н. А. Трубицина, «символический природный комплекс “вода” <...> является структурообразующим в описании Карелии в книге “В краю непуганых птиц”» [Трубицина, 2013, с. 75].

С. В. Логвиненко назвал Выгозеро центром географического топоса Севера для Пришвина [Логвиненко, 2013_б, с. 11]. Подсчет количества употреблений топонима **Выгозеро** (72) подтверждает догадку елецкого литературоведа. Больше о Севере «говорит» у Пришвина только сам топоним *Север*. *Выгозеро* – это реально существующее озеро и населенные пункты, относящиеся к нему, становятся основным местом действия двух самых объемных произведений Пришвина: книги очерков «В краю непуганых птиц» и незаконченного (как по мнению писателя, так и по некоторым формальным признакам) романа-сказки «Осударева дорога», имеющей с первой книгой

некоторые общие места. Топоним *Выгозеро* становится одним из основных дифференцирующих и локализирующих топонимов этих произведений, при этом ни фонетический облик, ни этимологическое значение образованного от названия реки *Выг* топонима Пришвиным не обыгрывается. В некоторых случаях топоним *Выгозеро* объединяет все поселения, разбросанные по выгозерским островам и по берегу озера в единую общность: «Максимовна – известная по всему Выгозеру вопленица, плакальщица или подголосница» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 74]; «этот даровитый человек больше всех других моих знакомых на Выгозере обладает чистой, непосредственной верой во все чудесное» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 136]. Топоним *Выгозеро* имеет специфическую форму – он содержит слово-индикатор, указывающий на тип денотата: *озеро*. Многие карельские лимнонимы, образованные по той же модели, дают названия близлежащим населенным пунктам – только в произведениях Пришвина мы встречаем несколько таких примеров: деревни *Волозеро* и *Хижозеро*. В предисловии к «Осударевой дороге» Пришвин, желая, вероятно, выразиться максимально понятно для тех, кто не был знаком с его первой книгой, переименовывает топоним *Выгозеро*: «так вот и вышло, что девяти лет я бежал в какую-то чудесную страну, а ровно через двадцать лет открыл ее на Карельском острове озера Выг» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 9]. Использование сочетания *озеро Выгозеро* могло бы породить ненужный каламбур, а *Выгозеро* могло бы быть не понятно простым читателем, незнакомым с особенностями северной номинации. Примечательно, что в дневнике, в «лесах» к «Осударевой дороге», Пришвин использует также вариант *Выг-озеро* [Пришвин, 2009, с. 287]. Нужно отметить, что «карельские, вепские, финские и саамские слова в топонимах часто сочетаются с русским словом «озеро»: Сямозеро, Ондозеро, Ведлозеро, Водлозеро – названия не только озер, но и населенных пунктов, расположенных на них или вблизи их берегов. Подобные топонимы в Карелии так широко распространены, что подчас трудно решить, являются ли они переводом с языка местных жителей или это исконно русские названия,

построенные по подобию прибалтийско-финских» [Керт, 1982, с. 14]. В очерковом «Краю непуганых птиц» несколько раз повторяется легенда о проигрыше воды и рыбы «выгозерским хозяином» хозяину другого озера. В одном случае это «сегозерский хозяин» [см. Пришвин, ПСС, т. 1, с. 92], в другом – «маткозерский водяник» [см. Там же, с. 137]. Характер произведения позволяет предположить, что названия эти переписаны со слов местных жителей. В «Осударевой дороге» Пришвин использует форму этой легенды, только теперь, наоборот, «кижозерский хозяин рыбу свою проиграл выгозерскому» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 30].

Карельскими топонимами отмечается, что «в прибалтийско-финских словах, а следовательно, и в образованных от них топонимах, ударение всегда на первом слоге. Поэтому должно произносить Лóгморучей, Вы́гостров <...>. Подобно им произносятся русские по форме топонимы: Свя́тозеро, Со́колозеро. И все же русское население, не вникая в местные произносительные особенности, нередко переносит ударение на другие слоги» [Керт, 1976, с. 34]. Значит, вопреки расхожему и более естественному для русского языка прочтению, центральный топоним пришвинского Севера нужно читать, ударяя первый слог: Вы́гозеро.

Гидроним *Кижозеро* (13) является аллонимом гидронима *Хижозеро* (1), который, в свою очередь, имеет ойконим-омофон, встречающийся в книге «В краю непуганых птиц». Из контекста следует, что деревня *Хижозеро* (наряду с *Пулозером*) – ближайшая к *Выгозеру* деревня полесников, а значит, если верить Пришвину-этнографу, озеро *Хижозеро* до строительства было одним из ближайших к *Выгозеру* озер (на современных картах обнаружить нам его не удалось). При этом стоит помнить, что Пришвин побывал на Беломорско-Балтийском канале тогда, когда он уже был открыт, и места, описанные в «Осударевой дороге», должен был восстановить из впечатлений от первой поездки. Многие топонимы, соответственно, также были им взяты из первой книги. Одна из дневниковых записей ярко свидетельствует о том, что, хотя топонимическое пространство «Осударевой дороги» и реально,

место действия романа определялось по воспоминаниям и фотоснимкам: «из снимков выясняется, что Надвоицкий водопад вместе с Шаваньской водосливной плотиной и другими искусственными сооружениями являются материалом для главного моего рассказа “Взрыв аммонала”» [Пришвин, 2009, с. 296]. В своей работе мы рассматриваем напечатанную, согласно воле автора, первую редакцию романа, однако известно, что в 1949 г. Пришвин соглашался перенести место действия на гражданское строительство «Новый свет» [см. Пришвина, 1984_а, с. 424]. Рискнем предположить, что, в сравнении с документально поданной топонимией «Края непуганых птиц» топонимия «Осударевой дороги», хоть и системна, но не строго документальна. Кроме того, ономастика романа-сказки, как неизданного произведения, может быть не до конца проработана и местами не приведена в систему по внелитературным причинам. Об этом может свидетельствовать пример из сферы антропонимики романа. Из главы «От автора», написанной позже, чем основной текст, опубликованный в собрании сочинений 1986 г., мы узнаем, что отца Зуйка звали *Герасим*: «этот славный мальчишка был семнадцатым внуком одного рыбака, знакомого мне еще двадцать пять лет тому назад. <...> Лучшим охотником в краю из его сыновей был Герасим, отец Зуйка» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 13], а в главе «Финский кофей» читаем: «...чтобы спасти от смерти больного мальчика, сына Осипа Сергеевича, семнадцатого внука Сергея Мироныча» [Там же, с. 24]. Топонимы *Кижозеро* и *Хижозеро* употребляются в романе параллельно, хотя и с количественным перевесом в пользу первого. В заметках, относящихся к «Осударевой дороге», Пришвин, напротив, использует вариант *Хиж-озеро* [см.: Пришвин, 2013_б, с. 85-86]. Само *Кижозеро* в романе противопоставлено *Выгозеру* не только в эпизоде с проигрышем рыбы и воды. Именно в сторону *Кижозера* Зуек уходит вместе с Куприянычем, и именно его берег принимает на себя роль спасителя тех, кого «предало» *Выгозеро*. Интересно, что Пришвин выбирает для озера-спасителя имя схожее по форме с *Выгозером*, но не использует, например, лимноним

Маткозеро (2). Не использует он, правда, и схожий по звучанию топоним *Сегозеро* (3) из «Края непуганых птиц».

У Пришвина встречаются и другие названия, созданные по той же северной модели: *Вардозеро* (1) *Волозеро* (1), *Коросозеро* (6), *Пурнозеро* (1), однако они выполняют в текстах лишь дифференциально-локализирующую функцию.

Внимание Пришвина к топонимам обнаруживается в следующем пассаже из «Края непуганых птиц»: «Онежское озеро называется местными жителями просто и красиво “Онего”, точно так же, как и Ладожское в старину называлось “Нево”. Жаль, что эти прекрасные народные названия стираются казенными» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 51]. Пришвин, опираясь на топонимы, видит озеро в двух разных ипостасях: *Онего* (23) – огромное и страшное, как море, озеро былин и сказаний, озеро грандиозных водопадов; *Онежское озеро* (19) – «северный “водоем”, раскинувшийся на карте в виде громадного речного рака, с большой правой клешней и с маленькой левой» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 52], *Онежское озеро* – это не *Онего*, оно «совсем другое», его можно измерить, *Онего* же измерить нельзя, так как оно является не столько материальным фактом, сколько духовным достоянием местных жителей. «Кто немного ознакомился с народной поэзией, все еще сохраняющейся на берегах этого “славного великого Онего”, тому назвать его Онежским озером, ну... назвать, например, пушкинскую Татьяну, как это нехорошо делал Писарев, по отчеству...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 52]. Пришвин в этом отрывке раскрывается как настоящий писатель, бережно относящийся к любому имени, будь это литературный антропоним или же реальный топоним, а также как бы походя и опосредованно «включает» обязательную для образованного человека ассоциацию *Онежское озеро* – *Евгений Онегин* – *Пушкин*. Как это уже было показано в одном из примеров, Пришвин называет и историческое имя *Ладожского озера* – *Нево* (2).

Онежское озеро в тексте противопоставлено *Ладожскому* (14). *Онежское озеро* принадлежит скорее к миру религии, *Ладожское* –

продолжение светского Петербурга. «Почему, например, капитан, который на Ладожском озере все время ел семгу, икру и кровавые бифштексы, теперь [на Онежском озере] ведет в рубке религиозно-философский спор с почтенным господином?» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 55], – удивляется рассказчик. Вместе с тем, *Онежское* и *Ладожское* озера объединяет наличие вокруг них каналов, которые якобы приказал прорыть Петр Великий. *Ладожское озеро* играет роль некоего посредника между столицей и Севером. Именно на *Ладожском озере*, возвращаясь с Севера с его «солнечными ночами», герой впервые видит звезды [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 197]; в следующем же предложении появляется главный петербургский топоним – *Невский проспект*.

Имандра (31) – один из самых «живых» топонимов у Пришвина. При первой встрече с этим горным озером герой книги «В краю непуганых птиц», отрицая необходимость в этом, все-таки называет его имя: «я не говорю себе: “Это Имандра, горное озеро”. Нет, я только пью это вечное спокойствие» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 257]. *Имандру* герой сначала познает через реку *Ниву* (9), которая и приводит его, оставившего проводника, к озеру, и осознает их как мать и дочь: «Имандра – это мать, молодая, спокойная» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 257], а быстрая (это свойство отражено в самом названии реки: *niva* – «быстрина», по-саамски «ньявв» [Минкин, 1976, с. 42]), «бесноватая» Нива, берущая начало в озере, соответственно, ее дочь. Оба гидронима стоят в заголовке очерка. Одушевленная однажды *Имандра* и позже наделяется антропоморфными признаками: она «смеется» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 262], «разгорается румянцем во сне» [Там же, с. 278], «приготавливается встречать вечер и солнечную ночь» [Там же, с. 279]. Очевидно, и *Имандра*, и *Нива* дороги писателю, так как, наряду с сокровенной *Журавлиной родиной* и *Плещеевым озером*, на берегу которого в Переславль-Залесском Пришвин прожил достаточно долго, именно их он вспоминает, говоря о своих работах о природе в последней главе одиннадцатого звена «Кашеевой цепи» [см. Пришвин, ПСС, т. 2, с. 479].

Озеро *Ильмень* (9), на берегу которого происходит основное действие рассказа «Никон Староколенный», схоже своим «поведением» со злым духом: оно «гукает» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 479], «воюет» [Там же, с. 481], на нем пропадают рыбаки, оно может затопить Новгород, если только на то будет Божье указание. Последнее было услышано Пришвиным во время пребывания в Клопском монастыре, 14-15 апреля 1911 г., из впечатлений, полученных в этой поездке, и записанных в дневнике слов «Четыре полуденных реки вливаются в Ильмень-озеро, и вода, если смотреть с Юрьева, в Ильмене выше Новгорода. Отчего же Новгород до сих пор не залило водой? Оттого, что в Писании не указано быть залиту Новгороду» [Пришвин, 2007, с. 590] и вырос рассказ «Никон Староколенный». Интересно, что имя норовитого озера, по одной из версий, восходит к финскому *Ilmajärvi*, что дословно обозначает «озеро непогоды».

Топоним *Святое озеро* (4), называющий озеро, расположенное у стен Соловецкого монастыря, употребляется Пришвиным в достаточно комичной, написанной в форме письма к другу главе «Волшебного колобка» и используется для усиления контраста «святой» жизни в монастыре и происходящими тут же вещами несколько иного порядка. *Святое озеро*, во-первых, связано с описанием цыганской семьи, также прибывшей в монастырь: «я очень долго беседовал с богомольцами возле Святого озера. Узнал, что цыгане эти из Каргополя...» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 248]; «на берегу Святого озера увидел такую картину: Кармен, пригнув одной рукой девочку за голову к земле, бьет ее изо всей силы огромной, как мне хочется сказать, “пудовой” сломанной свечой» [Там же, с. 249], «семейство цыган пошло куда-то вдоль берега Святого озера» [Там же]. Во-вторых, именно в *Святом озере* купаются странники, только что сошедшие с парохода, от которого еще «далеко с моря доносился... отвратительный запах» [Там же, с. 249].

В рассказе «Полярный роман», включенном в книгу «Золотой Рог» и являющимся, по словам автора, литературным переложением устного

рассказа кильдинского звероведа И. А. Зависского, мы встречаем три гидронима: *Могильное озеро*, *Масленников ручей*, *Пресный ручей*. С «Антонычем» Пришвин встретился на Дальнем Востоке, на острове Фуругельм, о чем свидетельствует запись в дневнике за 14 октября 1931 г. Насколько нам известно, Пришвин не бывал на острове Кильдин, так что топонимы, скорее всего, действительно взяты из разговора с биологом.

Могильное озеро (8) – озеро, расположенное в юго-восточной части о. Кильдин и являющееся интереснейшим памятником природы. Русский гидробиолог профессор К. М. Дерюгин писал о нем так: «в современном состоянии оз. Могильное представляет настоящее “чудо природы”; оно требует тщательной охраны как истинный памятник природы и дальнейшего детального изучения» [Дерюгин, 1925, с. 83], однако в рассказе «Полярный роман» оно названо «очень странным и мрачным» [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 572]. В тексте также есть отсылка к этимологии названия озера, Пришвин, обрабатывая рассказ Зависского, не опустил эту деталь: песец Хромко «во время гона удалился один к могилкам монахов» [Там же, с. 572-573], то есть ушел в сторону *Могильного озера*. Согласно историческим сведениям, на юго-восточном окончании о. Кильдин находился Рыбный Стан Соловецкого монастыря, который во время русско-шведско-английской войны, в 1809 г., был расстрелян из пушек английского фрегата «Неяда». С тех пор мыс, бухта и озеро стали называться *Могильными*, хотя прежде именовалось *Соловецкими* или *Монастырскими* [Попов, 1990, с. 79].

Названия двух ручьев из «Полярного романа» – *Масленников ручей* (4) и *Пресный ручей* (1) – представляют собой бинарную оппозицию, они этимологически антонимичны и противопоставляют два события: радостную встречу песцов Хромко и Игруньи у *Пресного ручья* и их трагическое расставание у *Масленникова*.

Река *Выг* (65) является «главной» рекой двух произведений Пришвина о *Выговском крае*, название которого как раз образовано от имени этой реки. От сочетания слов *Выг* и *река* образовано и одно из названий Выговской

поморской пустыни, многократно использованное в текстах Пришвина – *Выгореция*. Все эти имена – *Выгореция*, *Выговский край*, *Выгозеро*, *Выг* – имея один и тот же корень, образуют понятную читателям систему координат. Используемый в большом количестве контекстов, *Выг* приобретает два основных значения: «река старообрядцев» и «могучая, бурная река». В «Осударевой дороге» *Выг* становится границей между миром «начальников» и миром подчиненных их воле заключенных. Работавший первое время курьером Зук вынужден постоянно преодолевать реку, попадая из одного мира в другой; то желая быть «начальником», то мечтая о побеге в леса. В то время как название важного для сюжета падуна – *Надвоицкий* – используется лишь несколько раз, перифраз «воды Выга» расширяет значение сюжетных перипетий, ведь новый человек запирает не просто падун, а «реку старообрядцев», а значит, и реку старого мира. Таким образом, в том числе и с помощью онима реализуется одна из идей романа.

Интересно, что столь важный в пришвинском творчестве топоним *Выг* является одним из тех карельских топонимов, что относятся к самому древнему пласту топонимов, который «отличается от других тем, что пока невозможно выяснить значение составляющих его топонимов, исходя из данных известных языков» [Керт, 1976, с. 9].

Река *Телекинка* (2) появляется в самом начале и в самом конце романа-сказки «Осударева дорога». Образ реки и ее имя являются одной из опоясывающих скреп романа. *Телекинка* в «Осударевой дороге» – это узкая речка, в которой до строительства Беломорско-Балтийского канала нельзя было лодке разойтись с семьей лебедей и которая исчезает под «новой» водой после его строительства. Сцена с лебедями из «Осударевой дороги» перекликается со сценой из «Края непуганых птиц», только в «Краю...» лебеди встречаются героям не в речке, а в сальме, т. е. проливе между островами на Выгозере. На самом деле, речка *Телекинка* находилась к югу от Выгозера, то есть более чем в 70 км от села Надвоицы, места основного действия романа. Сегодня участок от шлюза №9 до Выгозера (более 30 км)

сохранил название «река Телекинка» [wikimapia.org/17873038/ru/Озеро-Телекино]. Возможно, река не была настолько маленькой, как это описано в романе, но Пришвин специально искал реку, которая бы была полностью поглощена водой Выгозерского водохранилища, и использовал подсказанное ему кем-то название реки в романе. Образ пропавшей реки был интересен писателю, о чем можно судить по плану выступления перед детьми в 1933 г.: «5) Телекинка. 6) Выг-озеро. 7) Надвоицы» [Пришвин, 2009, с. 313].

Топоним *Беломорско-Балтийский канал* (10), хоть и называет сюжетообразующий для «Осударевой дороги» объект, почти не приобретает коннотативных значений в романе, он слишком сух и официален для Пришвина, хотя в дневниках писатель сделал интересную заметку об адаптации названия в среде местных жителей: «местные люди труднейшее для говора сокращение «Беломорско-Балтийский лагерь» выговаривают с такой скоростью, что слышится просто какой-то флаг, а между тем это Бел-балт-лаг – попробуй-ка без практики выговорить Бел-балт-лаг – труднее будет, чем турка курит трубку, чуднее Фенимора Купера» [Пришвин, 2009, с. 287]. Однако эта заметка не попала в роман.

Топоним *Белое море* (53), несомненно, является одним из основных топонимов-маркеров хронотопа книги «За волшебным колобком» – впрочем лишь половина (28 из 53) употреблений топонима в художественных текстах Пришвина относится к этому произведению. В отличие от названий других северных морей – *Баренцева* (4) и *Балтийского* (10) – выполняющих лишь дифференциально-локализирующую функцию, имя *Белое море* в некоторых случаях становится художественным средством. Пришвин использует цветовой компонент названия как в качестве контекстуального акцента при адъективе «белый», так и для создания контрастного образа при адъективе «черный». Акцентуация происходит в следующих примерах: «близится вечер и белая ночь у Белого моря» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 181]; «нельзя ли увлечься, выстрелом рассеять этот тяжелый кошмар белой ночи на Белом море» [Там же, с. 210]; «эти странные белые ночи на Белом море» [Там же,

с. 234] «вид на ряды курящихся холмов и на длинный скат потока, уносящего в Белое море бесчисленные белые кораблики пены» [Там же, с. 255]; контраст же *Белого* моря с черным берегом подчеркнут топонимом в таком примере: «высокий берег Белого моря кажется щетинистым хребтом какого-то северного зверя. Тут много погибших, почерневших стволов, о которые стучит нога, как о крышку гроба, есть совсем пустые черные места» [Там же, с. 188]. В одном из контекстов цветовой компонент топонима вступает в оппозицию с имплицитно представленным «красным»: «ударил кутилом Марья Моревна, покрылось кровью Белое море» [Там же, с. 196]. Надо заметить, что современные лингвисты, пытаясь объяснить происхождение гидронима *Белое море*, «цветовую» теорию происхождения названия, предложенную уже более 200 лет назад архангельским историком А. И. Фоминым, отвергают в первую очередь, взамен предлагая множество разнообразных версий. В контексте книги «За волшебным колобком», где поморские мужики просили Пришвина море разделить, наиболее любопытной представляется версия С. В. Попова, предположившего, что «название Белое море вполне могло возникнуть у новгородских ушкуйников в смысле «свободное море» [Попов, 1990, с. 20]. Ученый подкрепляет свои догадки словарными статьями из словаря В. И. Даля: «белое место» – «земля, не облагаемая феодальными поборами», а «беловодье» – «ником не заселенная, вольная земля».

Пинега (85) – река в Архангельской области, правый приток Северной Двины, что течет параллельно ей на северо-запад в широкой долине. *Пинега* – один из центральных топонимов книги «Берендеева чаша» (44 словоупотребления) и повести-сказки «Корабельная чаша» (40 словоупотреблений). В «Берендеевой чаше» гидроним этот используется в двух значениях: как прямое указание на эту реку (например, «лет сорок тому назад на обеих сторонах Пинеги рос еловый лес и однажды был схвачен пожаром» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 688]) и при обозначении особого хронотопа, Пинежья, и в таких случаях используется с предлогом «на»:

(например, «техническую революцию на Пинеге сделала женщина с поперечной пилой против мужского топора» [Там же, с. 648]). *Пинега* в большей части текста является, как самая крупная местная река, также основным ориентиром – именно через *Пинегу* объясняется местоположение других мест.

В повести-сказке «Корабельная чаша» имя *Пинега* является звеном, которое соединяет детство Веселкина, его мечту о Корабельной чаше с взрослой жизнью, с пинежским полесником Мануйло, которого он встречает случайно в госпитале: «Веселкин часами лежал с закрытыми глазами, стараясь вспомнить то хорошее, что связывалось у него в памяти с Пинегой. И вот <...> он вспомнил рассказы Антипыча о какой-то заповедной Корабельной чаше, такой чудесной <...>. И тут ему, как молния, сверкнуло: “Эта Корабельная чаша была где-то за Пинегой”» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 265].

Почтовый штамп со словом *Пинега* на письме от отца является и тем ориентиром, благодаря которому у Насти и Митраши появляется надежда снова его увидеть.

От потамонима образуется и много раз упомянутый в тексте повести этнохороним *пинжаки*. О том, что «...на Пинеге... живут простые, хорошие люди, и их смешно зовут там: пинжаки» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 250], знает даже Иван Иванович Фокин, учитель Насти и Митраши; Мануйло гордо заявляет, что он пинжак и объясняет: «бурлачим мы, по всем северным рекам бурлачим, и как мы с Пинеги, так все и зовут нас “пинжаки”» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 256]; вологодский милиционер хвастается, что он пинжак, и в этом случае Пришвин даже дает этнохороним курсивом. В повести «Корабельная чаша» слово пинжак употребляется 21 раз. Упоминались *пинжаки* и в «Берендеевой чаше», здесь автор дает слово курсивом, как многие интересные для него новые слова: «обитатели берегов Пинеги сыспокон веков называются *пинжаками*. Как нам показалось, эти пинжаки в жизни своей отразили последнюю простоту леса и топора» [Пришвин, ПСС,

т. 5, с. 648]. Несомненно, Пришвин услышал этнохороним на Пинеге, так как впервые он использует это слово в путевом дневнике, в записи за 24 мая 1935 г. Здесь оно заключено в кавычки: «дождь и холодно. А нам очень хорошо: “пинжаки” оказались тем самым народом, который 30 лет тому назад очаровал меня в Карелии» [Пришвин, 2009, с. 668-669]. В остальных четырех случаях Пришвин пишет слово *пинжаки* уже без кавычек. Пришвин явно любит это слово, чувствуя в нем силу народного языка и словотворчества. В современной литературе, правда, больше встречается вариант *пинежане*, местные жители также говорят об использовании слова *пинежане* (по свидетельству Виктора Федотовских, 1988 г. р., п. Белогорский, Холмогорского района, Архангельской области), а жительница деревни Ваймуша Пинежского района Архангельской области Ольга Рудакова 1960 г. р. говорит следующее: «“Пинжаки” – это прозвище приезжего населения в наш адрес, некоторые, смеясь и иронизируя, называли нас “пиджаки”». Подтверждает это и русская фамилия Пинжаков, образованная, по одной из версий, вследствие негативного принципа номинации: так, видимо, именовался человек, приехавший с Пинеги в иную среду, такой антропоним не мог возникнуть на Пинеге, где все население, по сути, состоит из таких же «пинжаков». Возможно, Пришвин ошибочно принял брошенное кем-то слово за самоназвание местного населения.

Белая речка (7) и *Черная речка* (5) – небольшие реки, которые при слиянии образует реку Пинегу. В некоторых источниках также именуется *Белой Пинежкой* и *Черной Пинежкой*. Белая речка характеризуется как захламленная река с медленным течением. Черную речку, по отзывам туристов и местных жителей, окружают труднопроходимые, заболоченные места. При первом же упоминании рек в «Корабельной чаше», писатель дает объяснение именам, оживляя его ярким сравнением: «Белая речка рождается в глухом болоте, где растет мелкая хилая сосна. Такая местность с мелкой сосной по болоту называется светлой радой. Белая речка вытекает из светлой рады. Черная речка берется в темной раде, где по болоту растет корявая елка,

похожая на какую-то злющую чертову тещу на метле, хотя и бывает – на добрую бабушку с подарками» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 362]. Черновой вариант описания есть в дневнике 1935 г.: «река Пинега от Керги идет сверху из-за ста верст и туда приходит двумя реками: Белая река и Черная река, с Белой реки лес уже сплавлен, а Черная река рождается в темной раде (болотный ельник = темная рада; светлая рада: сосна по болоту). Там, в темной раде, есть родник, из него и начинается Черная река» [Пришвин, 2009, с. 670]. В «Берендеевой чаше» мы также находим идентичное дневниковому описанию этих рек, и здесь они, как и в дневнике, называются *Белой рекой* и *Черной рекой*: «здесь большая книзу река [Пинега] и весной не шире Москвы, летом ее вброд переходят. Сверху она досюда бежит сто верст и туда, наверх, приходит двумя реками: Белая река и Черная река» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 643]. В «Корабельной чаше» топонимы встречаются в поэтическом рассказе Мануйло о легендарной Корабельной чаше: «речка Черная и речка Белая – две сестры, Черная речка скорее сбегает в Пинегу...» и т. д. [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 391].

Кода (38) – река в Архангельской области, правый приток реки Илеша, которая, в свою очередь, является притоком Пинеги. *Кода*, кроме «Берендеевой чаши» и «Корабельной чаши» упомянута в детском рассказе «Медведь». В «Берендеевой чаше» говорится, что *Кода* является самой быстрой из местных рек, а также одной из рек, по которой спускаются путешественники. В «Медведях» *Кода* – это место охоты: «однажды на Севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу». [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 410]. В «Корабельной чаше» слова «нет краше на свете места, где Кода и Лода, а между ними село Журавли» повторяются несколько раз при первом знакомстве Веселкина с Мануйло в госпитале. В общей сложности топоним употреблен Пришвиным 13 раз.

Потамоним **Лода** (11) появляется в рассказе Мануйло о родных местах вместе с именем *Кода*: «в Пинегу бегут наши две речки – две сестры – Кода и

Лода» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 257], однако ни на картах, ни в подробном дневниковом описании Пришвиным своего путешествия 1935 г. по Коде и Пинеге имени Лода нет. С одной стороны, под описание Мануйло хорошо подходит место слияния рек Малая Кода и Малетина (в дневнике Пришвина – Мелетина, на некоторых картах – Милетина), которые имеют схожую длину (по данным государственного водного реестра, 59 и 40 км соответственно) и могут осмысливаться как речки-«сестры». С другой стороны, из книги «Берендеева чаща» ясно, что под *Лодой* подразумевается река *Илеша*, ведь пинежанин Осип, один из прототипов Мануйло так же, как и он, говорит: «Илеша и Кода – две сестры. На Илеше вода сильно сбежала. Оттого Кода очень спешит, а птичка бежит у воды» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 663].

Возникает вопрос: почему столь точный в описаниях Пришвин меняет имя реки? Вероятно, перед нами – не очень свойственная для стиля Пришвина замена реального топонима вымышленным, которая обусловлена стремлением к поэтичности и ритмизации, возникающим благодаря созвучию названий рек: Кода и Лода.

Под селом *Журавли*, вероятно, понимается село *Кода* (в дневнике Пришвина – *Кода-Рассоха*). Месту, которое его персонаж Мануйло называет самым красивым местом на свете, Пришвин уделяет достаточно много внимания на страницах своего путевого дневника, что подтверждает наши догадки: «не доезжая двух километров до Коды-Рассохи, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду. <...> Невиданное зрелище открылось, когда мы достигли верха слуды: довольно редкие сосны среднего возраста стояли на скатерти белого моха, чуть разве зеленоватого. Этот белый мох был как облака в переходящих формах, самый нежный, когда в руку возьмешь, понюхаешь, пахнет чуть-чуть грибами...» [Пришвин, 2009, с. 683-684] Здесь же Пришвин задумывался об изменениях, грозящих местным рекам в связи с вырубкой лесов: «безобразие нарастало и на рассошине Кода-Мелетина <...>: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных грудями и крестами деревьев» [Пришвин, 2009, с. 690].

Название одной из самых крупных рек Русского Севера, *Северной Двины* (70), впервые встречается в предисловии автора к книге «За волшебным колобком» – оно фигурирует в коротком описании пути автора-рассказчика до Архангельска, откуда начались его «скитания по Северу», а потом входит в заглавие очерка «Из записок на Северной Двине». *Двина* также является последним этапом путешествия Пришвина по Пинеге. *Двинская дельта* (3) в «Волшебном колобке» поддерживает образ распутия, на котором дважды останавливается герой, решая, в каком направлении ему продолжить свой путь.

В повести «Корабельная чаща» встречается несколько названий притоков *Северной Двины* и сама *Северная Двина* осознается, прежде всего, как река, принимающая большое количество воды из притоков.

Названия рек, фигурирующих в «Корабельной чаше», и связанные с этими реками события взяты Пришвиным из впечатлений от путешествия 1935 г. В романе дети сплавляются на плоту по реке *Верхняя Тойма* (23) и добираются, миновав подробно описанный в книге «глубинный залом» у устья этой реки, до *Северной Двины*. Пришвин сам наблюдал запань и «пыж» 21 мая 1935 г. у слияния *Верхней Тоймы* и *Северной Двины*, он подробно описал это в дневнике: «на Верхней Тойме, у нас, бревна, проплывая, ныряли под “пыж” и так набивались до самого дна, и от давления снизу там и тут из серой массы моли отдельные бревна вдруг вскакивали, как мертвецы из могил у Гоголя, и так оставались, и так больше, больше, и к утру весь пыж стоял как ежик» [Пришвин, 2009, с. 661]. Этот эпизод попал и в книгу «Берендеева чаща». В сказке-повести это впечатление было обработано в соответствии со стилем произведения («И как только старуха попробовала занести руку, вдруг как прыгнет вверх другое мертвое дерево, как прыгнет другое, третье, как начнут везде во всех сторонах и концах мертвецы вставать и грозить, вставать и грозить...») [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 357]), однако место называется то же – *Верхняя Тойма*. Неожиданное поднятие уровня воды в *Северной Двине* объясняется тем, что «Вычегда, большая река, вся разом

бросилась в Двину» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 354]. Именно *Вычегда* (4) становится «виновницей» прорыва запони в романе потому, что в мае 1935 вода *Вычегда* действительно подняла уровень Двины на 20 см. «Двина прибыла на 20 см (благодаря Вычегде, а на Сухоне и Юге вода вовсе пала)» [Пришвин, 2009, с. 662], – отмечал Пришвин. В «Берендеевой чаше» также упоминается это событие: «на Сухоне, на Юге в то время вода еще продолжала падать, но Вычегда поддержала, и на Двине вода поднялась» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 636].

Приток Северной Двины река *Мезень* (19) служит, наряду с топонимом *Коми*, еще одним реальным ориентиром местоположения Корабельной чащи и ее «адресом»: в романе-сказке «Корабельная чаша» не раз подчеркивается, что заповедный лес находится «возле», «вблизи» или «на» реке *Мезени*. *Мезень*, как и *Коми*, переживает превращение из реки, существовавшей для Мануйло-ребенка только в сказках, в реку реальную. Мы не уверены, что Пришвин знал этимологию потамонима *Мезень*, однако в контексте романа-сказки версии его происхождения звучат любопытно. По одной из версий, имя *Мезень* возникло из финского *metsa* («лес»), что перекликается с фактом, что за Мезенью находится Корабельная чаша; по другой – из хантского *мосын* («нужный, полезный») [Попов, 1990, с. 13], что не может не напомнить о желании Веселкина сделать Чашу за Мезенью полезной народу. В «Берендеевой чаше» «адрес» драгоценного леса дан подробнее: «когда последняя излучина Коды уйдет под лето, реки потекут в Мезень, тут возле речки Порбыша будет и Чаша» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 634].

Среди гидронимов Русского Севера мы встречаем названия нескольких известных карельских водопадов. Н. П. Дворцова отмечала, что образ водопада является «ключевым в повести “В краю непуганых птиц” и во всем творчестве писателя» [Дворцова, 1994, с. 16], а Н. А. Трубицина писала: «водопад – природно-исторический, а точнее, космический символ Пришвина <...>. Водопад становится пришвинским символом единства во множестве» [Трубицина, 2013, с. 76].

В 1906 г., путешествуя по Выгозеру, Пришвин знакомится с *Воицкими падунами*, или *Воицкими водопадами* (в общей сложности 4 употребления). На тот момент *Воицкими водопадами* называются три водопада, имена двух из которых Пришвин при описании дает в книге «В краю непуганых птиц»: *Боковой* (4) и *Мельничный* (2). Упоминая эти названия первый раз, автор заключает их в кавычки – вероятно, чтобы показать народное происхождение этих имен и подчеркнуть, что они были услышаны из уст местных жителей, то есть, получены наряду с этнографическим материалом, за которым автор-герой и отправился на Север. Говоря о *Мельничном водопаде*, Пришвин проявляет себя как внимательный ономаст и замечает действие одного из принципов функционирования топонимов: постепенную утрату связи топонима с реальными признаками денотата и мотивами номинации: «теперь мельница находится возле Бокового водопада, но он все-таки по-старому называется Мельничный» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 70]. Интересна дифференциация аллонимов *Воицкие падуны* и *Воицкие водопады*. Диалектный вариант названия Пришвин использует при пересказе легенды о последних панах на Выгозере («Паны согласились и легли в лодку спать. Старик прикрыл их парусом и повез к Воицким падунам» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 68]) и технологии бурлачества («Хвост, то есть кошель с головкой, движется по Выгозеру вплоть до Воицких падунов» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 94]), литературный – в речи автора-рассказчика: «я помню, что предания о панах мне рассказывали как раз в то время, когда я ехал на лодке осматривать Воицкие водопады» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 68]; «Надвоицы – селение на Выгу, почти у самых Воицких водопадов» [Там же]. Вариативность использования онима на лингвистическом уровне показывает различие в восприятии этих мест местными жителями и приезжими.

Строительство Беломорско-Балтийского канала изменило облик всего Выгозера, «реку Нижний Выг перекрыли, воду в Выгозере подняли на 6,5 метров, правое русло осушили, а на левом находится 10 шлюз Беломорско-Балтийского канала. Сейчас осталось любоваться только средним руслом»

[Водопад Воицкий падун в Надвоицах, URL], – свидетельствуют современные путешественники. Оставалось любоваться именно им и Пришвину, посетившему Выгозеро вновь в 1933 г., когда канал уже был построен. В романе-сказке «Осударева дорога» Пришвин также упоминает водопад, однако уже в единственном числе и в варианте *Надвоицкий падун* (3 употребления вместе с топонимом *Надвоицкий водопад*), впрочем, наряду с первым, использующейся в практике номинации этого географического объекта. Действие романа происходит в селе *Надвоицы*, так что тяготение названия водопада к ойкониму и к Надвоицкому узлу канала делает его более понятным. Как уже обозначалось, судя по черновикам, решение, куда именно поместить место действия романа, пришло не во время путешествия, а позже, при просмотре снимков: «из снимков выясняется, что Надвоицкий водопад вместе с Шаваньской водосливной плотиной и другими искусственными сооружениями являются материалом для главного моего рассказа “Взрыв аммонала”» [Пришвин, 2009, с. 296]. В «Осударевой дороге» автор использует в обоих случаях употребления индикатор *падун*, чтобы предать тексту и местности больше северного колорита, связать новое (*канал*) с традиционным (*падун*).

Фрагмент дневника 1947 г., вошедший в книгу «Глаза земли», где Пришвин, размышляя, использует образ *Надвоицкого водопада* («Но какая же внутренняя связь может быть между человеком того времени и человеком современным? На этот вопрос я отвечал себе образом Надвоицкого водопада: сколько существ всевозможных форм образуют струи воды, падающие на камни, и все-таки водопад един» [Пришвин, 2013_б, с. 679]), напоминает один из фрагментов описания *Воицкого водопада* в книге «В краю непуганых птиц»: «смотришь на столбики пены. Они вечно отходят в тихое местечко, под навес черной каменной глыбы, танцуют там на чуть колеблющейся воде. Но каждый из этих столбиков не такой, как другой» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 68].

С именем **Воицкого озера** (5) дело обстоит иначе. В книге «В краю непуганых птиц» Пришвин называет его **Надвоицким озером** (2), в «Осударевой дороге» – **Воицким**. Вариативность названий объяснима: изначально и озеро, и ближайшее село имели фино-угорское название *Vojatsu*, однако русское население по-своему интерпретировало этимологию ойконима: *Надвоицы* значит «над воем [водопада]». То есть гидронимы *Надвоицкий падун (водопад)* и *озеро Надвоицкое* являются поздним отойконимичным переносом. Возможно, узнав правильное название озера *Воицкое*, Пришвин использует его в романе «Осударева дорога», а вот названия водопада умышленно меняет на *Надвоицкий*: ведь он находится над Воицким озером.

Водопады **Гирвас** (1), **Кивач** (2), **Порпор** (1) упоминаются Пришвиным в книге «В краю непуганых птиц» как удивительные достопримечательности *Онежского озера*: «на этих берегах до сих пор живут еще певцы былин, вопленицы, там шумят грандиозные водопады: Кивач, Порпор, Гирвас» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 52]. Ассоциация водопада *Кивач* с творчеством поэта Г. Державина реализуется открыто: «помню, один [местный литератор] при описании Кивача, помянув, как водится, державинское “алмазна сыплется гора”, восклицает вдохновенно...» [Там же]. Гидронимы *Гирвас*, *Кивач*, *Порпор* используются в этом контексте для создания определенного культурного фона и включения темы литературы через ассоциативную цепочку *Кивач – Державин*.

Русский Север, являясь, во-первых, территорией богатой озерами, во-вторых, регионом, тесно связанным с Северным Ледовитым океаном и его морями, богат островами и полуостровами, имена которых, инсулонимы, отражены в произведениях М. М. Пришвина.

Инсулонимы, оронимы, дромонимы, дримонимы и микротопонимы Русского Севера

Инсулонимы **Соловецкие острова** (6) и **Святые острова** (16), а также **Соловки** (5) имеют один и тот же денотат, однако выбор Пришвиным какого-

то из названий в определенном контексте обусловлено поставленными автором художественными целями. Инсулоним *Соловецкие острова* (как и *Соловки*) чаще встречается в контекстах, где он выполняет дифференциально-локализирующую функцию, а также в случаях, когда автор употребляет этот вариант как подчеркнуто-нейтральный, в противовес инсулониму *Святые острова*: «напомню Вам архипелаг Соловецких островов. Самый большой остров из группы – Соловецкий (окружность более ста верст), на этом острове и расположен самый монастырь» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 234]; «сейчас я понял, почему земля Соловецких островов называется в народе Святою» [Там же, с. 249].

Инсулоним *Святые острова* является народным названием Соловецких островов и содержит прямую оценку. Пришвин использует этот вариант в разговоре с прохожим архангелогородцем: «нельзя ли мне из Дуракова на лодке переехать по морю на Святые острова?» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 77], где мы видим также ироничное соотношение топонимов *Дураково* и *Святые острова*. В контекстах, где затрагивается религиозная сфера жизни, Пришвин также неизменно использует инсулоним *Святые острова*: «старик повезет нас, десять грешников, на Святые острова» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 270]; «может быть, он идет по тому пути через море к Святым островам, зажигает перед черной иконой огонек и еще раз подтверждает преподобным Зосиме и Савватию свое клятвенное обещание всю жизнь возить богомольцев на Святые острова» [Там же, т. 1, с. 209]; «они этому не очень изумляются и думают, что у Святых островов непременно должны быть такие чистые, безгрешные ночи и еще не такие чудеса» [Там же, т. 1, с. 218]; «добрый путь, страннички, к Святым островам! Плывите, плывите, не подмочите сухарики, берегите свои ладонки и рублики, святые угодники при-и-мут и помогут, исцелят» [Там же, т. 1, с. 219]; «как они попали сюда? Кочующий народ – и на Святых островах!» [Там же, т. 1, с. 248] и др. *Соловецкие острова* – это географический объект, *Святые острова* – культурно-религиозный.

Инсулоним *Святой Нос* (5), как и другие топонимы, имеющие этимологическую связь с религиозной тематикой, в текстах Пришвина оказывается в противоречащем этимологии контексте. Первый такой случай, связанный с топонимом *Святой Нос* – это рассказанная попутчиком героя «Волшебного колобка» легенда о пожирающем суда черве, живущем у *Святого носа* («они думали, что около Святого Носа в воде живет червь и проедает суда. А потом какой-то святой этого червя заговорил, и он пропал – и теперь все ездят вокруг Носа» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 308]). Описание Святого Носа встречалось еще в «Записках из Московии» австрийского дипломата и географа Сигизмунда Герберштейна, где приведено устрашающее описание плавания русского посла в Дании Григория Истома вдоль Кольского полуострова в 1496 г.: «этот Святой Нос есть огромная скала, выдающаяся в море наподобие носа. Под этой скалой видна преисполненная водоворотами пещера, которая каждые шесть часов поглощает море и попеременно с большим шумом возвращает эту пучину, извергая ее обратно» [Герберштейн, 1908, с. 186]. Мыс был *Святым* уже тогда, и уже тогда пугал путешественников. Второй раз *Святой Нос* упоминается у Пришвина в эссе «Круглый корабль», где приводится рассказ о поморе, решившим отправиться на Парижскую выставку на корабле невиданной формы и пропавшем у северных берегов России. В эссе 1911 г. Пришвин напрямую говорит, что он пересказывает услышанную от моряков быль, и в книге «За волшебным колобком», изданной в 1908 г., действительно приводится такая же история. Однако в этой книге помора-судостроителя последний раз «видели где-то у Трех островов» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 377], когда как в более позднем эссе говорится, что «последний раз его видели лопаи у Святого Носа» [Там же, т. 1, с. 794]. Сопоставление двух текстов позволяет говорить о намеренной замене одного топонима другим. Нейтральный инсулоним *Три острова* (1), вероятно, и был назван моряками, а позже точно перенесен в книгу писателем. Однако замена нейтрального топонима на контрастирующей с трагичной пропажей инсулоним *Святой*

Нос призвана была усилить идею эссе, описывающего религиозные искания в России начала XX века. В эссе добавлена также следующая деталь: помора последний раз видели лопари, малый, необразованный на тот момент народ, а плыл он, между тем, в Париж.

Инсулоним *Новая Земля* (15) имеет прозрачную этимологию, и оба компонента этого имени обыграны Пришвиным в романе-сказке «Корабельная чаща» как имена нарицательные: «в тумане показалась какая-то земля, и мы сначала думали – это как раз и есть остров Новая Земля. Но когда мы подъехали к этой земле, то сразу же поняли – это не старый остров Новая Земля, а действительно остров новый, и земля новая, где не ступала еще нога человека» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 345].

Предполагаемая этимология названия острова *Городового* (3), что находился когда-то на Выгозере, использована Пришвиным в качестве иллюстрации истинности предания о пребывании на Выгозере поляков: «остров, на котором жили паны, называется Городовой и, вероятно, потому, что там было *городище*, укрепленное место, вроде небольшой крепости» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 66-67].

Ярчайшим выразительным средством является ороним *Голгофская гора* (8), название горы на Анзерском острове Соловецкого архипелага. Само название, перенесенное основателями монастыря из окрестностей Иерусалима, не может не ассоциироваться с одноименной горой в Иерусалиме и муками Иисуса Христа. Будучи погруженным в монастырскую среду, это название звучит хоть и несколько громко, но соответствующе окружению. Однако Пришвин, человек светский и еще не увлекшийся на момент написания «Волшебного колобка» (топоним, называющий гору на Анзерском острове, встречается у Пришвина только здесь) религиозным мировоззрением, погружает это имя в текст, усиливая тем самым акценты и подчеркивая смыслы. При первом упоминании горы, рассказчик будто бы невзначай и, вероятно, для привлечения читательского внимания к специфическому названию через топоним и характерный глагол

«подниматься» проецирует (чисто лингвистически) образ Христа на себя: «странники уехали, а я один стал подниматься на Голгофу, довольно высокую гору, на вершине которой и находится скит» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 234]. Другое упоминание *Голгофы* усиливает контраст между восприятием мира рассказчиком и религиозным мировоззрением: «я готов есть сырое мясо. И это в монастыре, на Голгофе! Можно ли после этого искренно молиться, думать о серьезном?» [Там же, с. 237] Радость диакона при упоминании *Голгофы* также контрастирует с ассоциативным фоном, окружающим этот ороним: «вон Ольгоф, все еще видно, далеко видно, – обертывается к нам строитель и указывает рукой на высокую Голгофу. – Хорошо! Ой, ой, ой... Хорошо! Елочки, березочки, озерки... Откуда все это? Хорошо!» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 242]. *Голгофская гора* в одном из норвежских уже размышлений рассказчика становится одним их символов «черной» России: «мне по контрасту вспоминается Голгофская гора Соловецкого монастыря, вспоминается красное вечернее солнце над морем, будто лампада над черной усыпальницей, вспоминаются таинственные желтые, черные лики, с тревожным отражением огоньков, вспоминаются кривые извилины от неискренних улыбок на бледных, восковых лицах монахов, черная толпа богомольцев, ожидающая чуда...» [Там же, с. 342]. В других произведениях палестинская (не соловецкая!) *Голгофа* не раз еще будет упомянута Пришвиным как узуальный коннотативный топоним со значением ‘тяжкие испытания, страдания, муки’ [Отин, 2004, с. 117], а образ «слепой Голгофы» станет одним из самых запоминающихся образов философских произведений Пришвина.

Оронимы у Пришвина, имея в качестве денотатов относительно небольшие объекты, зачастую раскрывают свою этимологию в тексте, обнажая живую связь имени и свойства. Среди северных оронимов таковыми является ряд названий, связанных с Корабельной чащей – *Теплая гора* (5), *Глухая гора* (1), *Третья гора* (7) и их общее название *Три горы* (2). Ороним *Три горы*, вероятно, придуман Пришвиным. Корабельная чаща в Коми – это

одно из немногих описанных Пришвиным мест, где сам он никогда не бывал [Рязанова, Чуваков, 1986, с. 484]. Видящий в естественных, реальных именах поэзию жизни, Пришвин при любой возможности использовал эти имена в свои произведениях, однако миф о Корабельной чаше создавался им «вслепую». Не имея оснований заявлять о подлинности названий речных террас (возможно, у них и вовсе не было названий), гипотетически существовавших в лесах Коми за Мезенью, он был вынужден и одновременно волен придумать имена самостоятельно, в мире романа «передав» эту работу полесникам, то есть обозначив эти названия не как официальные, а как народные. Имя *Три горы* актуализирует сказочную сторону «Корабельной чаши», отсылая читателя к традиционным для этого жанра числам, не зря и сама Чаша находится именно на *Третьей горе*, хотя первые две также имеют названия, но не числовые. Интересно, что Пришвин дает два варианта происхождения названия первой, *Теплой*, горы: сомнительный, но раскрывающий утилитарное назначение этого места («Можно подумать, она из-за того называлась Теплой, что росли по ней больше все березы и отсюда полесники брали себе дрова и обогревались» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 404]) и наиболее вероятный («скорей всего не за это гора была названа Теплой, а что самой роще на этой горе было тепло: тут ветер северный, ударяясь в стену, останавливался, деревья росли в теплом угреве» [Там же]). Название *Глухой горы* также объяснено: «вторая гора речной террасы называлась Глухой – все из-за того же самого, что ветер у той стены замирал» [Там же].

Объяснена в книге «В краю непуганых птиц» этимология оронима ***Серебряная гора*** (1), причем рассказчиком вновь дано два объяснения: народное и научное – сводящиеся к наличию серебряной руды: «мне рассказывали, что где-то в пещерах этой горы течет струя чистого серебра, что место это знала одна старуха, но умерла, и теперь уже никто не может его найти. Как ни фантастично это предание, но оно имеет основание; и по геологическому строению местности, и по тому, что недалеко, в

окрестностях Сегозера, уже найдены залежи серебряной руды, можно думать, что здесь она есть» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 71].

Трудно сказать определенно, является ли *горушка Веселкиных* (1) из рассказа «Молодой колхозник» топонимом или же слово *Веселкиных* – только лишь притяжательное прилагательное, однако эта подробность наталкивает на мысль, что имя Васи Веселкина, отца Насти и Митраши из «Корабельной чаши» (в «Кладовой солнца», написанной ранее, отца их звали Павлом, что можно понять из реплики, обращенной к Митраше: «видишь, Дмитрий Павлович...») [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 219]), принадлежит главному герою и этого рассказа, а не только школьнику из рассказов «Вася Веселкин», «Москва-река», «Москворецкий мост» и одному из второстепенных персонажей романа-сказки «Осударева дорога» – заключенному, героически пожертвовавшему жизнью на строительстве Беломорско-Балтийского канала в романе «Осударева дорога». Антропоним *Вася Веселкин*, являющееся именем, как минимум, трех разных персонажей, требует в контексте нашей работы краткого комментария. Имя это Пришвин не придумал: так звали слесаря из бригады ВАРЗ, куда Пришвин отдавал на ремонт свой автомобиль. В дневнике писателя за 1940 г. есть даже адрес слесаря: Б. Полянка, 42, кв. 1 [Пришвин, 2012_а, с. 337]. В конце 1944 г. Пришвин разговаривал с ним, когда зашел сменить перегоревшее реле (запись от 31 декабря 1944 г.), в марте 1945 приглашал к себе «пировать». Слесарь Веселкин был интересен и самому Пришвину, и его жене Валерии Дмитриевне, которая «хочет его удивить Большим театром» [Пришвин, 2013_б, с. 666], однако он совсем не похож на героев, которым «отдал» свое имя: слесарь Вася Веселкин «все пропивает», он человек «фабричный, возвращенный заводом» [Там же], он родился в 1915 или 1916 г., так как в 1947 ему был 31 год. В рассказах «Вася Веселкин», «Москва-река», «Москворецкий мост» действие происходит после войны, при этом Вася в них – школьник. Вернемся к персонажу рассказа «Молодой колхозник»: несмотря на то, что семья, как мы понимаем из микротопонима *горушка*

Веселкиных, где живет дошкольник Вася, носит фамилию *Веселкины*, сам Вася вряд ли мог бы носить эту фамилию, а значит, быть еще одним *Васей Веселкиным*: *Веселкина* – это девичья фамилия его матери, *Аксюши*, дочери бабушки *Арины*, рядом с домом которой растут деревья, посаженные ушедшими на войну сыновьями: *Сашей*, *Николаем*, *Серрежей*, *Мишей*, *Павлом*, *Данилой* (заметим, что первые четыре имени повторяют имена братьев Пришвиных). В тексте же говорится, что отцом Васи был *Никита*, носитель другой фамилии. Кроме того, мальчик Вася Веселкин, школьник из нескольких рассказов, написанных в Дунино и о Дунине – житель послевоенного Подмосковья, а действие рассказа «Молодой колхозник» происходит где-то на Севере.

Ороним ***Выгор*** (14) образован от диалектного многозначного слова «выгор», одним из значений которого является ‘небольшая возвышенность на поляне’ [СРНГ, т. 5, с. 269]. Слово это, однако, не используется Пришвиным в дневниковых записях и не принадлежит к активному лексическому запасу писателя. Топоним *Выгор* писатель привозит из-под Вологды (в дневниковой записи от 11 мая 1935 г. находим это слово без пояснений [см. Пришвин, 2009, с. 645]). В «Корабельной чаше» этот холм также находится недалеко от Вологды. Однако анализ топографических карт показывает, что в присухонской низине нет таких высоких холмов. Мотив спасающихся от поднимающейся воды людей и зверей можно встретить в нескольких произведениях Пришвина; в его основе лежат впечатления, полученные Пришвиным в районе деревне Вежи Костромской области, которые описаны в повести «Неодетая весна». Пришвин записывает примерный сценарий «Неодетой весны», где есть такие строчки: «этот дом он поставит на самом высоком незатопляемом холму, и когда придут весенние воды, то животные, спасаясь, все непременно приплывут к его острову, все, от мыши и водяной крысы до Лося и Медведя» [Пришвин, 2012_а, с. 310].

Отдельный пласт топонимической лексики Русского Севера формирует микропонимия. Отсутствующая на официальных топографических картах,

она наилучшим образом передает как народный, так и ландшафтный колорит тех или иных мест. Многие микропонимы имеют относительно прозрачную этимологию, отчасти из-за того, что призваны быть ориентирами. Микропонимы в литературном тексте с большей вероятностью могут быть придуманы автором, так как не имеют культурного подтекста и способны воплощать исключительно внутритекстовые коннотации.

Роль микропонима в тексте Пришвина зависит от жанровой принадлежности произведения. В очерковой книге «За волшебным колобком» мы встречаем микропонимы, интересные с этнографической точки зрения. Это названия тонн *Баклон* (1), *Волчек* (1), *Солдат* (1), которые рассказчик, интересуясь поморским способом хозяйствования, включает в очерк. Вероятно, Пришвин записал на Севере больше названий тонн (их, тонн, было, если верить книге, 44!), однако для очерка выбрал самые интересные. Наиболее «темное», на первый взгляд, *Баклон*, видимо, правомерно соотнести с поморским термином «бакланец, баклыш», означающим ‘большой подводный камень’ [Попов, 1990, с. 49]. Интересны названия мест обмена товарами русских моряков с норвежцами: *Китай* (2), *Питер* (2), *Шестопалиха* (2) и другие «русские названия в Норвегии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 365] (*Танин-фиорд* (1), *Васин-фиорд* (1), *Северный Тонкой* (2)), отражающие особенности торговли на стыке двух культур и местной номинации. Рассказчик, спутавший микропонимы с их известными омонимами (государством *Китаем* и городом *Петербургом*) не скрывает своего недоумения при первом знакомстве с ними: «Бог знает что... Я пытаюсь разъяснить себе, зачем могут пускаться парусные суда в такое дальнее плавание» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 365].

В романе-сказке «Осударева дорога» мы встречаем микропонимы *Камень* (1), *Бараний Лоб* (1), *Лисьи норы* (2), *Березовая заводь* (1). Из них первые три – в одном и том же контексте: при распределении прорабом бригад строителей Надвоицкого узла Беломорско-Балтийского канала.

Микротопоним *Камень* в пришвинских произведениях принадлежит не только Северу, но и Центральной России: он встречается в повести «Неодетая весна» и является названием одного из мест охоты в Костромской области. Вполне возможно, что, подбирая ряд микротопонимов, Пришвин вспомнил именно его. Этот микротопоним, однако, как нельзя лучше вписывается именно в реалии карельского ландшафта: Карелию зачастую называют страной камней, и «в топонимии республики слово камень представлено достаточно широко: Каменьнаволок, Каменка, Каменистый, Каменный Бор – населенные пункты, пристань Камень, озеро Каменное, мыс Каменный и т. д.» [Керт, 1976, с. 50]. Так и микротопоним *Бараний Лоб* создан писателем из метафорического описания камней, которое он «привез» в дневнике из путешествия на канал 1933 г.: «каменные плиты – серые бараньи лбы» [Пришвин, 2009, с. 276]. В «Осударевой дороге» употребляется как топоним *Лисьи норы*, так и топоним *Лисья нора* (второй – в другом временном плане: при рассказе о «конце» Выгоретии). Умышленно ли Пришвин меняет форму, желая подчеркнуть течение времени и произошедшие за это время изменения, или же это результат неоднородного характера работы над произведением, остается вопросом.

Ситуация эта повторяется и в повести-сказке «Корабельная чаша», где наряду с микротопонимом *Красные гривы* (18) встречается микротопоним *Красная грива* (1). Слово «грива» находилось в активном лексическом запасе Пришвина – он неоднократно употребляет это слово, а также слово «гривка» в дневниковых записях в значении ‘продолговатая небольшая возвышенность, пригорок’ [СРНГ, т. 7, с. 144]. Исключением служат дальневосточные записи, где «гривами» Пришвин называет более крупные формы рельефа (ср. «цапля серая почему-то сидит теперь на сухой гриве, окруженная полевками, луговками и лесными птицами» [Пришвин, 2007, с. 466] и «богатая грива – идет до самого Владивостока» [Пришвин, 2006, с. 555]). Однако слово это писатель узнал не в детстве, а, вероятно, в одном из путешествий, так как он справедливо замечает, что «в черноземной степи

нашей горы не называются даже холмами и отроги – релями и гривами; все, что возвышается над степью, называется вершками и отвершками: горы – вершки, отроги – отвертки» [Пришвин, 2007, с. 439]. Наблюдение Пришвина подтверждается наличием в Словаре географической лексики Воронежского края статей «ОТВЁРШЕК» («Боковой овраг, ответвление оврага» [Дьякова, Хитрова, 2009, с. 223]) и «ОТВЁРТОК» («Ответвление оврага» [Там же, с. 224]). В «Корабельной чаще» *Красные гривы* оказались вырублены, из чего следует, что, называя место глухаринаго тока, автор использовал слово «грива» не в привычном ему значении, а в значении самом распространенном: 'высокий лес, растущий полосой' [СРНГ, т. 7, с. 143]. Эпитет «красные», включенный в состав этого рукотворного микропонима, намекает на характерный для глухаря цвет кожи вокруг глаз.

Другой лесной микропоним «Корабельной чащи», *Звонкая сеча* (11), перекликается с микропонимом *Звонкая борина* из «Кладовой солнца». Они также объединены героями и мотивами номинации: сравним «борина Звонкая наполнялась птичьими песнями, воем, стоном и криком зверьков. Не все они были тут, на борине, но с болота, сырого, глухого, все звуки собирались сюда. Борина с лесом, сосновым и звонким на суходоле, отзывалась всему» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 222] и «сеча, наверно, и названа Звонкой за то, что весной на заре все песни болотных птиц врываются через окошко сюда и в неопределенном урчании разносятся колыбельной песнью по всем лунным увалам» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 410]. Напомним, что Пришвин так и не добрался до «немеряных» лесов Коми и не мог знать подробно микропонимии тех мест, так что топоним *Звонкая сеча*, скорее всего, является также одним из образцов вымышленных автором топонимов.

Микропоним *Незакрытый колодец* (2) являет собой, с одной стороны, промежуточную стадию перехода имени нарицательного в имя собственное (у Пришвина это подчеркивается пунктуационно, имя пусть и написано с заглавной буквы, но взято в кавычки), с другой – сказочную модель формирования топонимического пространства. Топоним формируется

«на глазах» читателя, так как, пока до колодца не доходят Настя и Митраша, он представляет собой лишь – буквально – незакрытый колодец («– Ты помнишь, Сидор, незакрытый колодец возле беседки с часовенкой?» [Пришвин, ПСС, т. 6, с. 382]). Обретая имя, *Незакрытый колодец* не сразу теряет прямую связь с денотатом, так действительно называется незакрытый колодец; однако связь эта теряется тут же, также «на глазах» читателей: *Незакрытый колодец* закрывается Настей.

Ключевыми топонимами Севера являются поставленные в заголовки двух крупнейших «сказок» (по определению самого автора, «романа-сказки» и «повести-сказки») Пришвина мифотопонимы *Осударева дорога* и *Корабельная чаща*. Являясь по сути своей дромонимом и дримонимом соответственно, они становятся главными образами этих произведений.

Осударева дорога (23) связывает Петровские времена и 1930-е гг. Происхождение топонима подчеркнуто народное, образованное от северного произношения слова «государь» – «осударь». Несмотря на то, что в романе-сказке ни разу не упоминается имя Иосифа Сталина, проведенная с помощью топонима параллель между Петром Великим и Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) очевидна.

Топоним *Корабельная чаща* (61) подчеркивает утилитарный аспект заповедного леса: «корабельная», то есть та, что может пойти на строительство кораблей. Самое частотное и вынесенное в заголовок название леса не является, однако, единственным, и наряду с ним употребляются названия *Заповедная чаща*, *Сосновая Чаща*, просто *Чаща*. В книге «Берендеева чаща», содержащей непосредственные впечатления Пришвина от визита в «немереные леса», прототип Корабельной чащи назван просто *Чащей*, также в тексте этот северный лес несколько раз именуется *Берендеевой чащей* (так этот вымышленный топоним обретает значение нетронутого леса вообще), хотя изначально это имя Пришвин дал лесам под Переславлем-Залесским – по находящейся в 18 км на юго-восток станции *Берендеево*, название которой так очаровало его.

Общие выводы

Нельзя не заметить, что все пять крупных «северных» произведений Пришвина содержат в своих названиях (или подзаголовках) топонимическую лексику и все названия, так или иначе, имеют пространственное значение.

Большинство топонимов «северного» пласта топонимов, использованных в художественных текстах Пришвина, взяты из реальной топонимии Русского Севера и являются индикаторами автобиографической основы произведений, в которых они употребляются. Системный анализ одного из крупнейших пластов топонимов, использованных в художественном творчестве М. М. Пришвина, выявляет основные авторские приемы включения таких единиц в текст как средств художественной выразительности:

- индуцирование коннотативных значений топонима, в том числе, общих для нескольких текстов Пришвина;
- этимологизация топонима и актуализация «обнаженной» формы имени, как имплицитно, так и эксплицитно;
- поэтическая этимологизация топонимов (реже);
- актуализация стилистического потенциала отдельных имен, в частности, в целях создания стилистического контраста;
- использование содержательного компонента топонима в целях актуализации энциклопедических знаний читателя;
- использование топонима в локально-темпоральной функции, то есть в качестве маркера хронотопа – иногда в рамках своей биографии;
- мифологизация реальных топонимов;
- введение в основанную на использовании реальных географических названий топонимическую систему произведения вымышленных топонимов с прозрачной внутренней формой (в основном – микротопонимов).

При этом одна и та же топонимическая единица в разных контекстах может использоваться в качестве средства художественной выразительности по-разному.

В качестве средств художественной выразительности Пришвин использует топонимы всех основных классов.

4.3. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ТОПОНИМИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. М. ПРИШВИНА РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Топонимия Сибири

Сразу оговоримся, что в нашей работе термин *Сибирь* мы понимаем, как и М. М. Пришвин, в широком значении, то есть включаем в это понятие также и территорию современных северо-восточных областей Казахстана, прилегающих к верховьям реки Иртыш.

«Путешествие в *Азию*» Миши Пришвина и его гимназических друзей стало едва ли не самым символическим событием его детства – и потому, наверное, воспоминания о той аванюре можно встретить не в одном произведении Пришвина. Темой «побега» в некую чудесную страну пронизано многое в творчестве Пришвина, который не раз возвращался как к конкретным событиям детства, так и к образу побега. Только, если герой – Курымушка – хоть и не сразу, но «определился» с тем, как он эту страну для себя называет, взрослый Пришвин-писатель использовал разные имена. Например, в книге «За волшебным колобком» (1908) читаем: «страна без имени, без территории! Вот куда мы хотели тогда убежать – маленькие дикари. И по незнанию мы называли ее то Азией, то Африкой, то Америкой. Но в ней не было границ; она начиналась от того леса, который виднелся из окна классной комнаты» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 252]. В дневнике 1919 г.: «сегодня я назначен учителем географии в ту самую гимназию, из которой бежал я мальчиком в Америку и потом был исключен учителем географии (ныне покойным) В. В. Розановым» [Пришвин, 2008, с. 410]. В автобиографии, написанной по просьбе А. С. Яценко для журнала «Новая русская книга» в 1922 г., Пришвин тоже упоминал о том самом побеге: «...из первого же класса я попытался с тремя товарищами убежать на лодке по реке

Сосне в какую-то Азию (не в Америку)» [Пришвин, 1995, с. 274], – уточнял писатель, хотя позже, в 1932 г. писал: «вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов – «индейцах». Мы из-за них бежали в Америку» [Пришвин, 2009, с. 132]. В «Кашеевой цепи» таким американским романом является «Всадник без головы» Томаса Майн Рида: «и вот когда он [Курымушка] рисовал по атласу и заучивал названия, вдруг такие же названия пришли ему из «Всадника без головы», и стало представляться, будто он продолжает путешествовать с Майн-Ридом» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 67].

То есть, в дневниках писателя, как и в его сознании, топонимы *Америка* и *Азия* означали метафорически одно и то же: загадочную страну счастья, страну-мечту из его детства. Однако в художественных целях Пришвин для романа «Кашеева цепь» «выбрал» *Азию* и даже объяснил свой выбор устами Курымушки: «Америка открыта... а в Азии, мне кажется, много неоткрытого» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 70]. Не был бы столь ярок и эпизод с пересечением Курымушкой условной границы между Европой и настоящей Азией, будь мечтой Курымушки *Америка*: «...вот наконец-то она, желанная Азия... куда хотелось давно убежать» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 114]. И тем не менее «страна Майн-Рида» [Пришвин, 2007, с. 486], записывает Пришвин в дневнике по дороге... в Сибирь, где-то у реки Чу, то есть, находясь в *Азии*.

Эту *Азию* Пришвин искал всю жизнь, находил – и снова по каким-то причинам терял, и находилась эта страна далеко не всегда на территории географической Азии, границу которой Пришвин пересекал не только на пути в Тюмень, будучи подростком, но и во взрослом возрасте. Одним из таких путешествий в *Азию* была долговременная поездка писателя в Сибирь, совершенная в 1909 г. Впечатления от той поездки сохранились в «сибирском дневнике», увидевшем свет под заголовком «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» в числе других «ранних» дневников писателя. По мнению Е. А. Худенко, «рассмотрение некоторых фрагментов раннего дневника, посвященных поездке в Азию, помогает выявить истоки как

образной системы художника, так и его философско-мировоззренческих исканий» [Худенко, 2013, с. 124]. По материалам этой поездки были созданы художественные тексты «Адам и Ева» (1909) (который, в свою очередь, имеет общие места с главой «Золотые горы» автобиографического романа «Кашеева цепь»), «Черный Араб» (1910), «У Чертова озера» (1910), «Архары» (1926). В них нашла отражение топонимия южной Сибири. Отдельные топонимы (в частности, хороним *Сибирь*), а также названия крупных сибирских рек встречаются также и в других произведениях.

Хороним *Сибирь* (62) обретает в текстах ряд коннотаций, часть из которых универсальна для русского языка.

Сибирь у Пришвина – это:

– место ссылки («Мы тебя, говорит, для примера в Сибирь сошлем» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 166]; «теперь же он шел совершенно один, возмущенный, погруженный в себя. “Они бедные дети ссыльных, – думал он, – а у меня такого отца не было, я сам себя сослал в Сибирь, я сам поднял бунт в гимназии, они получили от отцов своих это даром”» [Пришвин т. 2, с. 128]; «леса эти в прежнем Царстве Польском были то же, что теперь для нас Сибирь, – место ссылки преступников» [Там же, с. 602]); коннотация ‘ссылка, каторга’ является узувальной [Отин, 2004, с. 310];

– страна возможностей («брат Ваня маслом торговал на базаре и вдруг исчез в Сибирь и является оттуда богатейшим парходчиком» [Там же, с. 201]; «в Сибири все с волчьими билетами, сам директор вышел из ссыльных» [Там же, с. 107]); «вали, вали, – сказал Иван Астахов, – голова на плечах, в Сибири все можно» [Там же, с. 105];

– страна новых мест и переселенцев («– А где новые места? – Известно, в Сибири» [Там же, с. 28]; «сказывают, в Сибири мешок картошки двугривенный стоит, говядина – три копейки фунт, свинина – две копейки, лесу руби – не вырубись» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 661-662]). Очерк «Адам и Ева» входит в цикл «Новые места».

Последние две коннотации сближают коннотативный топоним *Сибирь* с топонимом *Алтай*, имеющим узуальную интралингвальную коннотацию ограниченного территориального значения 'богатое во всех отношениях место' [Отин, 2004, с. 42].

В некоторых контекстах реализуется и значение иного положения Сибири, по сравнению с положением остальной России: «да бросьте начальство, расскажите о себе, как вы странствовали и что видели в России и Сибири» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 710]; «беда тому, кто придет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто, у нас – двадцать, у них – двести и т. д.» [Там же, с. 713]; «у нас в России четыре стороны: Сибирь, юг, запад и север. И во всех этих четырех странах климат, и почва, и вся жизнь разная» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 577].

Один и тот же, сибирский, материал отражен в трех разных по жанровой принадлежности и поэтике группах текстов Пришвина: путевом дневнике, художественной публицистике («Адам и Ева», «Переселенцы», «У Чертова озера») и собственно художественных текстах («Черный Араб»). В них по-разному обработаны и по-разному представлены события, имевшие место во время названного путешествия писателя, что сказывается также и на особенностях отражения топонимической лексики.

Согласно комментариям к Полному собранию сочинений М. М. Пришвина (1982-1986), очерк «Первые земледельцы» был издан 17 апреля 1909 г. в газете «Русские ведомости», хотя путешествие, где писатель мог получить впечатления, описанные в данном рассказе, только во время путешествия летом-осенью 1909 г., что зафиксировано в дневнике писателя. В любом случае, первым опубликованным «киргизским» (казахов до революции называли киргизами) произведением Пришвина мы считаем именно этот очерк, повествующий о джетаках, осевших кочевниках, по тем или иным причинам перешедших к земледелию. Пришвин, пообещавший себе в дневнике описывать путешествие, «не определяя точно города,

местности или называя переведенные с киргизского языка именами» [Пришвин, 2007, с. 517] в этом коротком очерке верен своей установке. В «Первых земледельцах» мы встречаем всего три топонима в 7 употреблениях: *сопка Маира, Арка́, Аркадия*.

Ороним *сопка Маира* (4) является вымышленным. В имени этом скрывается отсылка к стихотворению Федора Сологуба «Звезда Маир» (1898), являвшемуся, пожалуй, одним из программных произведений модернистов-символистов, в чье окружение Пришвин попал осенью 1908 г. *Сопка Маира* Пришвина, как и *звезда Маир* Сологуба видна глазом, но далека и недоступна («Взбираемся вверх, спускаемся вниз в долину, опять в гору, опять в долину, а сопка Маира все далеко» [Пришвин, ПСС, с. 720]), за *сопкой Маира* находится пастушья земля обетованная, а *звездой Маир* «озарен... далекий мир» [Сологуб, 2014, с. 483]. Спустя почти полтора десятка лет эта реплика в сторону товарищей-символистов, отношения с которыми у Пришвина и в самом начале их знакомства не были однозначно хорошими, а после Великой российской революции разладились окончательно, зазвучало по-новому, местами даже несколько издевательски в статье «Сопка Маира», вышедшей в 1923 г. в немецком журнале «Накануне» [см.: Пришвин, 2004_б, с. 535-539]. Здесь *сопка Маира*, бывшая некогда недостижимой точкой между символистским небом и казахской степью, снижается до кусочка земли под Смоленском: Пришвин якобы назвал *сопкой Маира* участок на возвышении в честь «одного» своего рассказа. Такое перенесение любопытно соотносится с характерным для истории народов топонимическим переносом, который содержит некий «сакрально-заклинательный элемент, в котором выражено стремление людей обрести родину на новом месте» [Ююкин, 1996, с. 52]. *Сопка Маира* в этой публикации разделяется на три объекта: книгу, которую Пришвин якобы писал; участок; и, собственно, статью, имеющую именно такой заголовок. Примечательно, что в статье фигурируют имена нескольких модернистов: *Андрея Белого, Осипа Мандельштама* и других. Кульминация этого

публицистического повествования основана также на игре с именем: «заглавие напечатано не “Сопка Маира”, а, будь ему трижды неладно: “Стопка Маира”, какой-то – “стоп!” выходит из этой затеи» [Пришвин, 2004₆, с. 539].

Мифотопоним *Арка́* (8) является единственным топонимом, объединяющим все «сибирские» произведения 1909-1911 гг. Во всех контекстах *Арка* имеет схожие коннотации. *Арка* – «счастливая страна» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 514], «лучшая страна» [Там же, с. 514; с. 526; с. 715], «хребет земли» [Там же, с. 514; с. 526; с. 715; с. 726; с. 730] – Пришвин объясняет, что именно так («хребет земли») это слово переводится с языка местных кочевников; и, действительно, в большинстве тюркских языков звукосочетание *арка* означает ‘спина’, а в русском языке используется как архитектурный термин. Благодаря созвучию («страна, которой не хватает всего только трех букв до настоящей Аркадии» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 725]) и сходству некоторых значений, *Арка* у Пришвина часто сопоставляется с *Аркадией* (8), «счастливой страной», древнегреческое население которой, как и население степной *Арки*, занималось лишь скотоводством и земледелием. Топоним *Аркадия* в сибирских рассказах Пришвина акцентирует внимание читателя на различии понимания счастья у народов, оказавшихся в разных условиях, придавая к тому же ироничный оттенок кочевническому «счастью»: «этот край безводный, безлесный и соленый по-киргизски называется “Арка”, – значит, “хребет”, “пуп земли”, лучший край на свете, осуществленная Аркадия» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 715]. В очерке «Адам и Ева» Пришвин называет *Арку* «киргизской Аркадией», этому же окказиональному сочетанию, парадоксальность которого усиливается с помощью еще одного, административного, топонима (*Каркаралинский уезд* (1)), «отдает» финальные строки этого произведения: «...потому-то лучшие переселенцы – немцы. Но зачем попадут сюда они, в эту киргизскую Аркадию, Каркаралинский уезд?» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 719]. В очерках

«Первые земледельцы» и «У Чертова озера» сопоставление *Арки* и *Аркадии* также имеет место, однако здесь оно находится на втором плане.

Очерк «Адам и Ева» (его части впервые опубликованы в ноябре 1909 г. в «Русских ведомостях») содержит большое количество реальных узнаваемых читателем сибирских топонимов: *Алтай, Балхаш, Иртыш, Омск, Павлодар, Петропавловск, Челябинск*. Именно благодаря этим топонимам действие оказывается помещенным в реальный сибирский топос, и очерк тяготеет к публицистике. Использованный здесь топоним *Голодная степь* (5) также является реальным топонимом и в начале XIX века использовался для названия двух местностей: «1) Г. степь, или Бек-пак-дала, к северу от реки. Чу и к западу от озера Балхаш, и 2) Г. степь между Джизаком и Сырдарьей на почтовом тракте из Самарканда в Ташкент» [Брокгауз, т. 9, с. 101]. Важно отметить, что у Пришвина под *Голодной степью* подразумевается первая из указанных выше местностей, тогда как уже с начала XX века этим именем чаще называлась вторая. Большинство переведенных казахских микротопонимов в этом очерке являются лишь иллюстративным материалом. Так *Закопанный Колодец, Потерянная лошадь* и *Сломанное колесо* показывают способы номинативного творчества кочевников, причем два последних придуманы, вероятно, самим Пришвиным (подробнее см. далее), а история возникновения топонима *Бас-Кудук* (1), переведенного как *Закопанный колодец*, изложена достаточно подробно. Очерк «Адам и Ева» также является единственным из сибирских произведений, где в таком объеме употребляются несибирские топонимы: *Венгрия, Поволжье, Самара, Таврическая губерния*.

В опубликованном весной (25 марта) 1910 г. небольшом очерке «У Чертова озера» практически вся топонимическая лексика имеет этимологический комментарий. Уже название очерка содержит топоним, являющийся топонимом реальным, но известным узкому кругу читателей. *Чертово озеро* (7) известно также под тюркским именем *Шайтанколь* и расположено в горах Каркаралы, в 5 км на запад от Каркаралинска. «До того

причудливы эти глыбы гранита в степных горах, до того тут много трещин, проходов и поворотов, что редко кто может найти это озеро сразу. Все блуждают, и все думают: “черт водит”, за то и дали название “Чертово озеро”» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 726]. Далее писатель приводит историю о попытке освящения озера и переименования его в *Освященное* (1), что является достоверным фактом – он описан в статье «14 июня в Каркаралинске» газеты «Омские Епархиальные Ведомости» за 1905 г. [14 июня..., 1905, №16, с. 20-23]. Интересно, что новое название озера звучало как *Святое озеро*, Пришвин в тексте изменил его на *Освященное* – возможно, чтобы отделить его от *Святого озера*, расположенного на Соловецких островах, о котором он писал за три года до этого.

В этом небольшом очерке уместились и другие этимологические объяснения: горы *Каркаралы* (5), как объясняет аксакал, это «черное перо», «в этих горах красавица Баян оставила черное перо из своего головного убора» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 728]; *Алтын-Тарак* (1) – «золотой гребень»; долина *Чок-Терек* (3) – это *долина Одинокого Тополя* (1), где на три дня воскрес Козу-Корпеч.

Город *Каркаралы* (3) определяет исходную точку хронотопа произведения. *Каркаралы* находится в «счастливой стране» *Арке*, это «куча серых деревянных домов, похожих на осыпавшиеся с гор обломки гранита» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 725]. Позднее, в очерке «Архары» Пришвин использует настоящее название города – *Каркаралинск*, в очерке «У Чертова озера» же *Каркаралинск* называется *Каркаралы* – возможно, это сделано в целях реализации созвучия со словом «тартарары», которое реализуется в речи одного из персонажей: «одно слово Каркаралы, – сказал цветущий помощник уездного начальника. – Ведь это, батенька мой, те же тартарары, да еще почище; сюда заехал, как под стену попал» [Там же, с. 728].

Позже, в книге «Берендеева чаща» ороним *Каркаралы* будет использован как аллюзия на путешествие в Сибирь: «неожиданно мне вспомнилась охота моя в Каркаралах на архаров с замечательным охотником

Хали, по прозвищу Мергень, значит – с казахского – “меткий стрелок”» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 655].

Рассказ «Черный Араб» Пришвин писал с благословения Ремизова («Рассказал Ремизову о своем арабе, о содержателе соленого озера и т. д. Он сказал: вот хорошо, пишите» [Пришвин, 2007, с. 578]) и, безусловно, под влиянием его творчества. Если решение о сути рассказов, образе рассказчика и его роли в произведении пришло Пришвину уже по возвращении в Петербург (обратимся к дневниковой записи от 8 ноября: «”Степной оборотень” – рассказы, связанные одним фоном природы: степи. Итак, решено: я степной оборотень» [Пришвин, 2007, с. 579]), после публикации «Адама и Евы», об особенностях хронотопа будущего рассказа Пришвин думал еще во время путешествия («Я буду описывать мое путешествие так: не определяя точно города, местности или называя переведенные с киргизского языка именами» [Пришвин, 2007, с. 517]), и здесь, в отличие от большинства предыдущих текстов, этот замысел был воплощен. В «Черном Арабе» действительно нет топонимов, которые бы открывали широкому читателю место действия рассказа. Большая часть топонимов дана в переводе (*Сломанное Колесо, Закопанный Колодец, долина Потерянный Топор, долина Пестрой Змеи*), но есть и неперевоенные казахские топонимы (*горы Аулие-Тау, гора Карадаг*), не соотносящиеся с реальными.

Микротопоним *Сломанное Колесо* (2) является, возможно, пришвинской попыткой создания топонима по местной модели, впервые этот микротопоним появляется в очерке «Адам и Ева» в качестве примера принципов номинации, используемых кочевниками: «киргизы, по мнению некоторых ученых, своим творчеством напоминают греков при Гомере: они воспринимают внешний мир непосредственно и воспевают его таким, как воспринимают. На это отчасти указывают уже одни названия мест. Потеряется лошадь во время ночевки в степи – место это назовут “Потерянная Лошадь”; сломается колесо на дороге – урочище назовут “Сломанное Колесо”; попадет на глаза это колесо во время рождения

ребенка – киргиз и ребенка назовет Сломанное Колесо» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 706]. Как и топоним *Потерянная лошадь* (1), топоним *Сломанное Колесо*, скорее всего, придуман Пришвиным, так как в изобилующем топонимами подобного рода дневнике этих двух топонимов нет. Сместем предположить, что микротопоним *Сломанное Колесо* «вырос» из реального случая, произошедшего недалеко от станции Кара-Сор: у путешественников действительно сломалось колесо («Колесо рассыпалось... За версту искать винт и гвозди... Выдергиваем из ящичков гвозди. Находим острые камни... ужасные экипажи... все пробуем заколачивать, заклинивать, даже жена лесничего.... Связываем кошечкой и веревочкой» [Пришвин, 2007, с. 484]).

Микротопоним *Закопанный колодец* (9) упоминается в «Черном Арабе» всего 1 раз против 8 употреблений в очерке «Адам и Ева», где рассказана история его возникновения и дан его тюркский аналог *Бас-Кудук*. Один и тот же топоним играет в отличающихся по жанру произведениях разные роли. Если в близком к публицистике очерке топоним дан как иллюстрация к быту кочевников и способам местной номинации, то в сугубо художественном произведении он является частью внутреннего хронотопа степи. Пришвин, однако, и в рассказе выделяет все подобные топонимы курсивом, чтобы подчеркнуть их самобытность, необыкновенность. К таким топонимам принадлежат также топонимы *долина Потерянный Топор* (1), *долина Пестрой Змеи* (3).

Особняком стоят топонимы *Аулие-Тау* и *Карадаг*. Они, вероятнее всего, сконструированы Пришвиным самостоятельно. Первый, *Аулие-Тау* (1) в дословном переводе с казахского означает «святые горы» и является, по сути, казахским повторением характеристики этого места: «раньше, бывало, бесплодные женщины ходили ночевать и молиться в святы горы Аулие-Тау» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 510]. Второй, *Карадаг* (4), – единственный топоним, использованный в части «Орел». Он, однако, не является казахским топонимом, хотя и состоит из двух тюркских корней – *кара* (черный) и *даг* (гора). Слово *даг* не используется в казахском языке, горы там называют

словом *tau*. Почему Пришвин использовал топоним *Karadağ*, а не *Karatau*? Можно предположить, что он хотел избежать использования имени реального казахского горного массива. Нужно также учесть время и обстоятельства написания этой части произведения. Рассказ «Орел» не входил в изначальный вариант «Черного Араба», он был написан позже – 5 марта 1918 г., и воспоминание о приручении орла тогда появилось в дневнике в контексте размышлений о судьбе русского народа в идущей мировой войне («Так вспоминаются теперь этими днями и ночами ловцы орла и думается: вот теперь и русский народ, как задерганный орел-беркут (так теперь немцы русских ловят)» [Пришвин, 1994, с. 41], – заключал степное воспоминание Пришвин) и впервые опубликован в 1935 г., а включен в рассказ «Черный Араб» только в 1948 г. В дневниковом варианте также использовался топоним *Karadağ*. Писатель, делая дневниковую запись, скорее всего, и не пытался вспомнить настоящее название той «черной» казахской горы (если оно вообще было), где он когда-то охотился на беркута, а решил использовать всплывшее в памяти крымское (Пришвин был в Крыму в 1913 г.) имя – *Karadağ*, переводящееся с крымско-татарского и турецкого языков как «черная гора».

В небольшом рассказе «Соленое озеро», который в собрании сочинений 1935-1939 гг. дополнял «Черного Араба», но и до (в 1914 г. под названием «Медвежья шуба»), и после публиковавшемся отдельно, имеются всего два топонима, и они лишь примерно определяют место действия и начало пути героя: *Алтайские предгорья* и берег реки *Иртыш*. Предполагаемый конечный пункт (город, куда направляется путешественник) зашифрован в фразе «вот едет вдова капитана... в маленький городок за шестьсот верст отсюда, в степных горах, там Баян-Слу оставила черное перо» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 631]. Знакомый с рассказом «У Чертова озера» читатель или же житель Казахстана догадается, что вдова направляется в *Каркаралинск*. В этот поэтический и, одновременно, ироничный рассказ также включен топонимический комментарий – довольно

общий, но он еще раз доказывает живой интерес Пришвина к топонимии: «имена гор, долин, пастбищ, ручьев и колодцев в этом пустынном краю пастухов почти все сохраняют память о замечательной любовной истории, отразившей в себе древнейший колыбельный быт человека» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 631].

В рассказе-воспоминании «Архары», изданном в 1926 г., Пришвин вновь использует множество реальных топонимов, среди которых есть как уже появлявшиеся в его художественных произведениях (*Алтай, Иртыш, Каркаралинск, Павлодар*), так и новые: долина *Бий-Джина*, *Семипалатинск, Тарбагатай*; они маркируют реальный хронотоп рассказа. В случае с «Архарами» совокупность сибирских топонимов не только эксплицитно определяет топос, но и, имплицитно, хронос и указывает на 1909 г. – время путешествия автора в верховья Иртыша. Не случайно первое предложение рассказа содержит топоним: «было это на Иртыше» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 431]. В рассказе с помощью топонимов четко обозначен путь Аарона Исаича, встреча с которым становится завязкой сюжета: он направляется из *Семипалатинска* в *Каркаралинск* (как и вдова капитана из «Соленого озера!»). Место их встречи также определено: *Павлодар*. В рассказе обозначено место охоты на архаров – горы *Кызылтау* (2) (Пришвин и здесь не удерживается от ономастического комментария: «...Кызылтау, значит, красные горы» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 436]!), долина *Бий-Джина* (1).

Сопоставление пришвинских произведений разных жанров и разных лет, произведений, имеющих разное концептуальное наполнение, но написанных с опорой на один и тот же фактический материал позволяет отследить жанрообразующую и стилеобразующую роль топонимической лексики в произведениях писателя, понять принципы отбора указанных лексических единиц и способы образования текстового хронотопа.

Материал «сибирского» дневника писателя [Пришвин, 2007, с. 471-580], при создании текста которого отбор художественных средств происходил стихийно, содержит большое количество топонимической

лексики, но лишь немногие из упомянутых в дневнике топонимов попали в художественные произведения писателя. Количество, характер и особенности использования таких топонимов также различны и зависят от жанра произведения и концептуальных установок писателя.

Топонимическая лексика очерковой прозы, к которой мы отнесем очерки разных лет («Адам и Ева», «У Чертова озера», «Архары») – представлена большим количеством реальной топонимической лексики. В этих произведениях используется как общеизвестная лексика, так и лексика малоизвестная. Первая группа служит для маркирования реального хронотопа, вторая – для создания необходимого колорита.

Топонимия Дальнего Востока

Дальний Восток России стал местом действия одного из самых известных и, по мнению самого автора, блестящих его произведений – лирической повести «Жень-шень». Повесть эта, по одному из замыслов Пришвина, должна была стать лишь частью большой книги «Золотой Рог», однако исполнено это было только в издании 1934 г., а после повесть «Жень-шень» печаталась отдельно от трех других частей, вошедших в собрании сочинений 1982-86 гг. и опубликованных под заголовком «Из книги “Золотой Рог”». В предисловии к журнальному варианту очерков Пришвин так описывал свой замысел: «в первой части ее [книги “Золотой Рог”] будет повесть “Жень-Шень”, то есть сотворенная мной легенда, а вторая “Золотой Рог”, та фотографическая действительность, на основе которой я создал свою легенду. Я загадываю еще, что эта моя книга будет сложена, как научная: первая часть ее, повесть, будет результат исследования или открытия чего-то нового, а во второй части будут даны материалы, на основе которых велось исследование. <...> Я думаю, что для тех, кто прочел мою повесть, эти простые картинки ответят на обычный вопрос читателей: “Но как же все было на самом-то деле?”» [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 723]. Пришвин также рассматривал возможность «прибавить к этой книге еще и свою записную книжку», чтобы «Жень-шень» «предстал бы во всех срезях своего создания и

книга походила бы на те научные книги, в которых значительная часть места отводится на цитаты из “источников”» [Пришвин, ПСС, т. 4, с. 724]. Желание Пришвина показать путь превращения жизненного материала в рукотворную легенду и должно было породить книгу «Золотой Рог», так что рассмотрение дальневосточных книг писателя наиболее интересно в сопоставлении, и повесть «Жень-шень» начинает «говорить» о творчестве именно тогда, когда раскрывается через остальные части «Золотого Рога».

Редкая в русской литературе организация материала, когда он проходит, по сути, три своеобразных фильтра (дневник, документальный очерк, лирическая повесть) и при этом читатель может ознакомиться со всеми вариантами его воплощения, исключительно любопытна также с точки зрения литературной ономастики – здесь интересно проследить принципы авторского отбора имен на каждом из этапов творчества и сопоставить их с особенностями жанровой специфики каждого из этих «слоев». Вершиной же этой литературной пирамиды является, безусловно, повесть «Жень-шень».

В повести «Жень-шень» используется 26 топонимов в 105 употреблениях. Из них к дальневосточным топонимам мы относим 14: *Барсова падь, Голубая падь, Дальний Восток, Запретная падь, Зусухэ, Майхэ, Медвежий распадок, Орлиное Гнездо, Певчая Долина, Семивершинная падь, Сосновые скалы, Тихий океан, Туманная гора, Чики-Чики*. Лишь три из них встречаются исключительно в повести «Жень-шень» (*Певчая Долина, Сосновые скалы, Чики-Чики*), остальные 11 топонимов упоминаются как в книге «Золотой Рог», так и в путевом дневнике писателя (*Зусухэ* в «Золотом Роге» имеет другой вид – *Сузухэ*).

Ороним *Туманная гора* (30) является самым частотным топонимом повести «Жень-шень» – он используется здесь 21 раз. Данный реальный ороним, известный всем жителям юга Приморского края, связывает пространство лирической повести с реальным пространством, иными словами, определяет пространственную часть хронотопа (временная его часть, кстати говоря, определена в первом же абзаце повести: 1904 год).

Место действия, благодаря орониму, становится четко определено: полуостров Гамова, расположенный в 76 км от Владивостока. Как раз здесь и располагалось оленье хозяйство, а именно Старый парк, когда Пришвин приехал сюда в 1931 г. «Старый парк это, по существу, одна гора Туманная, которая со всеми своими падами, распадками представляет собой почти весь остров» [Пришвин, 2006, с. 512], – записывает он в дневнике 16 октября.

Три пади *Туманной горы* – *Барсова* (10), *Голубая* (8) и *Запретная* (7), – упомянутые в повести «Жень-шень» – это также реальные топонимы, Пришвин пишет о них в дневнике: «я не добрался до самого верха, потому что вслед за Голубой падью открылся вид на всю Запретную падь и рядом с ней на Барсову» [Пришвин, 2006, с. 519]. Пришвин считал их, обращенные к океану, самыми красивыми и здесь «охотился со своей фотокамерой». В главе «Скверная котлетка» «Золотого Рога» пересказана история одного из прежних владельцев оленьего парка, Ивана Янковского, который приручил барса (леопарда), пойманного им в той пади, которая теперь называется *Барсовой*. «В честь этого барса одна известная падь Туманной горы названа Барсовой» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 522], – говорится в произведении. В повести «Жень-шень» происхождение названия этой пади объясняется тем, что там рассказчиком и Лувеном был убит леопард (барс) и после этого случая рассказчик стал называть эту падь *Барсовой* [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 35]. Этимология двух других упомянутых падей у Пришвина не освещена.

Живое впечатление рассказчика из повести «Жень-шень» порождает и другой топоним, название мыса *Орлиное Гнездо* (17). Названный мыс прежде упоминается и в дневнике писателя: «22 Сентября. Яркое утро. Был на Орлином гнезде и так спешил снимать город, будто он скоро будет не наш...» [Пришвин, 2006, с. 476], и в книге «Золотой Рог». В повести «Жень-шень» название заново рождается на глазах читателя: на этом мысу рассказчик обнаруживает орлиное гнездо и наблюдает бой орла и оленухи Хуа-лу. Сразу после боя мыс и получает в тексте это название. Разорив гнездо хищника, он устраивает здесь оленье хозяйство. Любопытно, что жизнь этого топонима в

рамках произведения сходна с судьбой многих реальных топонимов: исходный денотат исчезает, а название остается.

Сокровенный корень жизни, уготованный китайцем Лувеном для рассказчика, имеет в повести свой «адрес»: он помнил, что показанное однажды растение можно найти за *Певчей долиной*, к которой «надо идти через Семивершинную падь в третий Медвежий распадок» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 76]. Этот «адрес», содержащий сразу два топонима: *Семивершинная падь* (2) и *Медвежий распадок* (2) – дважды упоминается в дневнике писателя: «1 Сентября. Солнечный день. Ходил со студентами вдоль лебяжьей лагуны в Семивершинную падь, и дошли до 3-го Медвежьего распадка, такой адрес: Семивершинная падь, 3-й Медвежий распадок. Женщина у сторожки не хотела нас пропустить в парк. Мы сказали, что мы научные сотрудники...» [Пришвин, 2006, с. 438]; «оленьюшка между тем, отступая к 3-му Медвежьему распадку Семивершинной пади, вошла в густые дубовые заросли, перевитые лианами лимонника, и очень скоро родила желтого теленочка с крупными отчетливо-правильными белыми пятнами, совершенно похожими на блики солнца» [Там же, с. 458]. Последний эпизод описан и в «Золотом Роге» («адрес» сохранен), и в «Жень-шень» (конкретное место не обозначено).

По дороге к корню жизни Лувен и рассказчик оказываются в месте, где можно было «догадываться по солнечным зайчикам, по мелькающим силуэтам и теням крыльев о какой-то особенно богатой жизни этой Певчей долины: множество разных мелких певчих птиц распевало среди разных деревьев...» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 30-31]. Как и некоторые другие, вымышленный топоним *Певчая долина* (11) рождается как название на глазах читателя – Пришвин акцентирует внимание на процессе такого превращения с помощью местоимения «этой» перед именем собственным.

Смертельный бой двух оленей, Серого Глаза и Черноспинника, происходит в *Сосновых скалах* (1), рядом с огромной пинией. Прототипом этого места стал, видимо, безымянный пятачок у обрыва, куда, сбившись с

тропы, попал однажды Пришвин [Пришвин, 2006, с. 533]. Здесь он представил испуганного оленя, сорвавшегося со скалы. Падение в море было уготовано и Черноспиннику, здесь же растут пинии. Словосочетание «сосновые скалы» однажды встречается в дневнике Пришвина («В сосновых скалах есть “барсовый запретный ключ”» [Пришвин, 2006, с. 416]), но не до конца ясно, осознается ли оно там как имя собственное.

Фанза Лувена, ставшая на многие годы главному герою повести «Жень-шень» домом, стоит в распадке *Чики-чики* (1). Название это также не имеет отношения к официальной географии и родилось в сознании Пришвина, видимо, как ироничное, а в художественном мире – вместе с приходом в распадок рассказчика: он знакомится с Лувеном у границ его владений, где на дереве нацарапано предупреждение «Твоя ходи нельзя, *чики-чики* будет!» (курсив наш. – И. С.).

Особенностью топонимического пространства повести «Жень-шень» является мифологизация топонимии, причем в дальневосточном неомифе Пришвина на переднем плане находятся реальные топонимы, заново возникающие прямо «на глазах» читателя. Писатель минимально изменяет реальное пространство и его имена, он скорее подстраивает действия героев под них – и именно они обуславливают некоторые сюжетные перипетии.

Произведения Пришвина о Дальнем Востоке получились настолько точными, что «киноэкспедиции, журналисты, ученые, приезжая туда, спрашивали, как им найти Пришвина, потому что были совершенно уверены по его книгам, что он живет там всегда» [Курбатов, 1986, с. 147] – между тем, писатель провел на Дальнем Востоке три с половиной месяца: с середины июля до начала ноября 1931 г.

Важно осознавать, что Пришвин, вовлеченный в советскую практику командирования журналами писателей на производство в разные уголки Союза, не становился создателем заказных произведений. В 1931 г. он командировался на Урал, в 1934 – на Горьковский автозавод, но уральские и волжские заводы не были удостоены ни строчки. «Пришвин писал лишь

тогда и о том, когда и о чем не мог не писать» [Мотяшов, 1965, с. 124], – метко комментировал это своеобразное писательское неповиновение И. Мотяшов.

Общие выводы

Отражение в художественных текстах Пришвина реальной топонимии Сибири и Дальнего Востока, а также отдельных вымышленных топонимических единиц, включенных в системы с большинством реальных единиц, показывает, что стилистический потенциал топонимов меняется в зависимости от авторской интенции и жанровых особенностей произведения. В дневниковых записях топонимические единицы выполняют в основном локально-дифференцирующие функции, в текстах публицистического и документально-очеркового характера те же топонимические единицы обладают умеренным стилистическим потенциалом и используются активнее, чем в чисто художественных текстах, основанных на реальных впечатлениях, где количество топонимов меньше, но их стилистический потенциал максимален.

Изучение отражения дальневосточных топонимов демонстрирует те же основные использованные Пришвиным методы включения названий географических объектов в состав художественных текстов как средств художественной выразительности, что и в остальных группах. Поэтическая этимологизация в повести «Жень-шень» носит в ряде случаев окказиональный характер, основывается на изменении реальных мотивов номинации на внутритекстовые мотивы и связано с пришвинским мифотворчеством.

На данном материале также подтверждается гипотеза о высокой степени автобиографичности произведений писателя.

4.4. ВЫМЫШЛЕННЫЕ И ИСКАЖЕННЫЕ ТОПОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

Вымышленная топонимическая система «Старых рассказов»

Рассказы Пришвина «Крутоярский зверь», «Птичье кладбище» и «Бабья лужа», созданные в 1910-12 гг., сам автор объединял в цикл под названием «Старые рассказы». В литературной критике этим рассказам традиционно приписывалась излишняя поэтизация непостижимого, мистицизм, «манерничанье» [Колтоновская, 1912, с. 3], «влияние декадентства» [Горелов, 1978, с. 92]. Сам автор отзывался о своих рассказах скорее положительно, считал, что именно они открыли ему литературную дорогу [Пришвин, 2009, с. 430] и впустили в область искусства [Пришвин, 1995, с. 158], хотя и признавал, что написаны они, как и рассказ «Черный араб», «в общении с Ремизовым» [Пришвин, 2013_а, с. 705], а значит, признавал и их частичную художественную несамостоятельность.

«Старые рассказы» интересны нам нехарактерной для пришвинских текстов полностью вымышленной ономастической системой, на примере которой удобно исследовать принципы имятворчества Пришвина.

В рассказе «Крутоярский зверь» мы встречаем 16 топонимов в 53 употреблениях, в рассказе «Птичье кладбище» – 8 топонимов в 36 употреблениях, а в рассказе «Бабья лужа» – 3 в 14 употреблениях. Из них лишь топонимы *Верхний Брод*, *Крутояр*, *Крутоярое озеро* встречаются больше, чем в одном рассказе; перечисленные топонимы связывают топос первых двух рассказов в единое пространство, что раскрывает первоначальный замысел Пришвина: ведь в журнале «Речь» в 1912 г. они были опубликованы под единым заголовком «Крутоярский зверь».

Любопытно, что заголовки всех трех рассказов имеют топонимическую составляющую – налицо желание Пришвина создать в этих рассказах особое *пространство*, центрами которого попеременно становились бы названные в заголовках места: *Крутоярое озеро*, *Птичье кладбище*, *Бабья лужа*. Именно эти места играют в рассказах ключевые роли и приводят героев к роковым развязкам.

Большинство вымышленных топонимов Пришвина являются «говорящими»: их внутритекстовая этимология либо понятна без объяснений

(*Крутояр, Верхний Брод, Крутоярская лысинка, Неуродимый луг, Сухой Сот, Глинище*) и, в ряде случаев, подтверждается простыми сюжетными подробностями (*Зеленая Лужа, Гусиный остров, Черный вир*), либо напрямую объясняется в тексте. Так, *Птичье кладбище* – это место, куда птицы летят умирать («куда птица летит помирать? Туда! <...> Там у них кладбище <...> Птичье кладбище...») [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 606], а *Бабья лужа* названа так потому, что там часто тонут бабы-боровницы: «идет баба на кувшинки, а под цветами-то окнища бездонные. Ступила раз, ступила два – запела трясина, заходила, заурчала, как огромный мягкий живот... Страшное место и зовется *Бабья Лужа*» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 628].

Важно понимать, что, хотя в реальной практике топонимы нередко теряют связь с денотатами и говорят скорее о прошлом места, чем о настоящем, в художественных произведениях они могут рассказывать и о настоящем, что и происходит в «Старых рассказах» Пришвина. Через топонимы дается описание местности. Здесь *Зеленая лужа* действительно зеленая, на *Гусиный остров* и сейчас прилетают гуси, а в *Бабьей луже* до сих пор пропадают женщины, ушедшие по грибы. *Озеро Крутоярое*, соответственно, представляется читателю озером с крутым обрывом и т. д. Это способствует образованию в текстах мифического хронотопа.

Обратим внимание и на эмоциональные компоненты топонимического пространства «Старых рассказов». Многие топонимы или их элементы содержат отрицательную коннотацию, с помощью чего автор создает в рассказах соответствующую темную, мистическую атмосферу: *Неуродимый луг, Сухой Сот, Темная Пятница, Глинище, Черный вир*.

Отдельного внимания заслуживает топоним *Темная Пятница* (7), поселение вокруг часовни, где находится приплывшая по воде икона Параскевы-Пятницы. *Темная Пятница* – центр христианского пространства рассказа, противопоставленный центру языческому, *озеру Крутоярому*. То, что у Пришвина и христианский центр является *темным*, полностью соответствует религиозным взглядам Пришвина первых десятилетий XX века

и находит отражение во многих его рассуждениях. Топоним *Темная Пятница* усиливает присутствие темного женского начала в рассказе (наряду с собакой Леди) – ведь Параскева всегда считалась «бабьей святой». Также святая может расцениваться как хранительница озера и зверя, живущего в озере: не зря у зверя этого «губы телячьи», а Параскева, как наследница языческой Мокоши, считалась покровительницей воды и скота [Мифы народов мира, т. 2, с. 357].

Топос произведения «Крутоярский зверь» иногда связывают с Лебедяню – в тексте рассказа встречается микротопоним *Тяпкина гора* (3) – такое же название носит главная достопримечательность Лебедяни. «В пространственном образе рассказа содержится почти точная топографическая зарисовка: отчетливо вырисовывается Лебедянь с ее знаменитой Тяпкиной горой, с которой связано множество местных легенд и сказаний, хорошо известных Пришвину» [Борисова, 2012, с. 10], – пишет елецкий литературовед Н. В. Борисова, поясняя, однако, что «автор конструирует здесь неоднородное, темпорализованное пространство, созданное по законам мифопоэтики, имеющее мощную архетипическую основу, связанную с приближением “рокового часа”» [Там же]. Некоторые подробности заставляют нас усомниться в том, что *Лебедянь* является единственным прототипом *Безверска*. Сам Пришвин писал, что рассказы «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище» написаны «по впечатлению от летней охоты в Брыни» [Пришвин, 1995, с. 158] (селе в 70 км от Белева), да и во время сбора материала для этих рассказов Пришвин жил под Белевом. В белевском дневнике 1910 г. Пришвин упоминает деревянный мост («Там перекинулся деревенский самодельный мост, и возле него лепится мельница-колотушка, которой сто лет» [Пришвин, 2007, с. 411]), где Пришвин любил бывать («Он [старик-генерал] *тоже* (курсив мой. – И. С.) часто спускается к мосту и о чем-то все думает и думает» [Пришвин, 2007, с. 412]), который по описанию очень схож с мостом из рассказа («Пришел Павлик к мосту. С виду – это самое красивое место в Безверске. Деревянный самодельный мост,

будто дружеская рука, протянулся он от холма к холму, где красуются все лучшие церкви. Тут, на мосту, Павлик часто любовался, бывало, лесом ив, склоненных над речкой, и бросал вниз камешки, стараясь попасть в грачиное гнездо» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 596]). Кроме того, город *Белев* был Пришвину дорог, о чем он красноречиво пишет в 1910 г., *Белев* писателю «кажется волшебным сказочным городом» [Пришвин, 2007, с. 411] и, конечно, подходит для места действия сказочного (эпитет Пришвина) «Крутоярского зверя» – в отличие от Лебедяни, вызывавшей у писателя отторжение. И особенности рельефа, и густые леса, окружающие вымышленный город, также заставляют усомниться в том, что прототипом *Безверска* стал город *Лебедянь*. «Белевскую теорию» поддерживает и параллель на уровне этимологии ойконима: как заметил тульский краевед В. Егоров, «М. М. Пришвин переработал легенду об основании г. Белева. Та легенда гласит, что на месте основания этого древнерусского города жил “был” некий “лев”: “бе лев”. Однако это предание писатель переработал, изменив наименование на “бе зверь”, и объединил с поверьем о некоем звере, обитавшем в озере Крутоярском» [Егоров, 2004, URL]. Отметим здесь, что народная этимология названия Белев не имеет ничего общего с научной. Наиболее обоснованное объяснение происхождения названия дает Т. В. Краснова, связывающая его со значением слова «белый» – ‘свободный от подати’, то есть Белев – это участок церковной земли, освобожденный от государственных налогов [Краснова, 2005, с. 197-198]. Из дневника писателя известно, что Пришвин интересовался этимологией ойконима и действительно был знаком с легендой происхождения названия города, хоть и в ином виде: «в то время белка называлась “бель”, и, вероятно, оттого стал называться Белев, а не от белого льва, о котором белевцы без гордости, но с большим юмором рассказывают» [Пришвин, 2007, с. 412]. В своей работе «Крутоярский зверь – миф или реальность» В. Егоров упоминает также о белевских легендах о некоем животном, «которое плескается и кричит по ночам», а также определяет прототип Крутоярского озера – Сныховское

озеро, старица Оки [Егоров, 2004, URL]. Лебедянский микротопоним *Тяпкина гора*, видимо, попал в пространство *Безверска*, во-первых, как связанный с интересной для Пришвина легендой о разбойнике Тяпке, которую он приводит в одной из дневниковых записей; во-вторых, как яркое художественное средство, ведь, как пишет Н. В. Борисова, «топоним “Тяпкина гора” заметно снижает позитивную семантику центра, и это намечает инверсию архетипического значения мифологемы “гора”, что подтверждается последующим перечислением релевантных пространственных признаков, ограничивающих влияние положительного локуса: огромные непроходимые и враждебные человеку леса окружают город» [Борисова 2012, с. 12].

В «Крутоярском звере» можно найти и реальные топонимы: *Белое море, Москва, Петербург, Россия*. Пространство самого крупного и, по мнению критиков, наиболее удачного из трех рассказов, таким образом вписано в пространство России в географическом и культурном планах, однако хотя бы примерное расположение города *Безверска* определить по этим маркерам невозможно, так как *Киев* и *Петербург* упоминаются в контексте почти абсурдного разговора Павлика Верхне-Бродского и Штыка о географии. «А как попали в Киев кабаны? – загадывал Павлик, припоминая географию, но ничего не мог вспомнить и сам от себя подвигал к Киеву какие-то азиатские степи с солеными озерами, где в густых камышах водятся кабаны» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 588], а *Москва* в пословице «Безверск-городок – Москвы уголок», модель которой используется применительно к совершенно разным городам – от подмосковной Коломны до Казани (последний пример не случаен – он взят из эпитафии к дневниковой записи Т. Г. Шевченко за 13 сентября 1857 г. [Шевченко, 2003, с. 99]).

Гидроним *Белое море* же, использованный в сравнении «кипит люд на площади, будто сельди в Белом море» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 592], как и упомянутые в одной из приведенных выше цитат «азиатские степи с солеными озерами» – след (скорее всего, оставленный автором умышленно)

пришвинской биографии, ведь на момент написания «Крутоярского зверя» в копилке Пришвина-путешественника как раз лежали две экзотические поездки: в Беломорье и в казахские степи, а в копилке Пришвина-писателя – произведения об этих путешествиях.

Топонимическое пространство «Старых рассказов» представляет собой исключительный для Пришвина случай построения псевдотопонимической системы, почти полностью состоящей из фиктонимов. Имитация реальности такой системы строится на активизации псевдоэтимологических значений и включении в ее состав единичных общеизвестных топонимов, что также позволяет конкретизировать хронотоп рассказов.

Единичные реальные топонимы, включенные в состав вымышленного топонимического пространства, призваны обозначить хронотоп, а также могут иметь связь с биографией писателя.

О некоторых авторских мифотопонимах

Все мифотопонимы пришвинских текстов можно разделить на мифотопонимы авторские и мифотопонимы общекультурные.

Авторские мифотопонимы Пришвина являются неотъемлемой частью поэтики его произведений и выразителем наиболее общих идей творчества писателя. Разберем некоторые из них подробнее.

Авторский мифотопоним *Дриандрия* (34) используется в двух художественных произведениях Пришвина – в рассказе «Весна света» и в повести «Неодетая весна» (в главах «Ариша» и «Английский замок»). Образ *Дриандрии* в сознании Пришвина возник во время подготовки к путешествию в Кабардино-Балкарию весной 1936 г. и к написанию книги об этом путешествии. Впервые слово *Дриандрия* появляется в дневнике писателя на полях у записи за 20 февраля 1936 г.: «Сайд Татаринцов и Барманда. Марманда. Дриандрия» [Пришвин, 2010_а, с. 24], а 7 марта он записывает в дневник черновой вариант рассказа «Весна света», где *Дриандрия* получается из звука сломанного льда «др!». В черновом варианте мы находим приписку:

«и вышло как раз то, что мне надо было: вышло название той страны, которую буду я создавать как легенду Кабард.-Балк.» [Пришвин, 2010_а, с. 35]. В итоговый вариант рассказа эта подробность не попала, однако, сохранился кавказский контекст: рассказчик говорит детям о *Дриандрии* как о стране сванов, «маленьких и сильно вооруженных людей», то есть о народе Грузии, испокон веков живущем в исторической области Сванетии к югу от Кабардино-Балкарии. Вместе с тем, *Дриандрией* названа в рассказе весенняя Москва, а воинственными сванами – сами дети. Авторский мифотопоним *Дриандрия* в раннем понимании тесно связан с любимым Пришвиным понятием «весна света», не даром после рассказа в дневнике Пришвин пишет: «завтра они в Москве у себя будут устраивать свою Дриандрию, а я свою Дриандрию завтра поеду искать в Кабарде» [Пришвин, 2010_а, с. 36]. В черновом варианте рассказа отсутствует объяснение, откуда у рассказчика взялось это слово, но оно есть в варианте, напечатанном в 1938 г. в журнале «Огонек»: «лужи быстро везде замерзали. Одну я попробовал ткнуть ногой, и стекло разлетелось вдребезги с особенным звуком: др... др... др... Бессмысленно, про себя, как это бывает у стихотворцев, стал я повторять этот звук, прибавляя подходящие гласные: дра, дря, дри, дриан. И вдруг из этой бессмысленной дряни вышла сначала любимая моя богиня Дриада (душа дерева, лес), а потом и Дриандрия, желанная страна, в которую еще утром при звездной пороше начал я свое путешествие» [Пришвин, ПСС, т. 5, с. 255]. Заметим, *дриады* в древнегреческой мифологии были не богинями, а нимфами [Мифы народов мира, т. 1, с. 407] – Пришвин исправит эту ошибку при этимологизации мифотопонима в повести «Неодетая весна» (цитата приведена ниже). Любопытно также, что в окончательный вариант автором была включена также фонетическая игра слов *дрянь* – *Дриандрия*. В рассказе сказочная *Дриандрия* противопоставляется *Москве* и *Малой Бронной* (фонетическая *Дриандрия* даже превращается в *Малую Бронную*, когда дети просят рассказчика повторить не расслышанное ими слово, и он вместо

Дриандрии говорит «*Малая Бронная*») и одновременно осмысляет их как свою часть.

Книги из путешествия в Кабардино-Балкарию так и не вышло – Пришвин не раз разочаровывался в своем замысле, а потом так и оставил его невоплощенным, и *Дриандрия* вернулась в его поэтическую картину мира как страна лесов в 1939 г. и в том же значении вошла в первые главы «Неодетой весны», рассказавшие о замысле путешествия в «доме на колесах». «Ближе всего, конечно, была мне страна Дриандрия, где жили непуганые птицы и звери, страна, которую я сам себе сочинил с помощью дриад и Дианы, древней богини лесов. Эта Дриандрия начиналась почти от самого моего загорского домика. <...> я... проследил на поезде до самого Архангельска, что Дриандрия непрерывно идет на север и там уже у самого края, снижаясь до тундры, подходит к самому морю. И на восток зеленая Дриандрия, перевалив через Урал, дойдет до Байкала, и Забайкальем, не выходя из лесов, можно добраться тоже до океана», то есть географически *Дринадрия* совпадает с непрерывной лесной природной зоной России, но в художественном мире Пришвина остается при этом страной «свободы и блаженства, где всякая грубейшая чувственность просветляется мыслью и всякая мысль рождается и подпирается чувством» [Пришвин, 2012_а, с. 112]. В «Неодетой весне» *Дриандрия*, также как и в рассказе, сопоставляется с *Москвой* через несобственно-прямую речь служанки Ариши: «и зачем это она поедет в какую-то Дриандрию искать себе родственников среди птиц и зверей, когда тут у нее полна Москва настоящих родственников: в Сокольниках у нее живет сестра и свояк, сестра на фабрике, свояк хлеборез, не пашет землю, а прямо режет хлеб, скажи такому – поедет он тебе в деревню!», что обнажает и иронический элемент оценки Пришвиным собственного мироощущения.

Золотая луговина (17) – легендарное место, которое должен был заново открыть герой «Кашеевой цепи» Алпатов с помощью осушения болота. Миф о *Золотой луговине* открывается в книге о творчестве

«Журавлиная родина» – и это миф неустойчивый, меняющий свои основные доминанты внутри произведения, прямо на глазах читателя. Миф о *Золотой луговине* – это одновременно и миф о творчестве. Впервые словосочетание «золотая луговина» появляется у Пришвина в дневнике 1923 г. в отрывке, имеющем заголовок «Второй Адам»: «у него мера и счет (честность и пр.), становясь на место первого, он должен сохранить свое, и тогда золотая луговина открывается» [Пришвин, 1999, с. 24]. Уже в этом отрывке видно, что мифологема, которая впоследствии формально станет топонимом, приобретает особый, невещественный смысл. Пришвин не скрывает, что миф о *Золотой луговине* построен на мифе народном и *Золотая луговина* имеет свой «адрес»: «большой заболоченный край на Дубне, по народным легендам бывший когда-то для всех драгоценной Золотой луговиной» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 56], Пришвин бывал здесь в середине 20-х, так как жил совсем недалеко – под Талдомом. В дневнике 1927 г. Пришвин отправляется в район села Константиново, чтобы увидеть Константиновскую долину, которая «должна дать... окончательный материал для “Золотой луговины”» [Пришвин, 2003, с. 314].

Искаженные топонимы

Среди топонимической лексики Пришвина можно выделить особую группу топонимов – искаженные топонимы.

Два таких топонима: *Амбург* (2) (искаженное *Гамбург*) и *Норвег* (4) – (искаженное *Норвегия*) – мы встречаем в речи колониста Вичурного, постоянного обитателя Мурмана. Он, ругаясь, говорит несколько раз: «мошкара! Меня в Амбурге знают, меня и в Норвеге знают. А вы все – мошкара, мошка-р-ра!» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 332], причем укороченный вариант этой фразы («Меня в Амбурге знают. Мошка-р-р-ра!» [Там же, с. 348]) является последней строчкой пятой главы, то есть «сильным» ее местом). Второй из этих топонимов также встречается в речи помора.

Вихляндия (4) – искаженное *Финляндия*. Это слово появляется в разговоре обывателей во время сцены похорон Алпатова в повести «Мирская чаша».

«—...какое государство может существовать без оружия, где есть на земле такое государство?

– Есть такое, – отвечает стекольщик, – там люди живут, работают, пахут, скот разводят, торгуют, а воевать – нет! – махонькая страна такая.

– Финляндия?

– Ну хоть бы *Вихляндия*.

– Воюет!

– Ну, стало быть, не *Вихляндия*, а есть.

– Швейцария?

– Я говорю, есть такая страна, где не воюют, хотя бы самая махонькая *Вихляндия*, а есть.

– Сам ты *Вихляндия*, отвечай просто: двое дерутся на улице, что ты сделаешь, как остановишь?» [Пришвин, ПСС, т. 2, с. 540].

Слово *Вихляндия*, в речи малообразованного обывателя превратившееся из *Финляндии*, не только характеризует персонажа, но и приобретает свое собственное значение, тут же становясь именем нарицательным – «страна, где не воюют». При этом фонетический облик искаженного варианта содержит своеобразный ироничный намек на то, почему страна эта не воюет – она «вихляет». Удивительно, что слово это не придумано писателем, а взято из просторечия. Кстати, топонимы с таким корнем существуют и в реальной топонимии: например, село *Вихляевка* Поворинского района Воронежской области. Благодаря дневнику писателя, мы знаем, что разговор, приведенный в «Мирской чаше», Пришвин не придумал, а услышал 29 июля 1918 г. у Храма Христа Спасителя в Москве и перенес в повесть практически слово в слово [Пришвин, 1994, с. 123].

Прием использования искаженного топонима часто затрагивает библейские мифотопонимы.

Ольгоф (2) – искаженное *Голгофа*. «Строитель» (настоятель) скита Соловецкого монастыря, встреча с которым описана Пришвиным в книге «За волшебным колобком», так называет местную гору *Голгофу*, имеющую то же имя, что одна из главных христианских святынь.

Ерусалим (1) – искаженное *Иерусалим*. Этот вариант использует в составе поговорки хозяин, у которого остановился в селе Маралово главный герой «Журавлиной родины»: «кто где родился, там тебе и Ерусалим» [Пришвин, ПСС, т. 3, с. 119].

Среди земного моря (1) – этот своеобразный вариант топонима *Средиземное море* появляется в заглавной зарисовке книги «Заворошка» в рассказе мужика о страннике: «ученый оказался человек и бывалый. Был среди земного моря и на Тихом океане» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 637].

Улица Уолл-стрита (1) – искаженный вариант топонима *Уолл-стрит* используется Пришвиным в миниатюре «Домби»: «нет никакого сомнения в том, что если бы в наше время... написали этот роман, то его бы поняли, как памфлет, направленный против американского эгоизма с улицы Уолл-стрита, а автор претерпел бы гонения, как коммунист» []. Пришвин использует искажение, вероятно, для обнаружения легкой иронии над господствующими штампами и это – несобственная прямая речь, «цитирующая» необразованного гражданина, мнящего себя знатоком политики. Сам Пришвин, в совершенстве владевший немецким языком, не мог не понимать, что английское *street* – то же, что немецкое *Straße*, «улица».

Использование этого приема в столь характерных контекстах еще раз подтверждает, что географическая неграмотность была для Пришвина сродни неграмотности духовной; стоит вспомнить хотя бы разговор Павлика Верхне-Бродского и его слуги Тимофея о том, что земля круглой сделана для того, чтобы кабанам удобно было ходить, и монаха-строителя из Соловецкого монастыря, который утверждает, что на Соловецких островах «никакой же географии нету», чем повергает рассказчика в недоумение: «я принимал

строителя скита за образованного человека, но вот после отрицания им географии... что же мне делать?» [Пришвин, ПСС, т. 1, с. 236].

Из приведенных примеров ясно видно, что искаженные топонимы используются Пришвиным в основном в речи второстепенных персонажей в качестве индикатора малообразованности, а также, отчасти, для создания комического эффекта. В ряде случаев искаженный топоним в контексте произведения приобретает дополнительные значения.

Вымышленные и искаженные реальные топонимы в художественных текстах Пришвина встречаются сравнительно редко, однако являются ярчайшим выразительным средством. Характерными особенностями вымышленных топонимов является то, что они:

1) зачастую имеют прозрачную этимологию или же их этимология прямо объясняется в тексте; прозрачная этимология топонимов может указывать на значимые подробности;

2) могут иметь эмоциональную окраску и «работать» на создание определенных ощущений у читателя;

3) созданы по узуальным топонимическим моделям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ топонимического пространства художественных текстов М. М. Пришвина позволил выявить особенности использования топонимов в его творчестве. Привлечение текстов дневников писателя, безусловно, способствовало более глубокому пониманию авторских интенций и принципов построения художественного текста, выявлению степени автобиографичности тех или иных произведений.

Одним из базовых и наиболее общих положений работы стал обнаруженный интерес писателя к именам географических объектов, к их этимологии и использованию в речи, наложивший отпечаток на формирование топонимического пласта лексики в его творчестве и преимущественное сохранение реальных географических наименований в художественных текстах, что, кроме того, соответствует основным творческим принципам Пришвина. Дополнительным подтверждением особого отношения писателя к топонимам служит освещенное в работе превалирование их использования в таких актуальных признаках художественного текста, как заглавия произведений и их частей над онимами других классов.

Классификация всей топонимической лексики, использованной в произведениях писателя, позволила выделить доминирующие в творчестве М. М. Пришвина классы литературных топонимов: ойконимы, гидронимы и хоронимы; доминирующие группы топонимов по географическому положению денотатов: топонимы Центральной России (в основном топонимия современных Ярославской и Московской области), Русского Севера (Карелия, Мурманская область, Архангельская область), Дальнего Востока (Приморский край). Были выявлены также топонимы-доминанты – то есть наиболее употребляемые в текстах Пришвина топонимы. Введение не использовавшегося ранее термина «топонимическая емкость» позволило говорить о произведениях с высокой, средней и низкой топонимической

емкостью, которая коррелирует с жанровыми и стилистическими особенностями художественных текстов Пришвина.

1. Отражение реального топонимического пространства Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока в художественных текстах Пришвина позволяет понять характер использования одних и тех же реальных топонимов, «привезенных» Пришвиным из путешествий, в составе произведений разных жанров. Анализ топонимии позволяет проследить зависимость принципов отбора такой лексики от жанровой принадлежности произведения, а также понять особенности окказионального индуцирования сем в произведениях с различными жанровыми особенностями. Сопоставление художественных топонимов с фактами биографии писателя показывает, что большинство топонимов реально и что их использование имеет под собой биографические основания. Вымышленные топонимы, включенные в массив реальных топонимов, в текстах Пришвина встречаются крайне редко и используются только в тех случаях, когда этого требует художественный замысел или специфика жанр произведения.

Все наиболее употребляемые в художественных текстах топонимы (выяснено, что употребления 35 таких топонимов составляют треть от всех топонимических словоупотреблений) тесно связаны с биографией писателя (с местами постоянного проживания, путешествиями или идеями), что также подтверждает высокую степень автобиографичности творчества Пришвина. Самые употребляемые из них (*Москва, Россия, Петербург*), безусловно, обладают большим коннотативным потенциалом и реализуют большое количество коннотативных значений – как узуальных, так и окказиональных.

2. Употребительность является не единственным показателем значимости того или иного топонима в авторской картине мира – контекстуальный анализ показывает, что топонимическое пространство малой родины писателя, представленное в его художественном творчестве сравнительно бедно, имеет, тем не менее, большой коннотативный потенциал и является важной вехой авторской картины мира.

3. Маркирование хронотопа является одной из задач использованных топонимов – общеизвестные топонимы, включенные в тексты, содержащие в то же время большое количество топонимов малоизвестных, определяют семантическое ядро того или иного пространства и задают хронотопные рамки всего произведения или отдельного эпизода, играют роль текстовых скреп. Достаточно активное использование исторической топонимии определяет не только пространственный компонент хронотопа, но и временной. Наряду с общекультурными топонимическими маркерами хронотопа Пришвин использует маркеры, адекватно актуализирующие свое хронотопное значение лишь при рассмотрении их в контексте биографии писателя. Анализ топонимов, использованных Пришвиным в текстах, выявляет также основные авторские приемы включения таких единиц в текст как средств художественной выразительности (индуцирование коннотативных значений, этимологизация, использование топонима в качестве маркера хронотопа, мифологизация реальных топонимов и др.) и их высокий стилистический потенциал, по-разному реализующийся в разных контекстах и разных произведениях, а также выявляет их автобиографический характер.

4. Предположения о гидроцентричности творчества Пришвина, высказанные учеными-литературоведами, подтверждаются в ходе анализа контекстов использования гидронимической лексики, выявленной в текстах писателя.

Творческая концепция Пришвина, заключающаяся, по его собственному мнению, в так называемом «творческом поведении», находит полное отражение в его литературной топонимии. Яркой особенностью его топонимического творчества является в этом плане адаптация реальной (как в географическом, так и в биографическом рассмотрении) топонимической лексики для художественных целей. Пришвин крайне редко использует вымышленные топонимы для актуализации определенных значений – напротив, смыслы в основном актуализируются средствами избранных

реальных топонимов, обретающих необходимые коннотации. Опираясь на материалы дневников Пришвина, а также сравнивая написанные на одном фактическом материале тексты разных жанров, можно говорить о тщательной работе Пришвина с топонимами как носителями свернутых смыслов и потенциальных сем. Одним из многих примеров является использование в стилистических целях искаженных топонимов, услышанных Пришвиным в живой речи (*Вихляндия, Ольгоф* и др.). Другим примером служит пришвинский прием адаптации для художественного текста реальных топонимов путем создания новых, «живых», мотивов номинации, показанных читателю в действии, и изображением сохранения связи топонима с денотатом (*Орлиное гнездо, Барсова падь*). Нельзя также не отметить, что Пришвин вносит в язык литературы большое количество малоизвестных топонимов, что связано с писательской интенцией: особенности и колорит тех или иных мест (также в своем большинстве малоизвестных), фигурирующих в его произведениях, легко подчеркиваются характерными именами собственными. Такие топонимы служат не только средством дифференциации, но и несут пришвинскую идею «родственного внимания» к окружающему миру. Перечисленные тезисы свидетельствуют о необходимости изучения топонимического пространства для более глубокого понимания творчества писателя.

Данная работа является первой диссертационной работой, посвященной ономастике произведений М. М. Пришвина, и ее результаты свидетельствуют о необходимости продолжения изучения топонимического пространства Пришвина и, шире, всей ономастики его художественных произведений и дневников. Особенно перспективными нам видятся следующие направления, намеченные в данной работе: изучение особенностей заглавий текстов Пришвина, изучение графических средств художественной выразительности (например, использования курсива и заглавных букв), а в первую очередь – выявление частных особенностей использования в творчестве писателя других классов топонимов и общих

особенностей всего ономастикона для последующей обработки всех единиц ономастики Пришвина. На основе результатов такой работы может быть создан Ономастический словарь произведений М. М. Пришвина, который стал бы хорошим помощником читателей, а также профессиональных переводчиков. Материал исследования может быть привлечен во время создания интегрированных уроков в средней школе, показывающих неразрывную связь языка и литературы, и уроков краеведения.

Применение в литературной ономастике новых методов, использованных в нашей работе: в частности, рассмотрение всего творчества автора как единого текста, активное применение статистического метода и рассмотрение онимов в соотношении с писательской биографией – представляется продуктивным в работе с текстами других авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова, Е. В. Объем топонимического пространства в языковой картине мира писателя / Е. В. Абрамова // Перспектива, Арзамас, 2004, №4. – с. 63-66.
2. Аквазба, Е. О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М. М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Екатерина Омаровна Аквазба – Тюмень, 2004. – 24 с.
3. Альтман, М. С. О названиях художественных произведений / М. С. Альтман // Русская речь, 1969. – №1. – С. 25-29.
4. Альтман, М. С. Достоевский. По вехам имен / М. С. Альтман. – Саратов, 1975. – 280 с.
5. Альтман, М. С. Топонимика Достоевского / М. С. Альтман // Достоевский. Материалы и исследования. – АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Т. 2. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976_а. – С. 51-56.
6. Альтман, М. С. Криптотимы сибирских и уральских городов (в литературных текстах) / М. С. Альтман // Очерки литературы и критики Сибири (XVII-XX в.). – Новосибирск, 1976_б. – С. 274-284.
7. Андрюкова, Е. А. «Московский текст» в творчестве И. Шмелева: период эмиграции: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Елена Анатольевна Андрюкова. – Вологда, 2013. – 23 с.
8. Анциферов, Н. Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов, 1795–1829: Сборник ст. – М.: Гослитмузей, 1946. – С. 150-183.
9. Апанович, Ф. Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина / Францишек Апанович. – Katowice: Slask, 2002. – 171 с.
10. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу в 3-х тт.: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с

мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865.

11. Афанасьев, Ю. Ю. Своеобразие художественного хронотопа в романе М. Пришвина «Осударева дорога» / Ю. Ю. Афанасьев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009. – С. 178-181.

12. Базанов, В. Г. Карелия в художественной литературе / В. Г. Базанов. – Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1940. – 314 с.

13. Бакастова, Т. В. Имя собственное в художественном тексте // Русская ономастика. – Одесса, 1984. – С. 157-160.

14. Бармин, А. Поэтическая родина Пришвина / А. Бармин // Север. – Петрозаводск. 1973. – ЖЗ. – С. 125-128.

15. Барт, Р. S/Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения / Р. Барт. – М., 2001. – 232 с.

16. Басик, С. Н. Общая топонимика / С. Н. Басик. – Минск: БГУ, 2008. – 168 с.

17. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 121-290.

18. Беленькая, В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В. Д. Беленькая. – М.: МГУ, 1969. – 168 с.

19. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.

20. Беляцкая, В. В., Пастушенко, Л. И. Функции топонимов как составляющей идиостиля Бернварда Веспера / В. В. Беляцкая, Л. И. Пастушенко // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения, М., 2014. – №9. – С. 116-119.

21. Бем, А. Л. Личные имена у Достоевского / А. Л. Бем // Сборник на честь из проф. Л. Милетичъ: за седемсетгодишнината отъ рождението му

(1863-1933). – Софія: Изданіе на Македонскія Научену Институту, 1933. – С. 417-423.

22. Бем, А. Л. Исследования. Письмо о литературе / А. Л. Бем. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 448 с.

23. Березович, Е. Л. Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика // Ономастика в кругу гуманитарных наук. – Екатеринбург: Уральский ун-т, 2005. – С. 47-54.

24. Бирилло, Ж. Общеизвестные онимы и национально-культурные ассоциации, вызываемые ими / Ж. Бирилло // Язык, общество, культура. – Вильнюс, 1997. – С. 65-68.

25. Бицилли, П. М. Из наблюдений над русской ономастикой как культурно-историческим источником / П. М. Бицилли // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 626-632.

26. Блисковский, З. Д. Муки заголовка / З. Д. Блисковский. – М.: Книга, 1972. – 157 с.

27. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

28. Борисова, Н. В. Поиски «страны обетованной» в очерке М. Пришвина «Черный араб» / Н. В. Борисова // Творческое наследие писателей Русского Подстепья: проблематика и поэтика: Сборник научных трудов – Елец, 2002_а. – С. 52-65.

29. Борисова, Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01 / Наталья Валерьевна Борисова. – Елец, 2002_б. – 35 с.

30. Борисова, Н. В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: учеб.-метод. пособие / Борисова Н. В. – Елец, 2004. – 227 с.

31. Борисова, Н. В. Михаил Пришвин: я и другой / Н. В. Борисова // Филоlogos. – Выпуск 8. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – С. 74-81.

32. Борисова, Н. В. Мифопоэтика хронотопа в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь» / Н. В. Борисова // *Филологос*. – Выпуск 15 (4). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. – С 10-16.
33. Боровой, Л. Язык писателя: А. Фадеев, Вс. Иванов. М. Пришвин, А. Платонов / Л. Боровой – М.: Сов. писатель, 1966. – [Глава «“Тайная современность” языка (М. Пришвин)», с. 130-177].
34. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1998. – 448 с.
35. Бунин, И. А. Суходол // Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1988. – С. 215-268.
36. Бунин, И. А. Захар Воробьев // Бунин, И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 3. – М.: Воскресенье, 2005. – С. 182-193.
37. Бушмин, А. С. Имя литературного героя / А. С. Бушмин // *Страницы истории русской литературы*. – М., 1971. – С. 86-91.
38. Варламов, А. Н. Жизнь как творчество в дневниках и художественной прозе М. М. Пришвина: дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01 / Алексей Николаевич Варламов. – М., 2003_а. – 424 с.
39. Варламов, А. Н. Пришвин / А. Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2003_б. – 547 с.
40. Варламов, А. Н. Стоило ли распугивать птиц, или Пришвин в Карелии / А. Н. Варламов // *Ученые записки петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки*. – №5 (126) – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2012. – С. 58-67.
41. Вартанова, О. А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Вартанова. – СПб, 1994. – 226 с.
42. Васильев, Л. В. (Васильев В.) Что значит фамилия Тентетников / Л. В. Васильев // *Русский филологический вестник*. – Т. 61. – №2. – Варшава, 1909. – С. 223-226.

43. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. – 224 с.
44. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский – М.: Высшая школа, 1989. – 294 с.
45. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
46. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
47. Винокур, Г. О. Биография и культура / Г. О. Винокур. – М.: URSS, 2007. – 85 с.
48. Воспоминания о Михаиле Пришвине: Сборник. – М.: Советский писатель, 1991. – 368 с.
49. Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сборник научных статей и материалов. – СПб, 2003. – 352 с.
50. Выходцев, П. С. Секрет Пришвина. Об эстетической систем художника / П. С. Выходцев // Литература в школе. – №4 – М., 1984.
51. Гальцова, А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гальцова Анна Сергеевна. – СПб, 2011. – 22 с.
52. Герберштейн, С., фон. Записки о московитских делах / Бар. Сигизмунд Герберштейн. – Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1908. – 383 с.
53. Гоголь, Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. – АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. / Т. 8. Статьи. – 1952. – С. 177–190.
54. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 231 с.

55. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды / М. В. Горбаневский. – М.: Изд-во ун-та дружбы нар., 1988. – 88 с.
56. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: Методы ист.-культур. изучения и создания компьютер. слов / М. В. Горбаневский. – М.: ОЛРС, 1996. – 303 с.
57. Горелов, А. А. Соединяя времена / А. А. Горелов. – М: Современник, 1978. – 269 с.
58. Горлов, В. П. Хрущевско-елецкий период в жизни М. Пришвина / В. П. Горлов // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Выпуск 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 191-199.
59. Горнфельд, А. Г. Об одной фамилии у Льва Толстого / А. Г. Горнфельд // Горнфельд, А. Г. О русских писателях. – Т. 1. – СПб, 1912. – С. 255-261.
60. Горький, М. Мои университеты // Горький, М. Детство; В людях; Мои университеты; Пьесы. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 425-527.
61. Григорьев, В. П. О единицах художественной речи / В. П. Григорьев // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С. 384-392.
62. Гринфельд-Зингурс, Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина / Т. Я. Гринфельд-Зингурс – Саратов: Изд-во СГУ, 1989. – 196 с.
63. Гришаева, Л. И., Попова М. К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 13-38.
64. Гронская, О. Н. Интертекстуальные связи народной и литературной сказки (Структура Имени и хронотопа) / О. Н. Гронская // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 57-67.

65. Грузнова, И. В. Функциональная значимость топонимов в структуре англоязычного поэтического текста. Дисс. ... канд. филол. наук.: 10.02.04 / Ирина Владимировна Грузнова. – Саранск, 2005. – 181 с.
66. Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя / Л. Н. Гуков, Л. Ф. Фомина. – Одесса, 2004. – 192 с.
67. Гукова, Л. Н., Фомина, Л. Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // *Λογος όνομαστική*, 2006, №1. – С. 72-80.
68. Двинятин, Ф. Н. Из заметок по поэтике имени (Курочкин, Достоевский, Мандельштам, Набоков) / Ф. Н. Двинятин // *Имя. Семантическая аура.* – Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Языки славян. культур, 2007. – С. 256-270.
69. Дворцова, Н. П. Путь творчества М. Пришвина и русская литература начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.02 / Наталья Петровна Дворцова. – М., 1994. – 45 с.
70. Дворцова, Н. П. Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина / Н. П. Дворцова // *Город как культурное пространство: Материалы региональной научной конференции.* – Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2003. – С. 8-18.
71. Девятайкина, Г. Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Г. Л. Девятайкина. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
72. Дерюгин, К. М. Реликтовое озеро Могильное / К. М. Дерюгин // *Труды Петергофского естественно-научного института* – №2 – Главнаука, 1925. – С. 4-96.
73. Достоевский, Ф. М. Подросток // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975. – 454 с.
74. Дроздов, М. С., Крылова-Устьянская, Н. С. Кто Вы, «Отец Спиридон» (М. М. Пришвин и А. П. Устьянский) // *Михаил Пришвин и XXI век:*

материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 64-75.

75. Ершов, Г. Краткий очерк жизни и творчества Михаила Михайловича Пришвина // Пришвин М. Дорога к другу – М.: Мол. гвардия, 1957. С. 385-439.

76. Ершов, Г. А. Встречи с Пришвиным (1936–1954) // Ершов Г. А. Глазами друга. – М.: Моск. рабочий, 1968. – С. 3-34.

77. Ершов, Г. А. Михаил Пришвин: Жизнь и творчество / Г. А. Ершов – М.: Худож. лит., 1973. – 189 с.

78. Ершов, Г. А. Михаил Пришвин: Очерк жизни и творчества / Г. А. Ершов – М.: Гослитиздат, 1963. – 192 с.

79. Ершов, Г. А. Родина нашего друга / Г. А. Ершов – Тула: Приок. кн. изд., 1974. – 229 с.

80. Жарков, Е. И. Страна Коктебель: культурные очаги: середина XIX – середина XX веков / Е. И. Жарков – Киев: Болеро, 2008. – 603 с.

81. Женнет, Ж. Литература и пространство / Ж. Женнет // Женнет, Ж. Фигуры. В 2-х томах. – Т. 1, М., 1998. – С. 278-282.

82. Жучкевич, В. А. Общая топонимика: [Учеб. пособие для геогр. фак. вузов]. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Вышэйша школа, 1968. – 432 с.

83. Забельшанский, Г. Б. Семантика воды и камня в образе Петербурга / Г. Б. Забельшанский // Мир культуры. – 2003. – №3. – С. 11-23.

84. Зархин, С. Б. «Кашеева цепь». Автобиографический роман М. Пришвина (приемы создания образа главного героя) // Ученые записки / ЕГПИ. Вып. 2. Липецк, 1957_а. – С. 95-138.

85. Зархин, С. Б. Творчество М. М. Пришвина (1907-1928): автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. Б. Зархин – М., 1957_б. – 14 с.

86. Зархин С. Б. Михаил Михайлович Пришвин / С. Б. Зархин. – Липецк: Кн. изд., 1960. – 24 с.

87. Зверева, Л. И. Эволюция жанра очерка в творчестве М. Пришвина / Л. И. Зверева // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения

творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Выпуск 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 84-91.

88. Иванова, О. В. Имена собственные в лирике поэтов смоленской поэтической школы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Викторовна Иванова. – Смоленск, 2009. – 19 с.

89. Иванова, С. В. Языковые особенности поэтического заголовка: На материале русского и английского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / С. В. Иванова. – Ульяновск, 2006. – 168 с.

90. Ирисханова, К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе (английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кира Максимовна Ирисханова. – М., 1978. – 20 с.

91. История лингвистических учений: Древний мир / Н. С. Петровский, И. М. Дьяконов, В. В. Иванов. – Л.: Наука, 1980. – 258 с.

92. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин – Донецк: Юго-Восток, 1999_а. – 408 с.

93. Калинин, В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999_б. – 246 с.

94. Калинин, В. М. Поэтонимосфера: поиски новых путей в теории литературной ономастики / В. М. Калинин // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX международной конференции. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 38-41.

95. Канна, В. Ю. Стилистический потенциал коннотативной топонимии / В. Ю. Канна // Ономастика в кругу гуманитарных наук материалы междунар. научн. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 157-159.

96. Карпенко, М. В. Ономастика в художественной литературе // Ономастика: Проблемы и методы: Сборник образцов. – М., 1978. – С. 169-188.

97. Карпенко, Ю. О. Стилистические возможности топонимических названий / Ю. О. Карпенко // Питання стилістики української мови в її взаємозв'язку з іншими слов'янськими мовами. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції. – Чернівці, 1963. – С. 17-20.

98. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1986. – №4. – С. 34-40.

99. Карпенко, Ю. О., Мельник, М. Р. Літературна ономастика Ліни Костенко / Ю. О. Карпенко, М. Р. Мельник. – Одеса: Астропринт, 2004. – 215 с.

100. Качалова, М. П. «Дневники» М. М. Пришвина: от географического прототипа к художественному образу / М. П. Качалова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Т. 1. – №2. – СПб: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2011. – С. 30-37.

101. Керт, Г. М. Загадки карельской топонимики: Рассказ о геогр. назв. Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 103 с.

102. Климова, Г. П. Пришвинский Елец / Г. П. Климова // Елецкая быль. Краеведческий сборник. – Вып. 1. – Липецк, 1994. – 174 с.

103. Ковалев, Г. Ф. Писатель. Имя. Текст / Г. Ф. Ковалев; Воронеж. гос. ун-т, Каф. славян. филологии. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 340 с.

104. Ковалев, Г. Ф. Направления исследований имен собственных в художественных произведениях // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 283-289.

105. Ковалев, Г. Ф. Пришвин и имя (на материале дневников) / Г. Ф. Ковалев // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – С. 144-155.

106. Ковалев, Г. Ф. Пушкин и имя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – 217 с.
107. Ковалев, Г. Ф. Хронос и топос в ономастике поэмы А. Т. Твардовского «Страна Муравия» // Наследие А. Т. Твардовского в диалоге с прошлым, настоящим и будущим. – Воронеж, 2010. – С. 398-407.
108. Ковалев, Г. Ф. Пушкин. Ономастический комментарий / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Науч. книга. 2012. – 278 с.
109. Ковалев, Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Науч. кн., 2014_а. – 346 с.
110. Ковалев, Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Науч. кн., 2014_б. – 447 с.
111. Ковалев, Г. Ф. К происхождению названия Роусь // Г. Ф. Ковалев. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. – Воронеж: Науч. кн., 2014_в. – С. 15-50.
112. Ковалева, Л. Г. Тенденции выбора имен собственных в произведении (на материале романа А. Труайя «Семья Эглетьер») // Філологія і освітній процес 21 століття: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Одеса: Вид-во КП ОМД, 2010. – С. 111-113.
113. Ковалева, Л. Г. Антропонимия трилогии Анри Труайя «Семья Эглетьер» / Л. Г. Ковалева. – Воронеж: Науч. кн., 2014. – 192 с.
114. Колтоновская, Е. А. Критические этюды / Е. А. Колтоновская. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1912. – 292 с.
115. Колядина, А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Анна Михайловна Колядина. – Самара, 2006. – 20 с.
116. Кондакова, И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Киров, 2004. – 20 с.

117. Кондратьева, Т. Н. М. В. Ломоносов о собственных именах как стилистическом средстве // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). – Казань, 1967. – Вып. 1. – С. 97-115.

118. Константинова, Е. Ю. Жанр дневника М. М. Пришвина в контексте философии жизнетворчества / Е. Ю. Константинова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №3. – М: Московский государственный областной университет, 2011. – С. 158-163.

119. Королева, И. А. Топонимы малой родины А. Т. Твардовского / И. А. Королева // Русская речь, 2010, №6. – С. 91-94.

120. Короткая, М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Короткая. – Тверь, 1996. – 190 с.

121. Краснова, Т. В. Древнерусская топонимия Елецкой земли / Т. В. Краснова. – Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2004. – 157 с.

122. Краснова, Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина / Т. В. Краснова. – Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2005. – 246 с.

123. Краснова, Т. В. Пришвинское Хрущево. Историческая справка / Т. В. Краснова // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 301-305.

124. Криволапова, Е. М. Пространственно-временная картина мира в ранних дневниках М. Пришвина / Е. М. Криволапова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – №3. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – С. 172-175.

125. Криволапова, Е. М. Дневники и художественные произведения М. Пришвина как единый текст / Е. М. Криволапова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета – Т. 2. №3. – Киров: Вятский государственный университет, 2012. – С. 86-91.

126. Кубочкин, С. Н. Кто вы, герои «Кашеевой цепи»? / С. Н. Кубочкин // Белевские чтения. – М., 2004. – Вып. 4. – С. 121-132.
127. Курбатов, В. Я. Михаил Пришвин: Очерк творчества / В. Я. Курбатов. – М.: Сов. писатель, 1986. – 222 с.
128. Леонтьев, Я. В. М. Пришвин как краевед (талдомский период жизни) / Я. В. Леонтьев // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Выпуск 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 219-224.
129. Липеровская, С. И. За волшебным словом: Жизнь М. Пришвина / С. И. Липеровская – М.: Детгиз, 1964. – 191 с.
130. Лишова, Н. И. Мотив странствий в художественном дискурсе М. М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Наталья Ивановна Лишова. – Елец, 2012. – 16 с.
131. Логвиненко, С. В. Реально-историческое пространство в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» / С. В. Логвиненко // Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: история, филология, философия, искусствоведение, культурология: сборник трудов II международной научно-практической конференции, 30 октября 2012 года. – Ростов н/Д: Научное сотрудничество, 2012. – С. 75-82.
132. Логвиненко, С. В. Пространственная модель мира в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога» / С. В. Логвиненко // *Philologos*. – Вып. 16 (1). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013_а. – С. 46-49.
133. Логвиненко, С. В. Структура художественного пространства в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сергей Викторович Логвиненко. – Елец, 2013_б. – 22 с.
134. Ломоносов, М. В. Труды по филологии (1739-1758) / Ломоносов, М. В. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – 995 с.

135. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2009. – 300 с.
136. Львов, П. П. О нашем земляке М. Пришвине (Три периода жизни М. Пришвина в родных местах / П. П. Львов // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия. Материалы научной конференции, посвященной 129-летию со дня рождения писателя. Выпуск 1. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. – С. 137-143.
137. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – СПб.: Алетейя, 2003. – 314 с.
138. Магазаник, Э. Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе: Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1967. – 24 с.
139. Магазаник, Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
140. Малютенко, И. Н. Ономастикон произведений И. С. Соколова-Микитова о деревне (на материале рассказов и повестей 1922-1929 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Николаевна Малютенко. – Орел, 2008. – 19 с.
141. Мамонтова, Н. Н. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / Н. Мамонтова, И. Муллонен. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991 (обл. 1992). – 158 с.
142. Марунич И. И. Топонимы в идиостиле писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Игорь Иванович Марунич. – Киев, 1993. – 18 с.
143. Матвеев, А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2005. – №2. – С. 5-10.
144. Мещерякова, О. А. Своеобразие «сказочного» мира М. Пришвина / О. А. Мещерякова // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 263-271.

145. Минкин, А. А. Топонимы Мурмана / А. А. Минкин. – Мурманск: Кн. изд-во, 1976. – 206 с.
146. Михайлов, В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Михайлов. – М., 1956. – 20 с.
147. Михайлов, В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. – Луцк, 1965. – 56 с.
148. Михайлов, В. Н. Экспрессивные свойства и функции имен собственных в русской литературе / В. Н. Михайлов // Филологические науки. – 1966. – №2. – С. 54-66.
149. Михайлов, В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи / В. Н. Михайлов – Симферополь: Симф. ГУ, 1981. – 28 с.
150. Михайлов, В. Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В. Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – №6. – С. 78-82.
151. Михайлов, В. Н. О специфике литературной ономастики // Вопросы стилистики. – Саратов: СГУ, 1988. – С. 3-19.
152. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. – 1046, 103 с.
153. Морозова, М. Х. Мифологема «идеальной земли» в художественном дискурсе М. Пришвина / М. Х. Морозова // Филологос. – Выпуск 18 (3). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С 76-80.
154. Мотяшов, И. П. Михаил Пришвин: Критико-биографический очерк / И. П. Мотяшов. – М.: Сов. писатель, 1965. – 248 с.
155. Назиров, Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция / Р. Г. Назиров // Назиров, Р. Г. Русская классическая литература:

сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 58-70.

156. Наумова, И. А. Пространственные архетипы в сновидческом хронотопе М. Пришвина (на материале дневников 1914–1931 гг.) / И. А. Наумова // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 139-151.

157. Немировская, Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т. В. Немировская // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 112-122.

158. Никольский, А. А. Рязанские топонимы в художественной литературе: материалы и комментарии / А. А. Никольский. – Рязань, 2007. – 44 с.

159. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М., 1965. – 179 с.

160. Никонов, В. А. Имена персонажей / В. А. Никонов // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти В. В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С. 407-419.

161. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов – М.: Наука, 1974. – 278 с.

162. Ниц, Е. М. Урбанистические мотивы в дневниковой книге М. М. Пришвина «Глаза земли» // Город как культурное пространство: Материалы региональной научной конференции. – Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2003. – С. 32-35.

163. Ниц, Е. М. Поэтика заглавия в дневниковой книге М. М. Пришвина «Глаза земли» / Е. М. Ниц // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Тюмень, 2004, С. 244-247.

164. Новоселова, И. Г. Духовный космос в произведениях М. М. Пришвина начала 1930-х годов / И. Г. Новоселова // Вестник Дальневосточного

отделения Российской академии наук. – №1. – Владивосток: Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения РАН, 2004. – С. 123-137.

165. Обухова, Е. С. Принципы составления Словаря ономастических единиц творчества А. С. Пушкина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Обухова Елена Сергеевна. – Воронеж, 2009. – 23 с.

166. Овчинникова, Л. В. Сказка-путешествие как «творческое поведение» М. М. Пришвина / Л. В. Овчинникова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – №4. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – С. 200-206.

167. Ольховская, Ю. И. Картина мира в дневнике М. М. Пришвина / Ю. И. Ольховская // «Инновации в науке»: материалы XX международной заочной научно-практической конференции. (20 мая 2013 г.); Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 77-89.

168. Отин, Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Отин Е.С. Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 279-286.

169. Отин, Е. С. Стилистические функции собственных имен в рассказах В. М. Гаршина / Е. С. Отин // Избранные труды по языкознанию / Е. С. Отин. – Донецк: «Донеччина», 1999. – С. 145-154.

170. Отин, Е. С. Гидронимия Дона: монография в 2-х т.: Т. 1: Верхний и Средний Дон / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 576 с.

171. Охотникова, Г. П. Феномен легенды в поэтике ранней прозы М. М. Пришвина // Творческое наследие писателей Русского Подстепья: проблематика и поэтика: Сборник научных трудов; Отв. ред. Н. Н. Комлик. – Елец, 2002. – С. 141-149.

172. Паустовский, К. Г. Поэт русской природы [Памяти М. Пришвина] / К. Паустовский // Огонек. 1954 – № 4 – С. 10.

173. Пахомова, М. Ф. Пришвин и Карелия: критический очерк / М. Ф. Пахомова. – Петрозаводск: Гос. изд-ва Карел. АССР, 1960. – 71 с.

174. Пахомова, М. Ф. Михаил Михайлович Пришвин / М. Ф. Пахомова. – Л.: Просвещение, 1970. – 126 с.
175. Перкас, С. В. Урбанонимы в художественном тексте / С. В. Перкас // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 188-201.
176. Пискулин, А. А. Выговский край Олонецкой губернии в творчестве М. М. Пришвина / А. А. Пискулин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – №10. – Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 228-232.
177. Пискулин, А. А. От Подстепья до Поморья: Елецкий край и Выговский край – исторические регионы России в творчестве И. А. Бунина и М. М. Пришвина / А. А. Пискулин. – Елец, 2012. – 239 с.
178. Платонов, А. П. «Неодетая весна» М. Пришвина // Платонов, А. П. Собрание сочинений в 8 тт. – Т. 8. – М.: Время, 2011. – С. 476-484.
179. Плеханов, В. В. Символ. Миф. Имя в творчестве М. М. Пришвина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / В. В. Плеханов – Ташкент, 1997. – 19 с.
180. Подоксенов, А. М. К вопросу о предмете и методах исследования творчества М. М. Пришвина / А. М. Подоксенов // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. – С. 9-30.
181. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин и Максим Горький: тайна прототипа огородника Крыскина из повести «Мирская чаша» / А. М. Подоксенов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Культурология»: Энтелехия / гл. ред. И. А. Едошина. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 23. – С. 97-105.
182. Подоксенов, А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества / А. М. Подоксенов // Михаил Пришвин и XXI век:

материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 3-16.

183. Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразоват. анализ / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

184. Попов, С. В. Названия студеных берегов / С. В. Попов. – Мурманск: Кн. изд-во, 1990. – 188 с.

185. Поспелов, Е. М. Географические названия мира: Топоним. словарь: Свыше 5 000 единиц / Е. М. Поспелов – М.: Рус. словари, 1998. – 503 с.

186. Пришвин и современность: Сборник / Сост. П. С. Выходцев. – М.: Современник, 1978. – 333 с.

187. Пришвин, М. М. Собрание сочинений: В 6 т. / М. М. Пришвин. – М.: Гослитиздат, 1956-1957.

188. Пришвина, В. Д. Слово Правды / В. Д. Пришвина // Русская литература. 1973. – № 1. – С. 31.

189. Пришвина, В. Д. Петербург, Елец – Хрущево, Лебедянь, Белев – Жабынь и деревня под Новгородом / В. Д. Пришвина // Пришвин и современность: Сборник / Сост. П. С. Выходцев. – М.: Современник, 1978. – С. 206-212.

190. Пришвина, В. Д. Наш дом: О М. М. Пришвине / В. Д. Пришвина. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 334 с.

191. Пришвина, В. Д. Круг жизни: Очерки о М. М. Пришвине / В. Д. Пришвина. – М.: Худож. лит., 1981. – 239 с.

192. Пришвина, В. Д. Осударева дорога / В. Д. Пришвина // Пришвин, М. М. Собрание сочинений: В 8 т. – Т. 6. – М.: Худож. лит., 1984_а. – С. 419-425.

193. Пришвина, В. Д. Путь к слову: [О М. М. Пришвине] / В. Д. Пришвина. – М.: Мол. гвардия, 1984_б. – 262 с.

194. Провоторов, А. В. Творческий диалог Алексея Ремизова и Михаила Пришвина / А. В. Провоторов // Известия Российского государственного

педагогического университета им. А. И. Герцена. – №114. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009. – С. 232-236.

195. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. / А. С. Пушкин. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 544 с.

196. Ражина, В. А. Ономастические реалии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Виктория Александровна Ражина. – Краснодар, 2007. – 19 с.

197. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: Учеб. для филол. фак. пед. ин-тов / А. А. Реформатский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

198. Рогалев, А. Ф. Ономастика художественных произведений: пособие / А. Ф. Рогалев. – Гомель, 2003. – 194 с.

199. Рудашевская, Т. М. М. М. Пришвин и русская классика. Фацелия. Осударева Дорога / Т. М. Рудашевская – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 258 с.

200. Рязанова, Л., Чуваков В. Корабельная чаша [Комментарии] / Л. Рязанова, В. Чуваков // Пришвин, М. М. Собрание сочинений: В 8 т. – Т. 6. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 429-437.

201. Рылов, Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю. А. Рылов – М.: Восток-Запад: АСТ, 2006. – 311 с.

202. Сандажиева, С. А. Основные структурно-семантические и прагматические характеристики заголовка короткого рассказа: На материале англояз. прозы: дис. ... канд. филол. наук / С. А. Сандажиева. – Пятигорск, 1994. – 189 с.

203. Саушкин, Ю. Г. Писатель-географ М. М. Пришвин / Ю. Г. Саушкин // Избранные труды / Ганнушкин, П. Б. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 341-346.

204. Серова, Г. Л. Диалектное слово в художественном контексте: (На материале творчества М. М. Пришвина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. Л. Серова. – Воронеж, 1989. – 17 с.

205. Сизинцева, Л. И. Хронотоп провинциала / Л. И. Сизинцева // Русская провинция: Культура XVIII–XX веков. – М., 1993. – С. 32-36.

206. Сионова, С. А. Фольклорно-краеведческие экспедиции как фактор гражданского воспитания студентов на материале изучения пришвинских мест липецкой области // Изв. Воронежского пед. ин-та. – 1986. – Т. 240.

207. Сионова, С. А. М. Пришвин: «Нет лучше на свете места, где я родился» / С. А. Сионова // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 305-309.

208. Скуридина, С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы») / С. А. Скуридина – Воронеж: Науч. книга, 2007₆. – 301 с.

209. Смирнов, Н. П. Михаил Пришвин: Очерк жизни и творчества. / Н. П. Смирнов. – М., Л.: Детгиз, 1953. – 46 с.

210. Соколова, М. В. Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте / М. В. Соколова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – №33 (248). – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2011. – С. 182-184.

211. Соколов-Микитов, И. С. Детство // Соколов-Микитов, И. С. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 1. – Л.: Худож. лит., 1985. – С. 25-99.

212. Сологуб, Ф. Звезда Маир // Сологуб, Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3 тт. – Т. 2, кн. 1. – СПб.: Наука, 2014. – С. 483.

213. Степанова Т. А. Топонимы русского Севера в произведениях М. М. Пришвина // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы ее изучения в высшей и средней школе. – Череповец, 1982. – С. 187-189.

214. Страхов, И. И. Топонимическое пространство детства и отрочества М. Пришвина (на материале романа «Кашеева цепь») / И. И. Страхов // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013_а. – С. 309-313.

215. Страхов, И. И. Топонимическое пространство повести М. М. Пришвина «Славны бубны» и крымского дневника 1913 года / И. И. Страхов // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов – Вып. 32. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013_б. – С. 369-374.

216. Страхов, И. И. Топонимия Европы в автобиографическом романе Пришвина "Кашеева цепь" / И. И. Страхов // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики: сборник научных трудов – Вып. 2. / М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 250-255.

217. Страхов, И. И. Гидронимы в творчестве М. М. Пришвина / И. И. Страхов // ФИЛОЛОГОС. – Выпуск 1 (24). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015_а. – С. 86-90.

218. Страхов, И. И. Река Пинега и ее притоки в топонимическом пространстве творчества М. Пришвина / И. И. Страхов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика – Выпуск №2, 2015_б. – С. 78-79.

219. Страхов, И. И. Хрущевский пласт топонимического пространства творчества М. М. Пришвина / И. И. Страхов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015_в. – №8 (50): в 3-х ч. Ч. III. – С. 184-187.

220. Страхов, И. И. Малая родина в художественном творчестве М. М. Пришвина: ономастический комментарий / И. И. Страхов // ФИЛОЛОГОС. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. – №3 (26) – С. 73-77.

221. Суперанская, А. В. Структура имени собственного: (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.

222. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
223. Суперанская, А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 177 с.
224. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.01. / Василий Иванович Супрун. – Волгоград, 2000. – 76 с.
225. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Неподкупный. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
226. Тимрот, А. Д. Пришвин в Московском крае / А. Д. Тимрот. – М., «Моск. рабочий», 1973. – 192 с.
227. Толстой, Л. Н. Отец Сергей // Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 11. – М.: Правда, 1987. – С. 265-307.
228. Топоров, В. Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – №6.
229. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб.: Искусство-СПБ, 2003. – 612 с.
230. Топоров, В. Н. От имени к тексту // Имя. Семантическая аура / Рос. акад. наук, ин-т славяноведения. – М.: Языки славян. культур, 2007_а. – С. 15-27.
231. Топоров, В. Н. «Скрытое» имя в русской поэзии / В. Н. Топоров // Имя. Семантическая аура. – Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Языки славян. культур, 2007_б. – С. 118-132.
232. Трубицина, Н. А. Культурный неомиф Михаила Пришвина (на материале повести «Жень-шень») / Н. А. Трубицина // *Philologos*. – Выпуск 9. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – С. 78-90.
233. Трубицина, Н. А. Петербургский текст в повести Михаила Пришвина «Славны бубны» / Н. А. Трубицина // *Philologos*. – Выпуск 13 (2). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012_а. – С. 85-91.

234. Трубицина, Н. А. Провинциальный текст: Елец в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» / Н. А. Трубицина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2012_б. – С. 156-163.

235. Трубицина, Н. А. Водная стихия как доминанта «карельского текста» в книге Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц» / Н. А. Трубицина // Ученые записки петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. – №3 (132) – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2013. – С. 74-77.

236. Тынянов, Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – 581 с.

237. Тынянов, Ю. Н. Сюжет «Горя от ума» / Ю. Н. Тынянов // Литературное наследство. Т. 47-48. – М., 1946. – С. 148-188.

238. Федоров, В. [Предисл.] // Пришвин М. Курымушка. Книга первая романа «Кашеева цепь» М.: Дет. лит., 1986. – С. 5-10.

239. Флоренский, П. А. Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность / П. А. Флоренский // Флоренский, П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2) – М.: Мысль, 2000. – С. 169-358.

240. Фомин, А. А. Ономастика и хронотоп: о художественных функциях мелонима «Фанданго» у А. Грина / А. А. Фомин // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. – Екатеринбург, 1999. – С. 173-177.

241. Фомин, А. А. Имя как прием: реминисцентный оним в художественном тексте / А. А. Фомин // Изв. Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 6. Языкознание. – 2003. – №28. – С. 167-181.

242. Фомин, А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2004. – №1. – С. 108-120.

243. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие / О. И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

244. Хайлов, А. И. Михаил Пришвин: Творческий путь / А. И. Хайлов. – М.: АН СССР, 1960. – 162 с.
245. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 397 с.
246. Хмельницкая, Т. Ю. Творчество Михаила Пришвина / Т. Ю. Хмельницкая. – Л.: Сов. писатель, 1959. – 284 с.
247. Холодова, З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: Содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова – Иваново: «Иваново», 2000. – 296 с.
248. Холодова, З. Я. Дневник как творческая лаборатория: М. Пришвин в работе над очерком-поэмой «Черный араб» // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 140-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. – С. 44-53.
249. Худенко, Е. А. Концепция «творческого поведения» в художественной системе М. М. Пришвина: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. А. Худенко. – Самара, 1997. – 18 с.
250. Худенко, Е. А. Формирование концепции «творческого поведения» в прозе М. М. Пришвина / Е. А. Худенко // Филология и человек. – №2. – Барнаул, 2010. – С. 150-156.
251. Худенко, Е. А. Жизнетворчество М. М. Пришвина: игровая стратегия / Е. А. Худенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – Т. 87. №1. – Барнаул: УФУ им. Б. Н. Ельцина, 2011. – С. 96-104.
252. Худенко, Е. А. Путешествие М. Пришвина в Азию (анализ фрагментов из раннего дневника) / Е. А. Худенко // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы второй международной научно-практической конференции. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. – С. 124-130.

253. Чарыкова, О. Н. Художественная картина мира: индивидуально-авторское и национальное // Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 212-232.

254. Черных, П. Я. Заметки о фамилиях в «Горе от ума» // Доклады и сообщ. филологич. ф-та МГУ. – М., 1948. – Вып. 6 – С. 46-49.

255. Чернышев, В. И. Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) // Чернышев В. И. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 6. – СПб., 1908. – С. 128-132.

256. Чехов, А. П. Степь // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 7. – М.: Наука, 1986. – С. 13-104.

257. Чистов, К. В. Русский Север / К. В. Чистов // Наука и жизнь, 1977. – №1. – С. 85-90.

258. Шагинян, Р. П., Магазаник, Э. Б. Экспрессия собственных имен в русской классической литературе / Р. П. Шагинян, Э. Б. Магазаник // Труды Узбекского ун-та им. А. Навои. – Самарканд, 1958. – Вып. 93. – С. 103-126.

259. Шевченко, Т. Г. Щоденник // Шевченко, Т. Г. Зібрання творів: У 6 т. – Киев, 2003. – Т. 5. – С. 9-187.

260. Шкіринець, Г. До проблеми становлення термінів літературної ономастики / Г. Шкрінець // Українська термінологія і сучасність. – К., 1997. – С. 117-119.

261. Шманов, Е. Г. Елецкий период жизни М. Пришвина / Е. Г. Шманов // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Выпуск 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 238-240.

262. Штейн, А. Национальное своеобразие «Горя от ума» // А. С. Грибоедов, 1795–1829: Сборник ст. – М.: Гослитмузей, 1946. – С. 7-38.

263. Штерн, М. С. Основы автобиографического мифа М. М. Пришвина / М. С. Штерн // Вестник Омского университета. – №2 (64). – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2012. – С. 354-358.

264. Шутковски, Т. Топонимия в пространстве русской идиоматики и паремиологии (лингвокультурный аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2010. – 750 с.

265. Щетинин, Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону, 1966. – 119 с.

266. Эпштейн, М. Г. «Природа, мир, тайник Вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Г. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 302 с.

267. Ююкин, М. А. Исторические связи Среднего Подонья и исконных восточнославянских земель по данным топонимики / М. А. Ююкин // Край Воронежский: межвузовский студенческий сборник. – Вып. 1. – Воронеж, 1996. – С. 52-56.

268. 14 июня в Каркаралинске // Омские Епархиальные Ведомости. – 1905. – №16, с. 20-23.

269. Wilkoń A. Nazewnictwo w utworach Stefana Żeromskiego. – Wrocław – Warszaw – Kraków. – 1970.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

270. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907.

271. Дьякова, В. И., Хитрова, В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). – Воронеж: ВГУ, 2009. – 344 с.

272. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1980.

273. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 410 с.
274. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
275. Пospelов, Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Около 5000 единиц / Е. М. Пospelов. – М.: Русские словари: Астрель, 2002. – 509 с.
276. Пospelов, Е. М. Историко-топонимический словарь России: Досовет. период / Е. М. Пospelов. – М.: Профиздат, 2000. – 219 с.
277. Пришвин и Карелия: Рек. указ. литературы / Сост. О. П. Кошкина. – Петрозаводск: Карелия. – 24 с.
278. Прохоров, В. А. Липецкая топонимия / В. А. Прохоров. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1981. – 160 с.
279. Прохоров, В. А. Надпись на карте: Геогр. назв. Центр. Черноземья / В. А. Прохоров. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. – 192 с.
280. Михаил Михайлович Пришвин: Библиографический указатель / Сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. – Иваново: ЛИСТОС, 2013. – 175 с.
281. Синдаловский, Н. А. Словарь петербуржца: Более 3700 слов и выражений / Н. А. Синдаловский. – СПб.: Норинт, 2002. – 316 с.
282. Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. Словар. сектор. – М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–.
283. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1906-1907.
284. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / Сост. секретарем Губ. стат. ком. Н. А. Голубцовым. – Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1907. – [12], 215, XIII с.;
285. Список населенных мест. Орловская губерния по сведениям 1866 года / СПб., 1871. – 238 с.
286. Статейнов, А. П. Топонимика Сибири и Дальнего Востока / А. П. Статейнов. – Красноярск: Буква С, 2008. – 503 с.

287. Степанов, А. И. Русский берег: История геогр. назв.: [Справочник] / А. И. Степанов. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976. – 189 с.

288. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2008.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

289. Пришвин, М. М. Собрание сочинений: В 8 т. / М. М. Пришвин. – М.: Худож. лит., 1982-1986.

290. Пришвин, М. М. Дневники. 1914-1917 / М. М. Пришвин. – М.: Московский рабочий, 1991. – 432 с.

291. Пришвин, М. М. Дневники. 1918-1919 / М. М. Пришвин. – М.: Московский рабочий, 1994. – 383 с.

292. Пришвин, М. М. Дневники 1920-1922 / М. М. Пришвин. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 332 с.

293. Пришвин, М. М. Дневники. 1923-1925 / М. М. Пришвин. – М.: Русская книга, 1999. – 416 с.

294. Пришвин, М. М. Дневники. 1926-1927 / М. М. Пришвин. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с.

295. Пришвин, М. М., Пришвина, В. Д. Мы с тобой: Дневник любви / М. М. Пришвин, В. Д. Пришвина. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2003. – 254 с.

296. Пришвин, М. М. Дневники. 1928-1929 / М. М. Пришвин. – М.: Русская книга, 2004_а. – 544 с.

297. Пришвин, М. М. Цвет и крест / М. М. Пришвин. – СПб.: Росток, 2004_б. – 606 с.

298. Пришвин, М. М. Дневники. 1930-1931 / М. М. Пришвин. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2006. – 704 с.

299. Пришвин, М. М. Ранний дневник. 1905-1913 / М. М. Пришвин. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2007. – 800 с.

300. Пришвин, М. М. Дневники. 1932-1935 / М. М. Пришвин. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2009. – 1008 с.

301. Пришвин, М. М. Дневники. 1936-1937 / М. М. Пришвин. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2010_а. – 992 с.
302. Пришвин, М. М. Дневники. 1938-1939 / М. М. Пришвин. – СПб.: «Изд-во “Росток”», 2010_б. – 608 с.
303. Пришвин, М. М. Дневники. 1940-1941 / М. М. Пришвин. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012_а. – 880 с.
304. Пришвин, М. М. Дневники. 1942-1943 / М. М. Пришвин. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012_б. – 813 с.
305. Пришвин, М. М. Дневники. 1944-1945 / М. М. Пришвин. – М.: Новый хронограф, 2013_а. – 944 с.
306. Пришвин, М. М. Дневники. 1946-1947 / М. М. Пришвин. – М.: Новый хронограф, 2013_б. – 968 с.
307. Пришвин, М. М. Дневники. 1948-1949 / М. М. Пришвин. – СПб.: Росток, 2014. – 821 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

308. Взгляд на имя реки Елецкой [Электронный ресурс] // Время вернуться домой. – Режим доступа: http://letopisi.org/index.php/Взгляд_на_имя_реки_елецкой (дата обращения: 22.05.2015). – Загл. с экрана.
309. Водопад Воицкий падун в Надвоицах [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://turbina.ru/guide/Nadvoitsy-Rossiya-86883/Zametki/Vodopad-Voitskiy-Padun-v-Nadvoitsakh-76753/> (дата обращения: 31.01.2015). – Загл. с экрана.
310. Государственный водный реестр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textual.ru/gvr> (дата обращения: 21.12.2014) – Загл. с экрана.
311. Доля карел в Карелии [Электронный ресурс] // Карелия. – Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/File%3ADolja_karel_v_karelii.jpg (дата обращения: 02.06.2015). – Загл. с экрана.

312. Егоров, В. Крутоярский зверь – миф или реальность [Электронный ресурс] / В. Егоров. – Тула, 2004. – Режим доступа: <http://labirintmrg.narod.ru/NewPulse/Tematika/Kripto/KrutoyrZver.htm> (дата обращения: 09.09.2014). – Загл. с экрана.

313. Мендис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 13.07.2014). – Загл. с экрана.

314. Озеро Телекино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: wikimaria.org/17873038/ru/Озеро-Телекино (дата обращения: 16.02.2015). – Загл. с экрана.

315. Разумова, И. А. «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.librius.net/b/1747/read> (дата обращения: 07.02.2015). – Загл. с экрана.

316. Село Талец. – Режим доступа: http://elets-history.ru/uezd/drizgal/s_tales/index.htm (дата обращения: 22.07.2015). – Загл. с экрана.

317. Эртнер, Е. Н. Об одном из принципов тематизации образа Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/last/No8/text13.htm> (дата обращения: 17.04.2015) – Загл. с экрана.